

1(091)

К66

МИХАИЛЪ КОРЕЛИНЪ

РАННИЙ
ИТАЛЬЯНСКІЙ ГУМАНИЗМЪ

И ЕГО ИСТОРИОГРАФІЯ

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ТОМЪ III

Джіованни Воккаччіо

ЕГО КРИТИКИ И БІОГРАФЫ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

Спб. Вас. остр., 5 лин., собств. д. № 28.

Книги по всемирной исторіи.

Проф. Н. И. КАРБЕВЪ, Общій курсъ исторіи XIX вѣка. Политическія, социальныя и національныя движенія. — Экономическое развитіе и смѣны умственныхъ теченій. — Международныя отношенія. Спб. 1910. Ц. 2 р. (2 ф. 2 л.).

—— Изъ лекцій по общей теоріи исторіи. Теорія историческаго знанія. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 50 к. (22 л.).

—— Краткая исторія прошлаго столѣтія. Обзоръ главныхъ политическихъ событій въ Европѣ, преимущественно Западной, между 1880 и 1900 г.г. Пособіе для самообразованія. Спб. 1911. Ц. 75 к. (19 л.).

—— Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. Продолженіе «Философіи культурной и социальной исторіи новаго времени». Спб. 1905. Ц. 60 к. (14 л.).

—— Главныя обобщенія всемирной исторіи. Учебное пособіе для средней школы и самообразованія. Съ историческими картами. Изд. 3-е. Спб. 1911. Ц. 50 к. (10 л.).

—— Учебная книга древней исторіи. Съ историческими картами. 8-е изд. Спб. 1912. Ц. пер. 1 р. 35 к. (1 ф. 5 л.).

—— Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. 8-е изд. Спб. 1911. Ц. пер. 1 р. 25 к. (1 ф. 4 л.).

—— Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. 12-е изд. Спб. 1911. Ц. пер. 1 р. 45 к. (1 ф. 11 л.).

—— Историческое міросозерцаніе Т. Н. Грановскаго. Изд. 3-е. Спб. 1905 г. Ц. 50 к.

—— Альбертъ Сорель, какъ историкъ французской революціи. Спб. 1907 г. Ц. 30 к.

—— Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. М. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

—— Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. 1886 г. Ц. 2 р.

—— Парижскія секціи временъ французской революціи (1790—1795). Спб. 1911 г. Ц. 80 к.

—— Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ. (1902—1911 г.). Спб. 1912 г. Ц. 60 к.

—— Неизданные документы по исторіи парижскихъ секцій 1790—1795 г.г. Спб. 1912. Ц. 1 р. 15 к.

—— Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи. Серія I. Спб. 1913. Ц. 1 р.

9(45)
К 66 X

МИХАИЛЪ КОРЕЛИНЪ

Пров. 1965

ПРОВЕРЕНО
1950 г.

РАННИЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ ГУМАНИЗМЪ

И ЕГО ИСТОРИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

ПРОВЕРЕНО
1966 г.

ТОМЪ III

Джiovанни Боккаччио

ЕГО КРИТИКИ И БИОГРАФЫ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

Устанса адукаци
"Вичевски дзяржаўны ўніверсітэт
імя П. М. Машарова"
БІБЛІЯТЭКА

180 чыст 12 руб.
524199

1(091)

Б7.3(4Ита)43 + Б3.3(4Ита)

К66

4506

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. Научныя произведенія Боккаччіо.—„Генеалогія боговъ“.— Приемы Боккаччіо при истолкованіи мифовъ.—Значеніе науч- ной части книги и отношеніе къ ней новыхъ изслѣдователей.— Двѣ послѣднія книги Генеалогіи и ихъ значеніе.—Трактатъ „О знаменитыхъ женщинахъ“ и его историческое значеніе.— „О несчастіяхъ знаменитыхъ людей“.—Географическое сочи- неніе Боккаччіо.—Работы Шюка и Гортиса	2
II. Переписка Боккаччіо.—Вопросъ о Zibaldone.—Эклоги.—Со- мнительныя и подложныя произведенія Боккаччіо.—Общій ха- рактеръ и историческое значеніе его латинскихъ произве- деній	35
III. „Жизнь Данте“ и ея историческое значеніе.—„Комментарій къ Божественной Комедіи“.—Романы и эпическія поэмы Бок- каччіо.—Средневѣковой и гуманистическій элементы въ „Фи- локопо“.—Историческое значеніе „Амето“, „Любовнаго видѣ- нія“ и „Тезиды“.—„Филострато“, „Ninfale Fiesolano“ и „Фиа- метта“.—Декамеронъ и его отношеніе къ любви, къ церкви и къ аристокраціи.—Сочиненія, приписываемыя Боккаччіо.— Общій выводъ объ историческомъ значеніи его латинскихъ и итальянскихъ произведеній	61
IV. Біографическая литература о Боккаччіо.—Отношеніе къ нему раннихъ біографовъ.—Манни, Маццукелли и Бальделли.— Витте и отношеніе къ Боккаччіо историковъ литературы и гуманизма въ первой половинѣ XIX столѣтія.—Характери- стика Фогта и ея значеніе	106
V. Отношеніе къ Боккаччіо Джудичи и Де-Санктиса.—Вліяніе пятисотлѣтняго юбилея Боккаччіо на его біографическую ли- тературу.—Кораццини и Ландау.—Оцѣнка гуманистической дѣятельности Боккаччіо въ общихъ сочиненіяхъ Сэймондса, Геттнера и Жебара.—Кёртингъ	125

VI. Биографическая литература о Боккаччио за последнее десяти- лѣтіе.—Книги Гортиса и Крешини.—Монографіи Макри-Леоне и Графа.—Общія сочиненія этого періода: Штернъ и Гаспари, Гейгеръ и Кёртингъ.—Общій характеръ биографической ли- тературы о Боккаччио и ея пробѣлы	154
--	-----

Всѣ изслѣдователи, которые считаютъ Петрарку родоначальникомъ гуманизма, отводятъ слѣдующее мѣсто въ исторіи движенія Боккаччіо. Такая точка зрѣнія легко оправдывается при самыхъ разнообразныхъ взглядахъ на Возрожденіе. Если видѣть въ гуманизмъ заносное движеніе, созданное византійскими греками, Боккаччіо является первымъ посредникомъ между пришельцами и итальянцами; если понимать подъ Ренессансомъ возрожденіе историко-филологическаго изученія античнаго міра, то авторъ Декамерона оказалъ огромныя услуги и въ этой области не только своими латинскими трактатами, но также ревностными заботами о распространеніи въ Италіи знакомства съ греческимъ языкомъ. Справедливой остается эта точка зрѣнія и при правильномъ воззрѣніи на гуманистическую эпоху. Тѣсная дружба между Петраркой и Боккаччіо при полной противоположности ихъ натуръ указываетъ на сходство ихъ стремленій, и ихъ произведенія съ несомнѣнною ясностью доказываютъ обѣ эти стороны ихъ біографіи. Такъ смотрѣли на нихъ и ихъ ближайшіе послѣдователи. Поэтому сочиненія Боккаччіо имѣютъ такой же историческій интересъ, какъ и произведенія перваго гуманиста.

I.

Научныя произведенія Боккаччіо. „Генеалогія боговъ“. Приемы Боккаччіо при истолкованіи мифовъ. Значеніе научной части книги и отношеніе къ ней новыхъ изслѣдователей. Двѣ послѣднія книги Генеалогіи и ихъ значеніе. Трактатъ „О знаменитыхъ женщинахъ“ и его историческое значеніе. „О несчастіяхъ знаменитыхъ людей“. Географическое сочиненіе Боккаччіо. Работы Шюка и Гортиса.

Между многочисленными сочиненіями Боккаччіо ¹⁾ значительное мѣсто занимаютъ его труды, написанные на латинскомъ языкѣ. Самый обширный изъ нихъ по объему и самый важный по содержанію— это трактатъ „О генеалогіи языческихъ боговъ“ ²⁾. Боккаччіо, придававшій этому трактату особое значеніе, предпринялъ его по заказу Гуго Лузиньяна ³⁾, короля Іерусалима и Кипра, но выпустилъ его въ свѣтъ только послѣ смерти этого мецената, да и то безъ окончательной отдѣлки ⁴⁾. Въ предисловіи къ Генеалогіи, написан-

¹⁾ Для библиографіи произведенія Боккаччіо. См. *Zambrini, Bibliografia Boccacesca. Serie delle opere di Giovanni Boccaccio, latine, volgari, tradotte e trasformate. Bologna 1875.* Этудь *Ferrari, Contributo alla bibliografia Boccacesca.* (Въ *Revista dalle Biblioteche* 1887) мнѣ извѣстенъ только по заглавію.

²⁾ Самъ Боккаччіо называетъ это сочиненіе въ одномъ письмѣ (Corazzini. *Le lettere edite e inedite. Firenze 1887* p. 350) *Opus de genealogiis deorum.* Издано оно было нѣсколько разъ. Manni (*Istoria del Decamerone* p. 69) приводит интересное изданіе. Venetiis impressum anno salutis MCCCCLXXXII, Nicolao Throno duce felicissimo imperante. Con una tavola dei nomi propri e delle cose notabili divisata per alfabeto da *Domenico d'Arezzo* ad istanza di Coluccio Salutati, comme dalla prefazione di esso Domenico. Körtling упоминаетъ Венеціанское изданіе 1511 года. Я пользуюсь: *Ioannis Bocatii Peri genealogias deorum libri XV.* Въмѣстѣ съ сочиненіемъ О горахъ etc. *Basileae apud Io. He vagium. Anno MDXXXII.* Полнаго собранія латинскихъ сочиненій Боккаччіо, какъ извѣстно, до сихъ поръ нѣтъ. Итальянскій переводъ Генеалогіи, сдѣланный Giuseppe Betussi, изданъ въ Венеціи въ 1606 году. О другихъ изданіяхъ и переводахъ. См. *Zambrini* p. 13—18, *Hortis* p. 769—85.

³⁾ Мнѣніе de Witte о томъ, что виновникомъ появленія книги былъ родственникъ Гуго IV, тоже Гуго, только князь Галилея, опровергнуто *Landau* (p. 189—190) и *Hortis* p. 158—159.

⁴⁾ Сочиненіе было написано вполне между 1350 и 1359 годомъ; Боккаччіо говоритъ въ предисловіи: *cujus (Petrascae) jam diu ago adjutor sum* (оно перепечатано у *Corazzini* p. 216); ихъ знакомство относится къ 1350 году, а черезъ 9 лѣтъ умеръ Гуго, до смерти котораго, какъ видно изъ предисловія (p. 223), было написано все сочиненіе, но безъ окончательной ре-

номъ въ формѣ разговора автора съ Доннино-да-Парма, который передалъ ему королевское порученіе, Боккаччіо излагаетъ свою задачу и указываетъ трудности ея исполненія. Гуго желаетъ изложенія преданій о происхожденіи боговъ и героев и объясненія аллегорическаго смысла этихъ разсказовъ ¹⁾. Боккаччіо рекомендуетъ для этого Петрарку, потому что матеріаль очень обширенъ и трудно собрать нужную для этого литературу, но въ концѣ концовъ согласился исполнить волю короля и написалъ большой томъ, раздѣленный на 15 книгъ.

Боккаччіо понимаетъ свою задачу двоякимъ образомъ: во-первыхъ, собрать свѣдѣнія о богахъ и, во-вторыхъ, объяснить смыслъ относящихся сюда преданій. „Имена и поколѣнія боговъ и ихъ потомковъ блуждаютъ въ мірѣ (*vagantur per orbem*), разсѣянные здѣсь и тамъ, говоритъ Боккаччіо. Кое-что содержитъ въ себѣ одна книга, кое-что другая. Кто, спрашивается, пожелаетъ себѣ задаромъ (*pro munere*), или по крайней мѣрѣ съ трудомъ мало плодотворнымъ (*parum fructuoso*) изслѣдовать это, перелистать (*volvere*) и прочитать столько томовъ и извлечь оттуда весьма немногое“ ²⁾. Боккаччіо предпринялъ этотъ огромный трудъ и написалъ 13 книгъ миеологіи. Обширный матеріаль, извлеченный изъ предшествующей литературы, онъ расположилъ въ генеалогическомъ порядкѣ, предпосылая каждой книгѣ родословное древо ³⁾. Начитанность Боккаччіо чрезвычайно обширна: онъ пользуется не только древними писателями, но и средневѣковыми, не только письменными источниками, но и тѣми свѣдѣніями, которыя сообщалъ ему Л. Пилать и Варлаамъ ⁴⁾. Его отношеніе къ источникамъ очень просто:

дакція, какъ это говоритъ самъ Боккаччіо въ письмѣ къ Pietro di Montefiore отъ 1373 г. (У Караццини р. 337 и слѣд.) Другія соображенія въ пользу этой даты. Hortis. Studj sulle opere latine del Boccaccio. Trieste 1879 р. 159. Landau р. 189. Окончательную редакцію Бальделли относятъ къ 1373 году (Vita di G. B. р. 385).

¹⁾ Quod sub fabularum tegmine illustres quondam senserunt viri. P. 211.

²⁾ Praefatio.

³⁾ 1-я книга содержитъ мненіе о Демогоргонѣ и его дѣтяхъ и внукахъ; 2-я—потомство Ээира, сына Эреба и Ночи, дѣтей Демогоргона, отъ его сына Зевса; 3-я, 4-я, 5-я—потомство Целія, сына Ээира и Дня; 6-я—потомство Дардана, сына второго Зевса, родившагося отъ Целія; 7-я—потомство Океана, сына Целія и Весты; 8-я—Сатурна, сына Целія; 9-я—Юноны, 8-й дочери Сатурна; 10-я—Нептуна, сына Сатурна; 11-я, 12-я и 13-я—третьяго Зевса, сына Сатурна.

⁴⁾ См. напр. II, 29, 2 и passim.

встрѣчая разногласіе въ сообщаемомъ ими миѣѣ, онъ ставитъ рядомъ два разсказа, при чемъ не заходитъ даже и рѣчи о сравнительномъ авторитетѣ цитируемыхъ авторовъ ¹⁾. Вообще его книга по отношенію къ *фактическому содержанию* миѣа совершенно чужда критики, такъ что Боккаччіо считаетъ возможнымъ, напримѣръ, приводить хронологію похищенія Зевсомъ Европы ²⁾. Вслѣдствіе этого, генеалогія боговъ представляетъ собою только компендіумъ миѣологическихъ свѣдѣній, довольно обстоятельный для своего времени. Но Боккаччіо не ограничивается пересказомъ миѣа, а старается также истолковать его значеніе. Миѣѣ, какъ думалъ Боккаччіо вмѣстѣ съ своими современниками, не просто бессмысленная басня, но или историческій фактъ, или аллегорическое изображеніе явленія природы или нравственнаго правила, а въ иныхъ миѣахъ соединены самыя различныя значенія. „Слѣдуетъ знать главнымъ образомъ то,— говоритъ онъ, что въ этихъ фикціяхъ не одинъ только смыслъ, наоборотъ, можно сказать, что въ нихъ *polysemum*, т. е. много значеній. Первое значеніе заключается въ самой фабулѣ (*gabetur per corticem*), и это смыслъ буквальный, другія—въ томъ, что фабула обозначаетъ (*per significata per corticem*), и эти значенія называются аллегорическими. Чтобы легче понять, что я хочу сказать, приведемъ примѣръ. Персей, сынъ Юпитера, по поэтическому вымыслу, убилъ Горгону и побѣдителемъ улетѣлъ въ эеиръ. Читая это буквально, получимъ смыслъ историческій. Если же искать въ написанномъ моральнаго смысла, то въ немъ обнаружится побѣда мудраго надъ порокомъ и возвышеніе къ добродѣтели. Если же мы пожелаемъ понять это аллегорически, то миѣѣ обозначаетъ возвышеніе къ нему благочестиваго разума (*prae mentis*), презрѣвшаго мірскія удовольствія. Сверхъ того, баснею можетъ анагогически (*anagogice*) выражаться изображеніе вознесенія къ Отцу Христа, побѣдившаго князя міра. Эти значенія, хотя и называются различными именами, могутъ быть однако всѣ названы аллегорическими, какъ это обыкновенно и бываетъ, потому что аллегорія происходитъ отъ ἄλλο, что по-латыни значитъ чужое или отличное (*diversum*); поэтому все отличное отъ историческаго или буквальнаго смысла, какъ сказано, можетъ быть справедливо названо аллегорическимъ. Но я не

¹⁾ Напр. Eusebius in libro temporum dicit Apim, qui postea rex Argivorum, filium fuisse Jovis et Niobes, filiae Phoronei... Leontius autem dixit hunc Phoronei et Niobes, sororis et conjugis suae fuisse filium eique in regnum Sicyoniorum haeredem successisse. II, 4 et passim.

²⁾ II, 42 сравн. 43 et passim.

имѣю намѣренія истолковывать слѣдующія басни по всѣмъ значеніямъ, такъ какъ я считаю достаточнымъ изъ многихъ объяснить одно, хотя иногда, можетъ быть, будутъ присоединены и многія другія“ ¹⁾). При этомъ перечисленіи различныхъ приѣмовъ истолкованія мѣта Воккаччіо опускаетъ этимологическое объясненіе, къ которому онъ прибѣгаетъ довольно часто. Такъ, напр., парки получили, по его мнѣнію, свое названіе потому, что онѣ никого не щадятъ (*nemini parcant*) ²⁾). Самый любимый приѣмъ Воккаччіо при объясненіи мѣта—это отыскать въ немъ прямой или скрытый историческій фактъ. Такъ, изложивъ мѣта о Оетидѣ, онъ замѣчаетъ, что „въ немъ слѣдуетъ видѣть аллегорическій смыслъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ ничего историческаго“ ³⁾). Въ другомъ мѣстѣ, по поводу борьбы Зевса съ титанами, онъ ограничиваетъ свои объясненія въ виду яснаго историческаго смысла мѣта ⁴⁾). Вслѣдствіе этого Воккаччіо охотно принимаетъ объясненіе Эвгемера, котораго иногда прямо цитируетъ ⁵⁾ и которому самъ подражаетъ ⁶⁾). Историческій фактъ, по его мнѣнію, и любовь Борея къ Ориціи ⁷⁾, и низверженіе Сатурна Юпитеромъ ⁸⁾, и похищенія самого Зевса ⁹⁾). На-ряду съ историческимъ объясненіемъ Воккаччіо толкуетъ мѣты и съ точки зрѣнія натурализма. Такъ, по поводу мѣта „о Ночи, первой дочери Земли“, онъ говоритъ: „что она была любима пастухомъ Фанетомъ, это должно понимать, я думаю, слѣдующимъ образомъ. Фанетъ-солнце, по моему мнѣнію, названъ пастухомъ потому, что его стараніемъ насыщается все живущее; что онъ любитъ ночь—это, я думаю, придумали потому, что онъ быстрымъ движеніемъ слѣдуетъ за ней, какъ бы за любимой женщиной, стремясь ее увидѣть, и, повидимому, желаетъ съ нею соединиться (*copulari*). Она же отвергаетъ его и убѣгаетъ не менѣе быстро, чѣмъ онъ ее преслѣдуетъ, потому что у нея противоположный характеръ (*mores adversos*): онъ свѣтитъ, она же производитъ мракъ, и не по-пустому говоритъ

¹⁾ Ibid. I, 3.

²⁾ Ibid. I, 5. См. также объясненіе имени *Daemogorgon* въ введеніи къ первой книгѣ и *passim*.

³⁾ *In his igitur, cum nil historiographicum habeatur, allegoricus sensus videndus est.* III, 3.

⁴⁾ *Viso sensu historiali circa reliquos pauca sunt dicenda.* Ibid. IV, 1.

⁵⁾ Ibid. XI, 1 p. 267, VIII, 1 p. 216 и *passim*.

⁶⁾ Ibid. II, 5.

⁷⁾ *Amasse eum (Boream) Orythiam historia est.* IV, 58.

⁸⁾ Ibid. VIII, 1.

⁹⁾ Ibid. II, 2; XI, 1.

она, что умереть, если соединится съ нимъ, такъ какъ солнце своимъ свѣтомъ разсвѣваетъ всякій мракъ и такимъ образомъ становится ея врагомъ. Наконецъ, она соединяется съ Эребомъ, т.-е. подземнымъ царствомъ, гдѣ она быстро приобрѣтаетъ силу и живетъ въ безопасности, потому что туда никогда не проникаютъ солнечные лучи“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ говоря объ Ахиллесѣ, Боккаччіо замѣчаетъ: „что его пятка не была погружена (въ воды Стикса), это скрываетъ физическую тайну. Физики говорятъ (*volunt*), что вены, находящіяся въ пяткѣ, имѣютъ отношеніе (*pertineant rationem*) *ad genum et foemorum* и мужскимъ органамъ. Поэтому пяткою, не погруженною въ Стиксъ, хотѣли обозначить непобѣжденную страсть въ Ахиллѣ, которая не была уничтожена и другими трудами, такъ что достаточно ясно, что вслѣдствіе страсти попалъ онъ въ руки враговъ и былъ ими убитъ“ ²⁾. Примѣровъ такого чисто натуралистическаго объясненія мифовъ у Боккаччіо весьма много ³⁾.

Весьма часто Боккаччіо усматриваетъ въ мифахъ аллегорію нравственныхъ доктринъ. Такъ, въ главѣ о „Коварствѣ (*Dolus*), шестомъ сынѣ Эреба“, онъ говоритъ, что древніе „понимали подъ Эребомъ глубокой тайникъ (*intimum recessum*) человѣческаго сердца, потому что тамъ мѣстопробываніе всѣхъ размышленій. Поэтому, если вслѣдствіе пренебреженія добродѣтелью боленъ духъ, то для достиженія желаемого при недостаткѣ силъ онъ направляетъ умъ къ уловкамъ. Такимъ образомъ отъ ночи, т.-е. отъ духовной слѣпоты... создается и порождается коварство“ ⁴⁾. Такимъ же образомъ Боккаччіо объясняетъ рассказы объ адѣ, о музахъ, о любви Нарциса и Эхо и многіе другіе ⁵⁾.

Хотя Боккаччіо имѣлъ въ виду ограничиться выясненіемъ одного только смысла въ каждомъ мифѣ, но весьма часто онъ увлекается и приводитъ нѣсколько толкованій. Для примѣра можно указать его объясненіе рассказа о рожденіи Аѳины. „Утверждаютъ,—говоритъ онъ, что Минерва, т.-е. мудрость, родилась изъ мозга Юпитера, т.-е. бога. Физики утверждаютъ, что всѣ интеллектуальныя силы заключаются въ мозгу, какъ бы въ крѣпости (*in arce*) тѣла. Отсюда рассказываютъ, что Минерва, т.-е. мудрость, родилась изъ мозга

¹⁾ Ibid. I, 9.

²⁾ Ibid. XII, 52.

³⁾ См. напр., IV, 20, 27; VII, 17 и *passim*.

⁴⁾ Ibid. I, 20.

⁵⁾ Ibid. III, 5; XI, 2; VII, 59 и *passim*.

бога, чтобы мы понимали, что изъ глубокаго тайника (archano)-божественной мудрости вложенъ въ насъ всякій интеллектъ, всякая мудрость, дать которую Юнона, т.-е. земля, въ этомъ отношеніи бесплодная, не могла и не можетъ. По свидѣтельству священнаго писанія, всякая мудрость отъ Господа Бога, и Самъ Онъ говоритъ тамъ же: Я вышелъ изъ устъ Всевышняго. Такимъ образомъ дѣйствительно искусно придумали, что мудрость родилась не такъ, какъ мы рождаемся, но изъ мозга Юпитера, чтобы показать ея особенное благородство, что она удалена отъ всякой земной нечистоты и грязи. Поэтому ей приписывается постоянная дѣвственность, слѣдовательно бесплодность, чтобы дать понять, что мудрость никогда не ослабляется какимъ-нибудь соприкосновеніемъ со смертнымъ, наоборотъ, всегда чиста, всегда свѣтла, всегда безупречна и совершенна и по отношенію къ временному бесплодна, потому что плоды мудрости вѣчны... Она покрыта тремя одеждами, чтобы дать понять, что слова мудрецовъ и въ особенности поэтовъ (*fingentium*) имѣютъ много значеній, а что у нея священный расшитый пеплумъ, чтобы мы понимали, что рѣчи мудрецовъ стройны, цвѣтisty, изящны и украшены высочайшей красотой. Ночные атрибуты ей приписываются для того, чтобы показать, что мудрецъ размышленіемъ познаетъ скрытое во мракѣ и видитъ то, что бываетъ ночью во тьмѣ. Минервой она называется, какъ говоритъ Альберикъ, отъ *mi*, что значитъ не, и *perva* — смертный, такъ что выходитъ, что мудрость бессмертна. Тритонія она называется отъ мѣста или отъ озера, гдѣ она впервые появилась, каковымъ считается Тритонъ въ Африкѣ. Итакъ, изложивши эти вымыслы, слѣдуетъ перейти къ исторіи и узнать, что Минерва была нѣкая дѣвица, происхожденіе которой неизвѣстно. Обладая огромнымъ умомъ, она впервые появилась въ царствованіе въ Аргосѣ Форонея, какъ говоритъ Евсевій, около озера или болота Тритона въ Африкѣ, и никто не зналъ, изъ какихъ мѣстъ она пришла“ ¹⁾. Такое одновременное приложеніе различныхъ объясненій къ одному мѣсту встрѣчается и еще нѣсколько разъ ²⁾.

Толкованія мифовъ, составляющія ббльшую часть книги, болѣе всего занимаютъ Боккаччіо. Не довольствуясь господствовавшими до него методами, онъ присоединяетъ къ нимъ и такой, который при болѣе систематическомъ и послѣдовательномъ приложеніи могъ дать научные выводы. „Слѣдуетъ знать, говоритъ онъ, что у древ-

¹⁾ Ibid. II, 3.

²⁾ Примѣры приведены у Hortis Studj p. 169—170 и 171.

нихъ былъ обычай для возвышенія знатности происхожденія причислять къ богамъ извѣстными нечестивыми церемоніями и почитать храмами и жертвами основателей ихъ государствъ, а точно также и родителей государей и ихъ самихъ за какое-нибудь ихъ благодѣяніе, чтобы выразить свою благодарность и желаніемъ столь блестящей славы воодушевить другихъ къ благодѣяніямъ“¹⁾. Оставаясь простымъ комплиментомъ, когда дѣло идетъ о фабулѣ, Боккаччіо при ея толкованіи становится критикомъ и возражаетъ своимъ источникамъ²⁾, за которыми онъ такъ послушно слѣдуетъ въ другихъ случаяхъ. Но эти критическія экскурсіи и вообще рѣдкіе проблески новаго научнаго духа не измѣняютъ общаго характера книги.

Позднѣйшіе изслѣдователи не одинаково относятся къ главному латинскому трактату Боккаччіо. Въ XIV столѣтіи „Генеалогія“ пользовалась большимъ успѣхомъ. Ф. Виллани своимъ отзывомъ объясняетъ причину ея популярности. „Это сочиненіе, говоритъ онъ, весьма пріятное, полезное и чрезвычайно удобное для желающихъ познать вымыслы поэтовъ (*figmenta cognoscere*); безъ него трудно было бы и понять поэтовъ, и заниматься поэтическимъ искусствомъ (*vacare poeticae disciplinae*). Оно съ удивительною остротою ума выводило наружу и какъ бы въ руки давало тайны (*mysteria*) поэтовъ и аллегорическій смыслъ, который скрывался или въ вымышленной исторіи или въ баснословномъ изложеніи“³⁾. Совершенно въ томъ же смыслѣ говоритъ о „Генеалогіи“ К. Салютати⁴⁾. Но эта популярность не удержалась въ слѣдующемъ столѣтіи, по крайней мѣрѣ, среди передовыхъ гуманистовъ. Тѣсная связь книги съ средневѣковыми учеными и въ особенности ея стиль подорвали ея цѣну, и уже Кортесе и П. Джовіо отрицаютъ за ней всякое значеніе⁵⁾. Въ XVIII столѣтіи отношеніе къ Генеалогіи мѣняется. Манни совершенно вѣрно выставляетъ на видъ ея важность для того „не-

¹⁾ De Genealog. II, 2.

²⁾ Ibid. I, 2; IV, 27; VII, 17 и passim.

³⁾ De famos. civ. у Galletti p. 17.

⁴⁾ Въ неизданномъ сочиненіи *De laboribus Herculis* онъ говоритъ: *legant admirabile opus divini illius viri et compatriotae mei Ioannis Boccatii De genealogia deorum, qui omnium antiquorum super hac materia traditiones mirabiliter superavit* (Цитата у Mazzuchelli, I. c. Vol. II, Part. III. p. 1337). Изъ приведенной тамъ же выдержки изъ письма Салютати, видно, что и онъ, подобно Виллани, придавалъ главное значеніе истолкованію мифовъ. На популярность сочиненія указываютъ и многочисленныя его рукописи, передѣлки и изданія. См. Ibid. и Hortis Studj. P. 220—221.

⁵⁾ Ихъ отзывы приведены ниже.

счастливаго“ для науки времени ¹⁾, а Бальделли впадаетъ даже въ диэирамбическій тонъ, восхваляя „удивительную ясность“ книги, и „тщательность и критику“ ея автора ²⁾. Г. Фогтъ вернулся къ точкѣ зрѣнія Кортесе и Джовіо и осудилъ книгу, какъ безсвязный сводъ разныхъ замѣтокъ ³⁾. Этотъ приговоръ, несправедливый самъ по себѣ, произнесенъ, кромѣ того, безъ вниманія ко времени появленія труда Боккаччіо. Иначе отвесся къ Генеалогіи Ландау. Онъ высоко ставитъ „чудовищную начитанность“ автора и удивительное для того времени пониманіе древнихъ авторовъ: „недостатки его книги принадлежатъ его времени: достоинства — ему самому“ ⁴⁾. Это мнѣніе раздѣляютъ Кёртингъ и Гейгеръ ⁵⁾.

Къ этимъ оговоркамъ можно прибавить еще спеціальную трудность мифологическихъ изслѣдованій и въ особенности истолкованія мифовъ, такъ какъ эта область служитъ до настоящаго времени объектомъ для самыхъ экстравагантныхъ гипотезъ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что „Генеалогія боговъ“ Боккаччіо не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Прежде всего она не была оригинальна по идеѣ; Боккаччіо имѣлъ нѣсколько предшественниковъ: Франческино дельи Альбицци, Форезе деи Донати ⁶⁾ и Паоло-да-Перуджіа ⁷⁾. Хотя онъ цитируетъ только послѣдняго автора ⁸⁾, но оба сочиненія находятся въ Zibaldone и ихъ порядокъ изложенія сохраненъ у Боккаччіо ⁹⁾. Вся его работа заключается въ дополненіяхъ какъ

---

¹⁾ Приведа отзывы Джовіо, Манни говоритъ: chiunque con sano giudizio risguardandoli, si pone davanti la malagevolezza, che vi avea in quel tempo, dirò così, infelice, di apprendere le cognizioni vastissime della cronologia, della geografia e sopra tutto della mitologia, dara sentenza diversa mente. L. c. p. 70.

²⁾ Baldelli, l. c. p. 177.

³⁾ Ein wüstes und gedankenloses Notizenmagazin. Voigt. I p. 172.

⁴⁾ Landau p. 193 и слѣд. и p. 197.

⁵⁾ Man darf das Buch ein für die damalige Zeit hochbedeutendes nennen. Körtling p. 723. Ср. Geiger, Renais. und Human, p. 64—65.

⁶⁾ *Secundum Franceschinum de Albizio et Forese Donati geneologia deorum incidit.* Напечатано у Hortis. Studj p. 537—542.

⁷⁾ *Incipit liber geneologiae tam hominum quam deorum secundum Paulum de Perusio.* Напечатано Ibid. 525—536.

⁸⁾ Цитаты Боккаччіо заимствованы однако не изъ этого сочиненія, потому что въ немъ совсѣмъ нѣтъ толкованій, а изъ Collectiones. См. Geneal. XV, 6.

⁹⁾ Перуджіино говоритъ quia dictum sumus de geneologia tam hominum quam deorum et quia dii sunt digniores hominibus ergo opusculum a digniori parte summet exordium. Et quia tamen Demogorgon primus et summus

фактическаго содержанія, такъ въ особенности толкованій. Но какъ историческій источникъ для эпохи и для біографіи автора міеологическое сочиненіе Боккаччіо имѣетъ значительную цѣну. Прежде всего въ немъ отразились симпатіи автора, который по натурѣ беллетристъ-разсказчикъ, хотя и старается показать себя критикомъ. Кромѣ того, въ немъ чувствуется еще сильная связь начальнаго гуманизма съ предшествующей эпохой. Боккаччіо не только цитируетъ средневѣковыхъ писателей, но и относится къ нимъ съ уваженіемъ. Въ особенности это замѣтно по отношенію къ астрологіи. Говоря о богахъ, давшихъ названіе планетамъ, Боккаччіо подробно безъ малѣйшихъ слѣдовъ критики описываетъ ихъ физическія и духовныя свойства, ссылаясь на Альбумазара и своего „достопочтеннаго (*venerebilis*) учителя“, Андалона ¹⁾. Далѣе, манера Боккаччіо ссылаться на нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ и называть въ отдѣльныхъ случаяхъ источники даетъ обильный матеріалъ для ихъ характеристики. Такъ, въ Генеалогіи находится много данныхъ для біографіи первыхъ грековъ Ренессанса—Варлаама и въ особенности Леонтія Пилата. Наконецъ, въ книгѣ Боккаччіо встрѣчается много автобіографическаго матеріала; особенно важны въ этомъ отношеніи 14-я и 15-я книги Генеалогіи, которыя по своему содержанію не имѣютъ ничего общаго съ темой.

Въ 14-й книгѣ „авторъ нападаетъ на враговъ поэзіи (*poëticis nominis*), отвѣчая на ихъ обвиненія“. Боккаччіо предвидитъ возраженія на свою книгу и на всю свою дѣятельность съ разныхъ сторонъ и заранѣе отвѣчаетъ на возможные нападки. Съ людьми невѣжественными, которые съ пренебреженіемъ относятся ко всякимъ научнымъ занятіямъ, онъ не желаетъ спорить и ограничивается презрительною бранью ²⁾. Съ такимъ же презрѣніемъ относится онъ къ тѣмъ, которые, „не будучи мудрецами, желаютъ ими казаться“ ³⁾. Настоящая полемика направлена противъ юристовъ и главнымъ образомъ противъ теологовъ и монаховъ, при чемъ Боккаччіо держится такой системы, что прежде самъ нападаетъ на враговъ, а потомъ опредѣляетъ поэзію и выясняетъ ея цѣну. Онъ не отвергаетъ важности юристовъ въ государствѣ и обществѣ. „Если они справед-

---

omnium deorum fuerat de eo primum est agendum. У Hortis p. 526—527. У Альбици и Донати сочиненіе начинается: *Demogorgon primus omnium deorum genuit Cloton etc.* Ibid. 537.

¹⁾ См. *De Geneal.* II, 2, 7, а также I, 6.

²⁾ *Cap. 2. Pauca adversus ignaros.*

³⁾ *Cap. 3. Adversus eos, qui, cum non sint sapientes, cupiunt apparere.*

ливо отправляютъ правосудіе (*exerceantur jura*), то они сдерживаютъ дурныя нравы людей, возвышаютъ невинность и каждому обращающемуся къ нимъ даютъ то, что ему слѣдуетъ. Ими не только поддерживается въ своихъ силахъ первъ государства, но увеличивается и улучшается вѣчная справедливость" ¹⁾). Сущность обвиненій Боккаччіо противъ юристовъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, что они слишкомъ корыстолюбивы, что „считаютъ достойнымъ похвалы только то, что блеститъ золотомъ“, и вслѣдствіе этого злоупотребляютъ закономъ. Изъ этого же личнаго недостатка вытекаетъ ихъ презрительное отношеніе къ поэзіи, которая не приноситъ выгоды, и чрезмѣрное преклоненіе передъ юриспруденціей, потому что она доставляетъ богатства. Между тѣмъ изученіе законовъ не наука, потому что оно требуетъ только памяти, а не ума и таланта. Кромѣ того, юриспруденція ниже поэзіи и въ другихъ отношеніяхъ: поэзія вѣчна, а законы „старѣютъ и умираютъ“; поэзія трактуетъ о возвышенныхъ матеріяхъ, а юриспруденція трактуетъ вопросы въ родѣ того, можетъ ли пылкая женщина быть разведена съ холоднымъ мужемъ“ и т. п. ²⁾).

Съ такую же рѣзкостью нападаетъ Боккаччіо на схоластиковъ и монаховъ ³⁾ и выставляетъ противъ нихъ сдѣлавшееся обычнымъ среди гуманистовъ обвиненіе въ лицемеріи „*Exterminat facies suas, ut appareant vigilantes*“; они выступаютъ съ опущенными въ землю глазами, чтобы казаться всегда погруженными въ размышленія, ходятъ медленнымъ шагомъ, чтобы ихъ считали подавленными подъ излишней тяжестью возвышенныхъ спекуляцій. Они одѣваются въ почетное платье не потому, что у нихъ почтенный умъ, но чтобы обманывать другихъ мнимою святостью“ ⁴⁾ и т. д., словомъ, даетъ такое ихъ изображеніе, которое можетъ служить введеніемъ къ нѣкоторымъ новелламъ Декамерона. Изложивъ далѣе обвиненія, которыя возводятся на поэзію представителями старой науки и стараго благочестія, Боккаччіо излагаетъ свою точку зрѣнія. Поэзія, по его мнѣнію, „знаніе“, „наука“, которая подъ покровомъ вымысла

---

¹⁾ Сар. 4. р. 354.

²⁾ Ibid. р. 355 и слѣд.

³⁾ Боккаччіо озаглавилъ эту главу (V) такъ: *qui sint et quam multa poëtis quidam arripant*; но его издатель сдѣлалъ такое примѣчаніе къ этому заглавію: *In monachos et magistros nostros, quos puto aperte inscriber propter aetatis suae tyrannidem veritus est.*

⁴⁾ Ibid. р. 358.

поучаетъ добродѣтели ¹⁾). Исходя изъ этого положенія, Боккаччіо опровергаетъ своихъ противниковъ, иллюстрируя иногда примѣрами изъ современности и ихъ нападки ²⁾, и благотворное дѣйствіе поэзіи ³⁾).

Послѣдняя книга Генеалогіи представляютъ собою защиту авторомъ самого себя, которая распадается на двѣ части ⁴⁾). Въ первой Боккаччіо выясняетъ пользу и значеніе своей книги, оправдываетъ распредѣленіе въ ней матеріала, его обработку и пользованіе источниками. Какъ особенную заслугу выставляетъ онъ тотъ фактъ, что „всѣ фавулы или исторіи заимствованы исключительно изъ комментарій древнихъ“ ⁵⁾ и что если онъ пользуется новыми авторами, то лишь весьма немногими, которые выдаются своей ученостью ⁶⁾). Во второй части ⁷⁾ Боккаччіо оправдываетъ свой выборъ темы. Въ замѣчательной по автобіографическимъ даннымъ десятой главѣ онъ доказываетъ, что необходимо выбирать такія занятія, къ которымъ чувствуешь склонность. Не отрицая значенія другихъ наукъ и даже ремесль, Боккаччіо рассказываетъ свою автобіографію въ доказательство того, что онъ родился поэтомъ ⁸⁾). Затѣмъ онъ оправдывается съ религіозной точки зрѣнія. Въ двухъ главахъ доказываетъ онъ, что христіанинъ можетъ заниматься языческой поэзіей и мифологіей ⁹⁾, и формулируетъ свой строго католическій символъ вѣры ¹⁰⁾). Наконецъ, онъ считаетъ даже необходимымъ оправдаться отъ наивнаго обвиненія, что не слѣдуетъ обнаруживать недостатки древнихъ и вообще умершихъ ¹¹⁾).

Какъ историческій источникъ, 14-я и 15-я книги Генеалогіи

---

¹⁾ De Geneal. XIV. C. 6, 7 и 8.

²⁾ Ibid. C. 15.

³⁾ Ibid. C. 22.

⁴⁾ Компендіумъ этой книги сдѣланъ Mussafia подъ заглавіемъ: *Le difese di un illustre. Hortis. p. 198.*

⁵⁾ Ibid. C. 5.

⁶⁾ Ibid. C. 6. Эти авторы Andalo, Dantes, Franciscus de Barbarino, Barlaam, Paulus Perusinus, Theodontius, Franciscus Petrarca. Боккаччіо характеризуетъ каждого изъ нихъ, такъ что эта глава имѣетъ значеніе для его біографіи.

⁷⁾ Ее составляютъ собственно главы 8—11; 12-я относится къ первой части, а 13-я и 14-я составляютъ заключеніе.

⁸⁾ Cap. 10. p. 396 и 397.

⁹⁾ Cap. 8. *Gentiles poetas mythicos esse teologos* и Cap. 9. *Non indecens esse quosdam christianos tractare gentilia.*

¹⁰⁾ Въ 9-й главѣ.

¹¹⁾ Cap. 11. *Damnose compatimur regibus et diis gentilium*

боговъ имѣютъ весьма важное значеніе. Независимо отъ фактическихъ данныхъ для біографіи Боккаччіо ¹⁾ и современной ему эпохи, въ этихъ книгахъ мы находимъ отраженіе почти всего міросозерцанія одного изъ первыхъ гуманистовъ: его взглядъ на поэзію и религіозныя воззрѣнія, отношеніе къ разнымъ наукамъ и ихъ среднеувѣковымъ представителямъ, его пониманіе челоувѣческой природы и моральныхъ вопросовъ. Аттиліо Гортисъ въ своемъ образцовомъ изслѣдованіи о латинскихъ сочиненіяхъ Боккаччіо идетъ еще далѣе и склоненъ приписать этимъ книгамъ всемірно-историческое значеніе. Безъ труда доказавши, что обвиненія противъ поэзіи, о которыхъ говорится въ нихъ, вполне реальны, а не придуманы авторомъ, Гортисъ доказываетъ, что идеи, которыми Боккаччіо защищаетъ поэзію, вполне оригинальны и что онъ первый „провозгласилъ свободу искусства и поэзіи“ ²⁾. Но ни одно изъ этихъ положеній не оправдывается фактами. Гортисъ признаетъ, что „по понятію Боккаччіо, поэзія не что иное, какъ союзница морали, и союзница второстепеннаго значенія (*di minor levatura*)“, но что это „только щитъ противъ ея порицателей“. „Боккаччіо,—говоритъ онъ, доказывая, что поэтъ служитъ богословію и морали, хотя и другими путями, чѣмъ теологи и моралисты, — полагаетъ первое основаніе освобожденію поэта отъ тѣхъ и отъ другихъ. Въ Декамеронѣ онъ на фактѣ эмансипировалъ искусство; въ двухъ послѣднихъ книгахъ Генеалогіи боговъ онъ приготовился провозгласить новый статутъ, статутъ умѣренный по формѣ, но радикальный по существу“ ³⁾. Въмѣсто доказательства, Гортисъ сравниваетъ Боккаччіо съ Абеяромъ, который при всемъ своемъ свободомысліи отрицалъ языческихъ поэтовъ, и съ Іоанномъ Салисбѣрійскимъ, который, допуская античную науку, видѣлъ въ поэзіи развратъ, и дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Боккаччіо, который хотѣлъ, чтобы поэзія служила морали, не дошелъ до провозглашенія свободнаго слова: искусство для искусства, и, пустивъ въ ходъ этотъ принципъ на дѣлѣ, онъ предоставилъ заботу провозгласить его потомкамъ, дѣтямъ болѣе свободнаго времени. Но пока въ теоріи онъ сдѣлалъ огромный шагъ къ свободѣ, осмѣлившись утверждать противъ порицателей поэтовъ, кото-

---

¹⁾ Кромѣ отмѣченныхъ мѣстъ, важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ Cap. 13.

²⁾ Qui incomincia la originalita del Boccaccio; egli primo proclama la liberta dell'arte e della poesia, avvicinandosi all'idee degli antichi. Studj. p. 210.

³⁾ Ibid. p. 211.

рыхъ оскорбительно называли „обезьянами философовъ“, что поэзія есть наука, независимая отъ философіи“¹⁾. Прежде всего, этотъ выводъ не совпадаетъ съ положеніемъ, что Боккаччіо первый провозгласилъ свободу поэзіи. Кроме того, теорія, которую онъ развиваетъ въ своей книгѣ, если и представляетъ шагъ впередъ, то только потому, что съ церковной точки зрѣнія оправдываетъ *raison d'être* поэзіи и нѣсколько расширяетъ ея объектъ, вывода ея за тѣсныя предѣлы церковной легенды и религіознаго гимна. Но по самому своему содержанию она совершенно не выдерживаетъ никакой критики: Боккаччіо въ романахъ и Петрарка въ *Rime* стоятъ въ непримиримомъ съ нею противорѣчій, въ которое неизбѣжно станеть и всякое истинно поэтическое произведеніе. Эта теорія явилась только, какъ жалкій результатъ неудачной попытки примирить новыя потребности съ средневѣковымъ аскетизмомъ. Наконецъ, невѣрно утвержденіе, будто Боккаччіо „оригиналенъ“ въ своей защитѣ поэзіи. Его теорія цѣликомъ заимствована у Петрарки, котораго онъ не только цитируетъ, но иногда прямо пересказываетъ²⁾.

Изъ двухъ историческихъ сочиненій Боккаччіо болѣе раннее посвящено женщинѣ³⁾. Это пестрое собраніе анекдотическихъ замѣ-

---

¹⁾ Ibid. p. 214. Впрочемъ, Боккаччіо говоритъ не о независимости поэтовъ отъ философовъ, а объ ихъ родствѣ при несущественныхъ различіяхъ. *Si satis intelligerent (detractores) poetarum carmina, adverterent omnes non simias, sed ex ipso philosophorum numero computandos, cum ab eis nil praeter philosophiae consonum juxta veterum opiniones fabuloso tegatur velamine... Nam esto a philosophicis non devient conclusionibus, non tamen in eas eodem tramite tendunt: philosophus, ut satis patet, syllogizzando, reprobat, quod minus verum existimat et eodem modo aprobat quod intendit et hoc apertissime prout potest poeta, quod meditando concepit sub velamento fictionis, syllogismis omnino amotis, quanto artificiosius potest, abscondit. Philosophus stilo prosaico, ut saepius et ejus fere parvipendens ornatum scribere consuevit; poeta-metrice, summa cum cura, exquisito decore conspicuo. Philosophorum insuper est in gymnastis disputare, poetarum in solitudinibus canere XIV, 17. Philosophorum simias minime poetas esse p. 375—376.*

²⁾ Ср. XIV, 12 съ *Invectiva contra Medicum* p. 1219. *Scheffer-Boichorst* въ своей статьѣ *Petrarca und Boccaccio über Entstehung der Dichtkunst* (въ *Zeitschrift für roman. Philol.* 1882 p. 598 и слѣд.) показалъ, что и въ другихъ сочиненіяхъ Боккаччіо неуклонно слѣдовалъ въ этомъ вопросѣ Петраркѣ.

³⁾ Фортъ ошибочно называетъ эту книгу *das älteste unter den lateinischen Werken Boccaccio's* (I. 170). Landau вполне убѣдительно доказываетъ, что она написана не ранѣе 1362 года (*Guov. Bocc.* p. 210—211); съ нимъ согласенъ и Hortis (*Studj.* p. 89). Рукописи книги у *Mazzuch.* II, III p. 1339; съ первое изданіе относится къ 1473. О другихъ изданіяхъ см.

токъ о женщинахъ, мифическихъ и реальныхъ, всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ праматери Евы и кончая королевой Иоанной Неаполитанской. Боккаччіо посвятилъ книгу сестрѣ Н. Аччайуоли, Андреинѣ, графинѣ Альтавилла ¹⁾, и въ адресованномъ къ ней письмѣ излагаетъ цѣль своего сочиненія—похвалить женскій полъ и доставить удовольствіе друзьямъ ²⁾. Этою цѣлью обуславливается отчасти и содержаніе книги: Боккаччіо исключаетъ изъ нея библейскихъ и христіанскихъ знаменитостей, потому что ихъ подвиги олбегчались божественной помощью и ихъ жизнь обстоятельно описана ³⁾. Кромѣ Евы, которая, согласно съ средневѣковыми привычками начинаетъ книгу, большинство знаменитыхъ женщинъ заимствовано изъ древняго міра, при чемъ на-ряду со смертными фигурируютъ почти всѣ богини и такія легендарныя существа, какъ Медея, Иокаста, Ніоба и проч. Обиліе такихъ біографій не препятствуетъ Боккаччіо считать свою книгу сочиненіемъ историческимъ, потому что онъ нимало не сомнѣвается въ реальномъ существованіи поэтическихъ образомъ, какъ Пенелопа, Кассандра, амазонки и т. п. При толкованіи мифовъ Боккаччіо болѣе послѣдовательно, чѣмъ въ Генеалогіи, держится эвгемеризма, вслѣдствіе чего богини представляются ему просто знаменитыми женщинами ⁴⁾. Біографическія

Landau p. 219—20. Zambrini p. 22 и слѣд. и Hortis p. 756 и слѣд. Я пользуюсь: *Ioannis Boccacii de Certaldo insigne opus de Claris Mulieribus*. И въ концѣ: *Excisum Bernae. Pelvet. per Mathiam Apiarium. Anno MDXXXIX*. Не имѣющіе важнаго значенія варианты къ біографіямъ Ніобы (Cap. 14), Арахвы (Cap. 16) и Манто (С. 28) и небольшое дополненіе къ заключенію впервые напечатано у Гортиса p. 111—113.

¹⁾ Epistola dedicatoria mulieri clarissimae Andreae de Acciarolis de Florentia Alte-villae Comitissae перепечатано съ ошибками у Corazzini p. 231. Литература о ней приведена у Hortis'a p. 92. См. также Tanfani, Vita di Niccolò Acciajuoli.

²⁾ In eximiam muliebris sexus laudem et amicorum solatium potius, quam in magnum reipublicae commodum libellum scripsi. Ep. in initio.

³⁾ Предисл. in fine.

⁴⁾ Для характеристики приемовъ Боккаччіо достаточно привести его разсужденіе о Венерѣ. Hanc esse duobus nupsisse viris creditum est. Primo nupsit non satis certum, nupsit ergo (ut placet aliquibus) ante Vulcanum Lemnorum regi et Iovis Cretensis filio; quo sublato, nupsit Adoni, filio Cypurae atque Myrrhae regis Cyprionum, quod verisimilius mihi videtur, quam si primum virum Adonem dixerimus, eo quod seu complexionis suae vitio, seu regionis inflectione in qua plurimum videtur posse lascivia, seu mentis corruptae malicia factum sit, Adone jam mortuo, in tam grandem luxuriae pruritum lapsa est, ut omnem decoris sui claritatem crebris fornicationibus

свѣдѣнія объ историческихъ женщинахъ древняго міра не представляютъ никакого интереса ни по содержанію, ни по его обработкѣ: Боккаччіо переписываетъ изъ древнихъ писателей то, что имѣетъ анекдотическій интересъ. Историческая критика почти совершенно отсутствуетъ: авторъ даже плохо разбираетъ свои источники, смѣшиваетъ, напр., Веренику съ Лаодикой ¹⁾. Средневѣковыя женщины занимаютъ весьма скромное мѣсто въ книгѣ Боккаччіо: изъ 105 біографій имъ отведено только 7, притомъ біографіи Брунегильды и византійской императрицы Ирины ²⁾ не имѣютъ значенія, рассказы о Энгельтрудѣ изъ Флоренціи и Каміолѣ изъ Сіены ³⁾ представляютъ собою нехарактерные анекдоты; нѣкоторый интересъ имѣютъ только жизнеописанія Констанціи, матери Фридриха II, папессы Іоанны и ея тезки неаполитанской королевы.

Біографія Констанціи можетъ служить образцомъ несовершенства историческихъ приемовъ Боккаччіо: въ ней обнаруживается и его невнимательность къ фактической точности, и непониманіе общаго положенія тогдашнихъ дѣлъ, и излишнее стремленіе къ занимательности въ ущербъ исторической достовѣрности, и пристрастная окраска лицъ и событій. Въ его рассказѣ Констанція—дочь Вильгельма II, о бракѣ которой съ Генрихомъ VI заботится папа ⁴⁾. Въ основу біографіи положено пророчество одного аббата, что Констанція будетъ причиною бѣдствій для Сициліи ⁵⁾, вслѣдствіе чего отецъ заключилъ ее въ монастырь, гдѣ она оставалась до старости. Вышедши замужъ съ нарушеніемъ инопческаго обѣта, она на 55 году родила Фридриха II ⁶⁾, который „потомъ сдѣлался чудовищнымъ человекомъ, чюмою не только для Сициліи, но и всей Италіи“. Біографія папессы Іоанны представляетъ интересъ какъ историческій источникъ, потому что Боккаччіо въ своемъ рассказѣ слѣдуетъ не интерполи-

---

maculasse videretur, cum jam adjaecentibus regionibus notum foret etc. De claris mulieribus f. VI. Другіе примѣры приведены у Hortis. p. 98.

¹⁾ См. Schück (*Boccaccios lateinische Schriften* въ Neue Jahrbücher für Philol. und Pädagog. 13. 110. 1874 p. 472).

²⁾ Cap. 104 f. LXXIX и Cap. 100 f. LXXIII. Schück (l. c. p. 468) утверждаетъ, что біографія Брунегильды заимствована позднѣйшими издателями изъ De casibus virorum.

³⁾ Cap. 101 f. LXXV и Cap. 103 f. LXXVI.

⁴⁾ Summo consentiente pontifice f. LXXVI.

⁵⁾ Ioachim quidam Calaber Abbas, prophetico dotatus spiritu, Guilielmo dixit, natam regni Siciliae desolationem futuram. Ibid.

⁶⁾ См. Quinquagesimum et quintum aetatis annum agens annosa conciperet. Ibid.

рованному Мартину изъ Польши, а непосредственнымъ народнымъ преданіямъ, и его изложеніе составляетъ новый вариантъ этой легенды ¹⁾). Наконецъ, отношеніе къ королевѣ Іоаннѣ имѣетъ біографическій интересъ для самого автора. Боккаччіо, бичевавшій въ эклогахъ знаменитую преступницу, осыпаетъ ее похвалами въ посвященіи и заканчиваетъ книгу напыщеннымъ панегирикомъ.

Новѣйшіе изслѣдователи рѣзко расходятся въ оцѣнкѣ книги „О знаменитыхъ женщинахъ“ съ современниками ея автора и ближайшимъ къ нему потомствомъ: Фогтъ называетъ книгу „деревянной“ ²⁾, Кёртингъ—совершенно незначительной ³⁾. Ландау отрицаетъ въ ней всякую этическую и историческую цѣну ⁴⁾, тогда какъ Ф. Виллани предпочиталъ ее древнимъ авторамъ ⁵⁾, а монахъ Филиппо-да-Бергамо въ XV вѣкѣ совершилъ литературную кражу, включивъ цѣликомъ книгу Боккаччіо въ свое сочиненіе „О знаменитыхъ и избранныхъ женщинахъ“ ⁶⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что по *фактическому* содержанію книга Боккаччіо не имѣетъ теперь почти никакой цѣны, но по настроенію и взглядамъ автора она принадлежитъ въ числу наиболѣе интересныхъ памятниковъ гуманистической литературы. Прежде всего весьма характеренъ самый фактъ ея появленія. Боккаччіо, первый историкъ женщины, любилъ предметъ своего изслѣдованія со всѣми ея слабостями и былъ большимъ знатокомъ ея красоты, какъ это видно изъ его романовъ и преимущественно изъ Декамерона ⁷⁾. Правда, Ландау утверждаетъ, что между этой книгой и Декамерономъ нѣтъ ничего общаго. „Какой-нибудь благочестивый монахъ, никогда не покидавшій своей кельи, могъ бы написать эту книгу такъ же хорошо, или вѣрнѣе, такъ же плохо, какъ и Боккаччіо“ ⁸⁾. De claris mulieribus, по его мнѣнію,—результатъ раскаянія автора веселыхъ новеллъ. „Боккаччіо слишкомъ восхвалялъ въ Декамеронѣ прекрасныя, а иногда и гнусныя

¹⁾ См. *Döllinger. Die Papstfabeln des Mittelalters. München 1863, p. 24.*

²⁾ Voigt. I p. 171.

³⁾ Boccaccio's Leben und Werke p. 733.

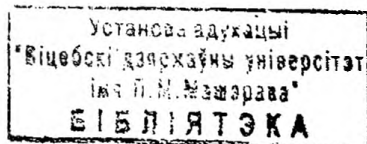
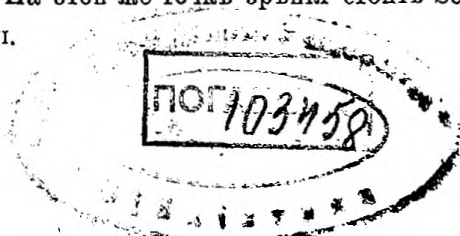
⁴⁾ Landau p. 213.

⁵⁾ По словамъ Виллани, въ книгѣ Боккаччіо tanta facundia et gravitas, ut priscorum altissima ingenia ea in re dicatur merito superasse. У Galetti p. 17.

⁶⁾ *Fra Giacomo Filippo da Bergamo. De claris selectisque muliebribus. Ferrara 1497.* См. Hortis p. 78.

⁷⁾ Это положеніе едва-ли нуждается въ доказательствахъ для всякаго, кто читалъ итальянскія произведенія Боккаччіо. Впрочемъ у Hortis'a (p. 69 и слѣд.) приведена масса цитатъ для этого вопроса.

⁸⁾ Landau p. 211. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ Schück (l. c. p. 471).

слабости женскаго характера, а здѣсь, какъ бы желая наказать себя за это, впалъ въ противоположную крайность“¹⁾. Съ этими положеніями никоимъ образомъ нельзя согласиться. Прежде всего, книга Боккаччіо не только чужда монашескаго духа, но и проникнута анти-аскетическимъ настроеніемъ. Допуская, что женщина слабѣе мужчины и духомъ, и тѣломъ, авторъ тѣмъ не менѣе написалъ свою книгу „въ особенную похвалу женскаго пола“, заслуги котораго тѣмъ выше, что ему приходится преодолевать свои слабости²⁾. Это прославленіе женщины вытекаетъ такимъ образомъ изъ общаго взгляда на благородство и могущество человѣческой природы, который съ особенной ясностью обнаруживается въ объясненіи Боккаччіо, почему онъ исключилъ изъ своей книги святыхъ и ограничился однѣми язычниками. „Первыя, — говоритъ онъ, ради вѣчной и истинной славы, весьма часто принуждали себя къ терпѣнію, почти противоположному человѣческой природѣ (*sese fere in adversam persaere humanitatis tolerantiam coegere*)³⁾, подражая святымъ предписаніямъ и примѣрамъ наставниковъ, тогда какъ послѣднія подъ вліяніемъ (*percitae*) или нѣкоего дара природы, или инстинкта, или чаще страсти къ здѣшнему мимолетному блеску, однако не безъ могучей силы ума достигали славы или переносили весьма часто самыя тяжелыя удары гнетущей судьбы“⁴⁾. Совсѣмъ не по-монашески относится Боккаччіо и къ славѣ. Онъ рѣшительно заявляетъ въ предисловіи, что не думаетъ отождествлять славу съ добродѣтелью⁵⁾, и вноситъ въ свою книгу, написанную въ „похвалу женскаго пола“,

¹⁾ Ibid. p. 213.

²⁾ Si extollendi sunt homines, dum concessio sibi robore, magna fecerint, quanto amplius mulieres (quibus fere omnibus a natura rerum mollicies insita et corpus debile ac tardum ingenium datum est) si virilem evaserint animum ac ingenio celebri ac virtute conspicua audeant eatque perficiant etiam difficillima vires extollendae sunt. (Предисловіе in initio) Ср. Прим. 2 p. 15.

³⁾ У стариннаго переводчика Боккаччіо Betussi эта фраза передана такъ: si sono sforzate spessime volte vincere loro medesime contro l'avversita e miserie umane.

⁴⁾ Въ изданіи 1539 года это мѣсто, повидимому, спорчено: non absque tamen acri mentis robore devenere, vel fortunae urgentis impulsu, nonnunquam gravissima pertulere. (Пред. in fine). Бетусси переводить: non senza però gran fortezza di mente, sono a nome d'eternità pervenute, supportando molte volte grandissime disgrazie ed infiniti assalti di fortuna.

⁵⁾ Non enim est animus mihi hoc claritatis nomen adeo strictim sumere, ut semper in virtutem videatur exire, quinimo in ampliorem sensum (bona cum pace legentium) trahere et illas intelligere claras, quas quocunque ex facinore orbi vulgato sermone notissimas novero. Ibid. in medio.

всѣхъ его представительницъ, которыя чѣмъ бы то ни было достигли извѣстности. Вслѣдствіе этого между знаменитыми женщинами на ряду съ Лукреціей и Корнеліей фигурируютъ Венера и папесса Іоанна. Едва-ли можно отрицать, что такая точка зрѣнія не далеко ушла отъ Декамерона. Преклонный возрастъ Боккаччіо обнаруживается, главнымъ образомъ, въ томъ, что убѣжденіе въ несовершенствѣ женской природы сравнительно съ мужской красной нитью проходитъ чрезъ все сочиненіе ¹⁾ и что вообще взглядъ его на семью и семейную нравственность сдѣлался нѣсколько строже. Въ концѣ біографіи Камиллы, царицы вольсковъ, онъ развиваетъ теорію воспитанія дѣвушекъ, въ которой требуетъ усмирять трудомъ дурныя желанія, избѣгать всяческихъ удовольствій, которыя могутъ повести къ соблазну, и болѣе всего заботиться о сохраненіи цѣломудрія ²⁾. Въ другой біографіи онъ даетъ такое опредѣленіе этой добродѣтели, подъ которымъ можетъ подписаться самый строгій моралистъ ³⁾; и подобныя нравственныя назиданія такъ часто перерываютъ изложеніе, что придаютъ всей книгѣ дидактическій характеръ. Но, превратившись въ проповѣдника женской добродѣтели, Боккаччіо тѣмъ не менѣе весьма далекъ отъ монашескихъ идеаловъ. Такъ, о законной любви онъ говоритъ съ большимъ сочувствіемъ. „Воспламененная огнемъ разума, она не жжетъ до безумія, но согрѣваетъ симпатію (*in complacentiam calefacit*) и соединяетъ сердца такою пріязнью (*charitate*), что у нихъ всегда одинаковыя желанія; привыкнуши къ мирному единенію, она ничего не упускаетъ, съ жаромъ и усердіемъ дѣлаетъ все для своего продолженія. Если судьба неблагопріятна, она добровольно беретъ на себя труды и опасности, въ высшей степени заботливо измышляетъ планы и находитъ средства для спасенія, измышляетъ даже обманъ, если этого требуетъ необходимость“ ⁴⁾.

Тѣсная связь сочиненія „О знаменитыхъ женщинахъ“ съ итальянской прозой Боккаччіо обнаруживается не только въ основномъ сходствѣ настроенія, но и въ формѣ изложенія, и даже въ факти-

¹⁾ См. примѣры у Hortis p. 79. Впрочемъ, такой взглядъ встрѣчается и въ Декамеронѣ.

²⁾ *De claris mulieribus* f. XXV и XXVI.

³⁾ *Pudica mulier* должна не только *ab amplexibus exterorum viro- rum abstinere*, но также *oportet matronam, ut pudica integre dici possit, ante alia cupidos vagosque frenare oculos eosque intra vestimentorum suorum simbras cohercere, verba non solum honesta, sed pauca et pro tempore effundere, otium tamquam certissimum et perniciosissimum pudicitiae hostem effugere, a comessionibus abstinere etc.* *De Sulpitia, Fulvii conjuge.* f. XLVI.

⁴⁾ *De conjugibus Meniarum* C. XXI, fol. XXI.

ческомъ содержаніи. Желая быть ученымъ, Боккаччіо тѣмъ не менѣе остается рассказчикомъ и въ этой книгѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. На первомъ планѣ у него всегда занимательная фабула, анекдотъ, который по содержанію своему иногда совершенно совпадаетъ съ новеллой. Таковъ рассказъ о римлянкѣ Паулинѣ ¹⁾, почти тождественный съ 2-й новеллой 4-го дня, только монахъ Декамерона замѣненъ здѣсь юношей Мундусомъ, а архангелъ Гавріиль — богомъ Анубисомъ.

Наконецъ, книга Боккаччіо представляетъ большой интересъ для характеристики отношенія автора къ классическимъ писателямъ и къ Петраркѣ. Боккаччіо далекъ отъ рабскаго преклоненія передъ своими образцами: онъ не желаетъ исключать изъ своей книги средневѣковыхъ знаменитостей; отсутствіе подобнаго сочиненія въ извѣстной ему древней литературѣ и у Петрарки не только не отнимаетъ у него желанія написать исторію женщинъ, а наоборотъ только возбуждаетъ охоту пополнить этотъ пробѣлъ. Онъ дѣйствуетъ самостоятельно, критически относится къ предшественникамъ, *удивляется* ихъ непослѣдовательности, потому что они не желаютъ похвалить женщинъ за то, за что хвалятъ мужчинъ ²⁾. Причина молчанія о женщинахъ такого ихъ ненавистника, какимъ является Петрарка въ своихъ латинскихъ сочиненіяхъ, вѣроятно, хорошо была извѣстна Боккаччіо, но это не помѣшало ему похвалить то, что съ такимъ жаромъ порицалъ его учитель: въ своей литературной дѣятельности онъ слѣдовалъ личному настроенію, которое въ данномъ случаѣ болѣе рѣшительно примыкало къ Ренессансу, чѣмъ вѣчное самопротиворѣчіе пѣвца Лауры.

Второе сочиненіе историческаго содержанія — „*О несчастіяхъ знаменитыхъ людей*“ ³⁾, точно также насквозь пропитано дидактизмомъ. Въ предисловіи къ книгѣ Боккаччіо такъ формулируетъ свою главную задачу: „что можетъ быть лучше, какъ напрячь всѣ силы, чтобы вернуть заблуждающихся къ лучшей честной жизни

¹⁾ Cap. LXXXIX. De Paulina Romana foemina. fol. I, XIII et LXIV.

²⁾ Sane miratus sum plurimum adeo modicum apud hujusce viros potuisse mulieres, ut nullam memoriae gratiam in speciali aliqua descriptione consecutae sint, cum liquido ex amplioribus historiis constet, tam strenue, quam fortiter egisse nonnullas. Пред. in initio. Смѣлое отклоненіе Боккаччіо отъ авторитета Виргилія въ біографіи Дидоны отмѣтилъ Geiger (I. с. 67—68).

³⁾ Бальделли относитъ это сочиненіе къ 1373 году (I. с. р. 386). Объ изданіяхъ и переводахъ См. Hortis, p. 764 и слѣд. Landau p. 210. Zambrini p. 20 и слѣд. Я пользуюсь *Ioannis Bocatii de Certaldo, Historiographi clarissimi, De casibus virorum illustrium libri IX. Augustae Vindelicorum. Cum gratia et privilegio Caesareo singulari anno MDXLIIII.*

(*ad frugem melioris vitae*), страхнуть пагубный сонъ съ нерадивыхъ и сонливыхъ, чтобы подавить пороки и возвысить добродѣтели“¹⁾). Біографіи служатъ такимъ образомъ только фактической иллюстраціей къ проповѣди, при чемъ авторъ беретъ примѣры изъ жизни знаменитыхъ людей и главнымъ образомъ правителей для того, чтобы подѣйствовать преимущественно на исправленіе этихъ послѣднихъ и чрезъ это принести пользу государству²⁾). Дидактическая цѣль Боккаччіо сказалась не только на выборѣ матеріала, но и на его расположеніи и обработкѣ. Обыкновенно за каждой біографіей слѣдуетъ нравоученіе въ формѣ проповѣди противъ того порока, который обнаружился въ только-что рассказанномъ фактѣ. Такъ, глава 1-я первой книги трактуетъ „объ Адамѣ и Евѣ, нашихъ прародителей“, а вторая озаглавлена: „Противъ неповиновенія“; послѣ біографіи Немврода, глава „Противъ гордыхъ“; послѣ Тезея — „Противъ излишняго и неосмотрительнаго легковѣрія“³⁾ и т. д. Для большей убѣдительности за главнымъ примѣромъ послѣ нравоученія слѣдуютъ часто еще нѣсколько фактовъ подъ общимъ заглавіемъ: „Собраніе плачущихъ“, „Жалобы нѣкоторыхъ и т. п.“⁴⁾. Съ этой же цѣлью, вѣроятно, историческіе факты изложены иногда въ формѣ видѣнія автора, который ведетъ разговоръ съ нѣкоторыми несчастными знаменитостями⁵⁾. Самые примѣры Боккаччіо заимствуетъ главнымъ образомъ изъ исторіи древняго востока и античнаго міра; только въ двухъ послѣднихъ книгахъ появляются тѣни средневѣ-

---

¹⁾ De casibus p. 3.

²⁾ Exquirenti mihi, quid ex labore studiorum meorum possem forsan Reipublicae utilitatis addere, occurrere praeter creditum multa, majori tamen ornatu in mentem sese ingessere principum atque praesidentium quorumcunque obscoenae libidines, violentiae truces, perdita otia, avaritia inexplebilis, cruenta odia, ultiones armatae, praecipitesque et longe plura scelesta facinora. Ibid. p. 3. Въ заключеніи книги Боккаччіо говоритъ: vos autem, qui celsa tenetis imperia, aperite oculos et aures reserate etc. IX, 27 p. 272—273.

³⁾ De casibus. I, 1, 2, 3, 4, 9, 5 p. 4 и passim.

⁴⁾ См. напр. Adventus flentium II, 6 Querellae quorundam II, 10 Quidam tristes Augusti IX, 2 Imperatores miseri plures flentesque Langobardi IX, 4 и проч. Въ полной формѣ нравоученіе состоитъ изъ 3 главъ въ такомъ порядкѣ: напр. III, 6 De Xerxe, 7 In coecitatem mortalium, 8 Infelices aliqui.

⁵⁾ Изложеніе начинается такъ: Duorum nostrorum mortalium dum flebiles casus (ut satis dignum principium in fortuniis assumerem ex dejectorum multitudine) animo voverem, et ecce senes astitere duo tam grandi annositate graves, ut vix artus tremulos posse trahere viderentur etc. De casib. p. 6. Cp. Hortis p. 120.

ковыхъ несчастливцевъ и нѣкоторыхъ современниковъ ¹⁾, которыя играютъ ту же самую роль, какъ и древнія знаменитости.

„Несчастія знаменитыхъ людей“ пользовались огромной популярностью въ XV и XVI столѣтїяхъ; на однихъ дѣйствовали самые рассказы, на другихъ — моральный выводъ, третьимъ была симпатична политическая тенденція. Циглеръ, аугсбургскій издатель этой книги въ XVI столѣтїи, божится, что ни одно сочиненіе не доставляло ему такого удовольствія, какъ это собраніе разнообразныхъ „исторій“ различныхъ авторовъ ²⁾. Джіованни Понтано вполнѣ удовлетворенъ назидательнымъ моральнымъ выводомъ, который научаетъ человѣка довольствоваться своимъ положеніемъ ³⁾. Нравственная польза книги Боккаччіо побудила нѣкоего Monradus Moltherus Augustanus написать къ ней обширныя глоссы и исправить нѣкоторыя фактическія ошибки ⁴⁾. Доминиканецъ Жанъ Пети (Ioannes Parvus) ссылается на „знаменитаго моральнаго философа Іоанна

¹⁾ Изъ среднихъ вѣковъ Боккаччіо беретъ слѣдующія біографіи: въ 8-й книгѣ С. 19. De Arcturo, Bretonum rege. С. 22 De Rosimunda; въ 9-й С. 1. De Brunegilde, Francorum regina. С. 3. De Romilda, Forojulianorum ducissa. С. 5. De Desiderio, Longobardorum rege. С. 7. De Ioanne XII papa. С. 9. De Diogene, Constantinopolitano imperatore. С. 11. De Andronico, Constantinopolitano imperatore. С. 16. De Henrico, Romanorum rege. С. 19. De Carolo, Sicularum rege. Изъ современниковъ, о которыхъ Боккаччіо могъ имѣть свѣдѣнія отъ очевидцевъ или которыхъ онъ зналъ лично, въ его книгѣ говорится: De Jacobo, Templariorum magistro (IX, 21), De Gualtero, Athenarum duce (IX, 24), и De Philippa Catanensi (IX, 26). Объ источникахъ см. Schück, I. с. р. 479—480.

²⁾ Ego, ut dejurare licet, nihil unquam vidi, quod magis delectare posset quoque plus emolumenti habeat. Innumerabiles in unum habes collectas historias, quae alioquin dispersae varios habent auctores. Въ изданіи De casibus 1544 года.

³⁾ Tuque, qui parva, studiose lector,
Sorte contentus frueris, beatus
Infimae, ne poeniteat tuae te
Conditionis.

Exitum, qualem fuerint adepti,
Quos potens ad sydera sustulit sors,
Diligenter si relegis volumen

Ipse videbis. Ibid. Тамъ же приведено и еще нѣсколько панегирическихъ стихотвореній.

⁴⁾ Глоссы въ рукописи университетской бібліотеки въ Базелѣ (О. III. I). Hortis напечаталъ эпистолярное посвященіе Монрада, гдѣ онъ, объясняя значеніе книги, говоритъ между прочимъ pulchrum esse vitam nostram ex aliorum erratis in melius instituire. Письмо датировано M. D. XXX. V. См. Hortis, p. 152—54.

Боккаччіо“ и черпаетъ изъ его книги .многочисленные аргументы для своего сочиненія „*Оправданіе герцога Бургундскаго за убійство герцога Орлеанскаго*“, которую онъ написалъ для Констанцскаго собора ¹⁾. Даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія Бальделли находилъ эту книгу „болѣе поучительной, чѣмъ курсъ этической философіи“ ²⁾. Совершенно иначе относятся къ этому сочиненію Боккаччіо современные изслѣдователи: Фогтъ посвящаетъ нѣсколько строкъ книгѣ, которая представляется ему подражаніемъ Петраркѣ ³⁾, Ландау вынесъ изъ нея только тяжелое впечатлѣніе ⁴⁾. Нѣсколько снисходительнѣе Гортисъ, который находитъ въ книгѣ драматическій интересъ и признаетъ за ея авторомъ умѣнье вѣрно воспроизводить характеры дѣйствующихъ лицъ ⁵⁾. Но и Гортисъ весьма низко ставитъ Боккаччіо, какъ историка ⁶⁾; по его мнѣнію, дидактическая цѣль автора лишила исторической цѣны его книгу ⁷⁾. Дѣйствительно, большинство біографій съ исторической точки зрѣнія не имѣютъ никакого значенія; даже тѣ изъ нихъ, для которыхъ Боккаччіо могъ пользоваться непосредственными источниками, какъ въ разсказѣ о судьбѣ Моле и герцога Аенскаго, не даютъ почти ничего новаго. Только казнь Филиппы Катанской описана съ живостью очевидца, и въ этой главѣ есть нѣсколько подробностей, не лишенныхъ исторической и автобіографической цѣны ⁸⁾. Тѣмъ не менѣе книга Боккаччіо занимаетъ видное мѣсто въ гуманистической литературѣ и представляетъ собою историческій источникъ, весьма интересный во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего въ сочиненіи встрѣчаются авто-

---

¹⁾ *Jean Petit, Justificatio ducis Burgundiae supra caede ducis Aurelianensis.* См. *Marheinecke, Geschichte der christlichen Moral in den der Reformation vorhergehenden Jahrhunderten. I. Theil. Nürnberg und Sulzbach 1806* p. 162—208.

²⁾ *L. c.* p. 184.

³⁾ *Voigt. I.* p. 171—172.

⁴⁾ Landau находитъ, *dasz man mit einem freudigen Gefühle der Erlösung das Buch aus der Hand legt, um es nicht wieder aufzuschlagen.* P. 218.

⁵⁾ *Leggendo il libro del Boccaccio ti sembra talvolta essere spettatore di un dramma; e a più di un atto vorresti applaudire per la verita nella pittura de'caratteri,* p. 121. *Cp.* p. 117.

⁶⁾ *Per la storia, in maggior conto del Boccaccio, va tenuto il piu ingenuo monacello che registra nella cronaca del suo convento la schietta narrazione de'fatti.* *Ibid.* p. 126.

⁷⁾ *Ibid.* p. 124.

⁸⁾ Эта біографія была переведена на итальянскій, французскій и англійскій языки, и эти переводы были изданы отдѣльно въ XVII вѣкѣ. См. *Hortis.* p. 128.

біографическія свѣдѣнія. Такъ, Боккаччіо сообщаетъ, что его отецъ присутствовалъ при казни Мола ¹⁾, что самъ-онъ вращался при дворѣ Роберта Неаполитанскаго ²⁾, мимоходомъ изображаетъ свои отношенія къ Андалоне ³⁾ и весьма обстоятельно вліяніе на свои занятія Петрарки ⁴⁾; много говоритъ о своемъ поэтическомъ призваніи и практическихъ стремленіяхъ — къ уединенію и обеспеченному досугу ⁵⁾. Философское міросозерцаніе Боккаччіо, о которомъ мы имѣемъ сравнительно скудныя свѣдѣнія, всего нагляднѣе обнаруживается въ этомъ сочиненіи. Самая его тема требовала рѣшенія основного вопроса, къ чему долженъ стремиться человѣкъ, и откуда происходятъ его бѣдствія. Съ этой точки зрѣнія лирическія отступленія и дидактическіе комментаріи имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ историческіе примѣры. Боккаччіо безъ малѣйшаго колебанія заявляетъ, что цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій счастье ⁶⁾ и что людскія несчастія происходятъ по большей части отъ непониманія людьми своей пользы и отъ ихъ неумѣнья пользоваться своимъ положеніемъ ⁷⁾. Исходя изъ этого положенія, онъ далекъ отъ ученой и литературной исключительности и признаетъ и одобряетъ всякое занятіе, если только оно ведетъ къ цѣли, т.-е. къ счастью ⁸⁾. Если онъ возстаетъ противъ юристовъ, то имѣетъ въ виду не самое занятіе правомъ и не практическую ихъ дѣятельность, а только ихъ личные недостатки. Древніе юристы заслуживаютъ полного уваженія, а современные не-

---

¹⁾ Vocatus, genitor meus, qui tunc forte Parisiis negociator honesto cum labore rem curabat augere domesticam etc. IX. 21, p. 262.

²⁾ IX, 36.

³⁾ Cum igitur juvenis Neapoli olim apud insignem virum atque venerabilem Andalo de Nigro coelorum motus et syderum eo docente perciperem etc. III, 1, p. 60.

⁴⁾ VII. 1. Francisci Petrarchae objurgatio ob Vocatii saporem, p. 203. Одно изъ наиболѣе важныхъ мѣстъ для характеристики взаимныхъ отношеній между обоими гуманистами.

⁵⁾ Mihi carmen studium sit... Ultro fateor, me non esse poetam, absit, ut tanta dementia tenear, ut quod non sim, me esse fateri ausim ac haberi velim. Esse quidem opto et pro viribus, ut sim studiosus... Si ocia cupio non ut poeta aestimari velim cupio, sed existimans id plurimum mihi conferri posse, quod dudum summa cura a poetis quaesitum est. etc. III, 14 p. 84 и 85.

⁶⁾ Hominum uti est genus unicum, sic studiorum species plurimae, quarum quaelibet aut taedet, aut aestimat in felicitatem unicam ire. Ibid. p. 84 и passim.

⁷⁾ См. напр.: III, 7. In Caecitatem mortalium, 17 и passim.

⁸⁾ III, 14.

въжественны, презирають философію и крайне порочны ¹⁾). Если Боккаччіо выдвигаетъ краснорѣчіе, то исключительно потому, что на него нападаютъ представители средневѣкового знанія, и эта защита представляетъ собою восторженный, чисто гуманистическій гимнъ челоуѣческой природѣ и главнымъ образомъ могуществу челоуѣческаго слова ²⁾). Посвященная этому вопросу глава имѣетъ вслѣдствіе этого особенный интересъ, какъ наиболее характерное проявленіе гуманистическаго элемента въ сочиненіяхъ Боккаччіо. Признавая божественное происхожденіе челоуѣка и благородство его природы ³⁾, Боккаччіо свободенъ отъ слѣпонаго преклоненія передъ древностью. Какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, онъ черпаетъ матеріалъ изъ средневѣковыхъ источниковъ и среди античныхъ біографій вставляетъ съ большимъ сочувствіемъ разсказъ своего учителя-схоластика ⁴⁾). Болѣе того, сравнивая поведеніе послѣднихъ храмовниковъ съ подвигами древнихъ, онъ рѣшительно отдаетъ предпочтеніе современникамъ ⁵⁾). Признавая возвышенность стремленій, присущую челоуѣческой природѣ, Боккаччіо страстно вооружается противъ соблазновъ, которые соврацаютъ челоуѣка съ истиннаго пути и приводятъ его къ гибели, противъ тиранніи, женщинъ и богатства. Но въ краснорѣчивомъ панегирикѣ бѣдности онъ далекъ отъ монашескаго къ ней отношенія и прославляетъ ее только, какъ школу для челоуѣка, устраняющую соблазны, дающую счастье въ этомъ мірѣ и развивающую самодѣятельность ⁶⁾). Не менѣе страстно нападаетъ Бок-

---

¹⁾ III. 10 In legistas ignaros. Тамъ говорятся между прочимъ: *Veteres quidem, gravissimos homines, ex sacris philosophiae doctrinis imbutos, ad compescendos juris apices destinare consuevere. Praesens autem aevum, sprete veterum solertia, non dicam a grammaticalibus regulis, sed a nutricum uberibus evelit infantulos, ut eos non in scholis sed in fornicibus crudiat.* Теперешніе юристы ведутъ дѣла *amissis philosophicis demonstrationibus, tamquam superfluis.* Кроме того, *habemus, ut plurimum assessores, judices et patronos, quibus unctae sunt manus, impudici oculi invicta luxuria, cor saxeum, ficta gravitas, lingua melliflua, dentes ferrei et breviter auri insatiabilis appetitus etc.,* p. 77. Cp. III, II p. 78.

²⁾ VI, 14: *In obloquentem oratoribus et rhetoribus.* p. 171.

³⁾ *Homini vero, cui coelestis erat origo, et ad coelestia consideranda producto etc.* Ibid. p. 172.

⁴⁾ *Paupertatis et fortunae certamen.* III. I.

⁵⁾ *Quid inquiet de patientia veterum suppliciorum? Mirabundi, se nostrorum inspexerint... Videant, quam illorum ridiculus stupor vetus sit, si nostrorum novissimo comparetur* и вся 29-я глава 9-ой книги. p. 262—64.

⁶⁾ *Te lubricus amor, te delitiosa lascivia, te Venus sordida aut non sequitur, aut fugit.... Tibi stabilitas, tibi immunitas, tibi si qua est quies in*

ваччіо и на женщинѣ. Авторъ сочиненія, написаннаго „въ похвалу женскаго пола“, и ранѣе чувствовалъ къ нему симпатію вопреки своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ. Теперь въ старости и послѣ неудачной попытки жениться отрицательное отношеніе обострилось, и Боккаччіо совѣтуетъ „довольствоваться холостою жизнью и презирать всѣхъ женщинѣ“, потому что „женскій полъ надмененъ, невѣренъ, непостояненъ, лживъ и всегда распаленъ ненасытимою страстью“¹⁾. Въ главѣ, специально написанной противъ женщинѣ, онъ выражается еще рѣзче, называетъ женщину „гибельнымъ зломъ“ не только для отдѣльнаго человѣка, но и для общества, и готовъ осудить ее на изгнаніе²⁾, при чемъ въ цѣлыхъ 2 главахъ приводитъ многочисленныя примѣры ея губительнаго вліянія на правителей и государственныхъ дѣла³⁾, хотя и продолжаетъ признавать за ней способность къ добродѣтели въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія⁴⁾. Обожатель Фіамметты подѣ старость пришелъ къ тому же самому отношенію къ женщинѣ, какъ и пѣвецъ Лауры, и написалъ отдѣльную главу противъ красоты и любви, которымъ служилъ въ молодости⁵⁾.

Но самый главный интересъ книги „О несчастіяхъ знаменитыхъ людей“ заключается въ томъ, что она является важнѣйшимъ источникомъ для политическихъ воззрѣній Боккаччіо и для его отношенія къ современнымъ ему политическимъ силамъ. Уже въ эпистолярномъ посвященіи книги Майнардо деи Кавальканти⁶⁾ онъ формулируетъ

---

mundanis, concessa est. Tu artificiosa, tu ingeniosa, tu studiorum omnium landabilium mater egregia es. I, 15 Applaudit paupertati, p. 25.

¹⁾ I, 10, p. 18.

²⁾ Blandum et extiale malum mulier, paucis ad salutem ante cognitum, quam expertum. Haec quidem quodammodo *Dei vilipenso iudicio*, non ad societatis gradum reassumendum, a quo suo dejectae merito sunt. Quinimo, dum impium conantur, molitiam quandam innatam, in miseros fere omnes conjuravere viros. I, 18: In Mulieres, p. 28. Ср. VIII, 23, p. 236.

³⁾ III, 4: In luxuriosos principes и 5 Gemebundi quidam.

⁴⁾ Nam sicuti magis, quam in Briareo, in Pigmeo miranda esset virtus Herculeae sic in muliere, quam in viro commendanda est. Sed quoniam rarissimae sunt, ne, dum Lucretiam quaerimus, in Calpurniam aut Semproniam incidamus, ego omnes fugiendas censeo. I, 18, p. 30.

⁵⁾ IV, 19: In pulchritudinem et amorem illecebrem, p. 118. Для сравненія съ воззрѣніями Петрарки представляетъ интересъ II, 18: Pausa de somniis, гдѣ Боккаччіо доказываетъ ихъ пророческое значеніе.

⁶⁾ Это письмо было напечатано нѣсколько разъ вмѣстѣ съ *De casibus*, а также отдѣльно у Baldelli (*Vita del Boccaccio*, p. 388), у Carazzini (p. 363) и у акад. Веселовскаго: *Ioannis Boccacii ad Maghinardum de Cavalcanti*

отчасти свою точку зрѣнія на современныхъ папъ, императоровъ и государей, которыхъ онъ не находитъ достойными того, чтобы имъ посвятить свою книгу. Современныхъ папъ онъ порицаетъ за ихъ стремленіе къ свѣтской власти и чисто свѣтскій образъ жизни ¹⁾; но онъ не противникъ папства, и въ единственной біографіи, посвященной римскимъ епископамъ ²⁾, онъ излагаетъ теорію его происхожденія отъ Христа черезъ апостола Петра и только порицаетъ крайнее властолюбіе ³⁾, которое создалъ, по его мнѣнію, „ядъ“ Константинова дара. Менѣе опредѣленно, хотя несомнѣнно враждебно, относится Боккаччіо къ императорамъ. Карла IV онъ упрекаетъ за пьянство ⁴⁾ и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицаетъ Гогенштауфеновъ, начиная съ Фридриха I, такъ что его гвельфскія симпатіи на подлежать никакому сомнѣнію ⁵⁾. Еще съ большею рѣзкостью относится Боккаччіо къ третьей политической силѣ, къ современнымъ ему монархамъ. Онъ не теоретическій противникъ монархіи ⁶⁾, но такихъ государей, которые сколько-нибудь приближаются къ идеалу монарха, въ современномъ ему обществѣ нѣтъ ⁷⁾; современные правители „раз-

tibus epistolae tres. С.-Петербургъ 1876. Я цитирую по тексту проф. Веселовскаго.

¹⁾ Vidi ex sacerdotibus infulis galeas, ex pastoralibus baculis lanceas, ex sacris vestibus loricas in quietem et libertatem innocentium conflare, ambiri Martialia castra, incendiis, violentiis, christiano sanguine fuso laetari, satagentesque adversus veritatis verbum dicentis: Regnum meum non est de hoc mundo, orbis imperium occupare. У Веселовскаго, р. 22.

²⁾ IX. 7: De Ioanne XII papa. Отсутствіе другихъ примѣровъ изъ біографій папъ Боккаччіо объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Fruebat animus in molliciem et seordiam atque supercilium grave Pontificum modernorum scribere, sed memor sacris in litteris aliquando legisse, nolite tangere christos meos, ultro manum retraxi. IX, 8, p. 248—249.

³⁾ Ioannem XII in tam grandem ac detestabilem vesaniam elatus est, ut arbitraretur suum esse cunctis leges indicere seque legibus esse solutum. IX, 7, p. 247.

⁴⁾ Eum magnalium suorum immemorem praeposentemque Thebani Bachi vina colentis gloriam splendoribus Martis Italici nec non torpentem sub Circio in extremo orbis angulo, inter nives et pocula. Веселовскій, р. 23.

⁵⁾ См. IX, 16, 17 и 18, p. 255—257.

⁶⁾ Meminisse quippe praesidentes debent, non esse populos servos sed conservos. Nam uti ex sudore populorum regis fulget honor, sic et vigilantia regis populorum salus et requies procuranda est. II, 5, p. 37.

⁷⁾ Qualiter hoc faciant principes hodierni, viderit Deus. Ibid. Въ письмѣ къ Кавалькантти онъ такъ характеризуетъ современныхъ государей: Subiere pectus anxium, qui notis insigniti regis reges haberi volunt, cum phalaerti sunt onagri, et ii potissime, qui hac tempestate praesident regnis. Occurritque primus Gallus Sicamber, qui se temerario ausu genere et moribus praeferre

украшенные ослы“ и тираны ¹⁾). Въ этомъ же сочиненіи развилъ Боккаччіо свою знаменитую теорію о законности и даже святости убійства тирана ²⁾).

Но, относясь съ величайшимъ недовѣріемъ къ монархической власти, Боккаччіо далеко не безусловный поклонникъ народовластія. Современныхъ гражданъ онъ рисуешь въ самыхъ мрачныхъ краскахъ сравнительно съ древними героями гражданской доблести ³⁾. Не находятъ пощады у Боккаччіо и отдѣльные слои современнаго ему гражданства: къ черни онъ относится не мягче, чѣмъ Петрарка ⁴⁾);

---

caeteris audet, et cui primates monstravere sui, nedum philosophari turpissimum fore Regi, verum litterarum novisse characteres, detrimentum Regiae Majestatis permaximum signari. Quisic sapiunt damnantes in Regibus quod bellicosos reddit egregios. Inde Hispani, seu Barbari et efferaces homines affuere. Post et Severus Britannus, elatus novis successibus. Sic et Pannonius Bilinguis populi multitudine potius quam virtute valens. Postremo mollis et effeminatus Siculus. Quorum omnium dum mores et vitam segregatim intueor, ne per eorum discurram luxum et inertiam, rectius regum simulacra, quam reges visi sunt. Веселов., р. 23. Нападки на правителей всѣхъ временъ п народовъ встрѣчаются весьма часто въ сочиненіи. См., напр., II. 13: In Sardanapalum et sui similes, р. 47; IV, 3: In Tyrannos pauca, р. 94; VIII, 13: In reges gentilitatis priscae, р. 223 и passim.

¹⁾ In Tyrannidem versi sunt regii mores. р. 37. Срв. предыдущее примѣчаніе.

²⁾ Это знаменитое мѣсто находится въ 5-й главѣ II книги In superbos. Тамъ Боккаччіо говоритъ между прочимъ: *Quaeso cum videam eum, cui honorem meum, libertatem, majestatem, officium praeeminentiam omnem concessi, cui obsequium jussus impendo, cui desudo, cujus substantias meas imparcior, cujus in salutem sanguinem effunde meum, in extenuationem, desolationem, vituperium et perniciem invigilare meam, sanguinem sitire, haurire, emungere, inhonestis faeminis et perditissimis quibuscunque hominibus prodige facultates (quibus sustentare egenos et miserabiles debuerant) effundere atque disperdere et in consilium niti pessimum et pessimis operibus delectari, ac circa salutem publicam segnem torpentem desidemque video, regem dicam? principem colam? tamquam domino fidem servato? Absit. Hostis est; in hunc conjurare, arma capessere, insidias tendere, vires opponere magnanimi est, sanctissimum est et omnino necessarium. Cum nulla fere Deo sit acceptior hostia Tyrrani sanguine: durum quippe et importabile pro meritis injuriam reportare. P. 37.*

³⁾ Quibus (civibus meis) expeditionem aliquam sumpturis, prima futuri lucri quaestio est. Furari, rapere, tam sacra, quam profana occupare et in exitium publicum (dummodo immunes a poena se viderint) persanctissimum est etc. V, 4: In cives et in homines nequam. p. 124.

⁴⁾ Natura, ut ita loquar, plebs omnis mobilis et fatua est, veritati semper opinionem praepouens, usque ad exitium suadens, in periculo derelinquens; haec autem, cum fortunam sequatur, humillime servit, dominatur sae-

новая аристократія изъ разбогатѣвшихъ купцовъ возбуждаетъ въ немъ насмѣшки и презрѣніе ¹⁾; за старымъ дворянствомъ, наконецъ, онъ не признаетъ никакихъ привилегій, потому что истинное благородство заключается въ личныхъ свойствахъ и главнымъ образомъ въ добродѣтели ²⁾. Боккаччіо — демократъ въ томъ же смыслѣ, какъ и Петрарка. Марій для него „образецъ истинной знатности“ ³⁾ и кормилица Филиппа Катанская фигурируетъ въ его книгѣ на-ряду съ царствующими несчастливцами ⁴⁾. Что касается до широкихъ политическихъ мечтаній, къ которымъ такъ склоненъ былъ Петрарка, то въ книгѣ „О несчастіяхъ знаменитостей“ не замѣчается никакихъ ихъ слѣдовъ. Боккаччіо не чуждъ національнаго патриотизма, когда говоритъ о другихъ народахъ ⁵⁾, но совершенно молчитъ о желательности объединенія Италіи; онъ описываетъ печальное положеніе современнаго Рима и припоминаетъ о его прежнемъ величіи ⁶⁾, но не только не указываетъ средствъ для возстановленія его прежняго блеска, а даже не выражаетъ такого желанія. И въ этой книгѣ,

---

vere, ridetque post innumeros, quos sui fiducia miseros deduxit in mortem. IV. 2: In infidam plebem, p. 93.

¹⁾ Nil aedepol tollerabile minus mercenario sublimato. Quum non aliter tales se videri posse nobiles arbitrentur, nisi sortem veterem consortesque despiciant. Et coacta quadam morum gravitate celsos natura homines imitando confingant. Et dum janitaros, dapiferos et pincernas statuerint, regiam veram generositatem adtigisse se existimant. Quid fastidiosius prospectare quam tales? Non risus fictus, non sui charitas, non lurconum copia generosos animos facit, aut in esse conservat elatos. Se ipsum noscere virtutis (у Гоприца, p. 143 exitus et) initium sit. V. 18, p. 142.

²⁾ Arbitror quippe nil aliud nobilitatem esse, quam quoddam splendidum decus in recte prospicientium oculos morum facetia et affabilitate refulgens... Virtutesquidem colere, virtuose agere, vitia omnino damnare, repellere, fugere, necesse est volentibus nobilitatem certissimam, non umbratilem possidere. VI, 3: Pauca de nobilitate, p. 153. Срв. предыдущее примѣчаніе.

³⁾ Marius... verae nobilitatis argumentum est. Ibid.

⁴⁾ IX, 26: De Philippa Catanensi, p. 269. Но такое сосѣдство самому Боккаччіо кажется настолько необычнымъ, что онъ счелъ нужнымъ оговориться въ особой главѣ IX, 24: Excusatio auctoris ob Philippam Catanensem, p. 269.

⁵⁾ Fama satis vulgatum est, esto indigne, orbis scilicet totius Suevorum sanguinem nobilitate clarissimum: quasi coelum mitius barbarorum, quam Italorum finibus succus effuderit. O ridiculum profesto, ni in extraneum ab intentu diverticulum flecteret, facile quam stolidi decipiantur circa hanc sanguinis Theutonici nobilitatem, ostenderem. IX, 16 De Henrico, Romanorum rege, p. 255. Ср. письмо къ Маллардо, прим. 126.

⁶⁾ VIII, 17. In praesentis urbis Romae condiciones, p. 228.

какъ въ другихъ сочиненіяхъ, Боккаччіо остается флорентійскимъ гвельфомъ, совершенно чуждымъ болѣе широкихъ политическихъ идеаловъ.

Сочиненіе Боккаччіо „*О горахъ, лѣсахъ, источникахъ, озерахъ, рѣкахъ, болотахъ и названіяхъ моря*“¹⁾ — представляетъ собою географическій словарь, раздѣленный на семь частей соотвѣтственно заглавію и въ каждой рубрикѣ расположенный въ алфавитномъ порядкѣ. Боккаччіо смотрѣлъ на эту работу только какъ на отдыхъ отъ другого болѣе важнаго труда²⁾ и предназначалъ его для людей мало образованных³⁾, вслѣдствіе чего онъ не дѣлалъ особенно тщательныхъ изысканій⁴⁾. Распредѣленіе матеріала въ книгѣ Боккаччіо поставилъ въ зависимость отъ взаимнаго отношенія описываемыхъ имъ предметовъ въ природѣ. „На горахъ, говоритъ онъ, растутъ лѣса, оттуда вытекаютъ источники и рѣки, которыя образуютъ озера и болота; поэтому мнѣ казалось разумнымъ начать съ горъ“⁵⁾. Въ основу своей книги Боккаччіо положилъ аналогическое сочиненіе нѣкоего Вибіуса Секвестера⁶⁾, которое онъ дополнилъ свѣдѣніями, заимствованными изъ другихъ, главнымъ образомъ древнихъ, писателей. Его методъ весьма не сложенъ. Встрѣчая нѣсколько мнѣній

---

¹⁾ *Ioannis Boccatii, De montibus, sylvis, fontibus, lacubus, fluminibus stagnis, seu paludibus ac nominibus maris liber.* (Въ другихъ изданіяхъ de maribus или de marium nominibus, но это подлинное заглавіе. См. Hortis, Studj, p. 229). Оно печаталось всегда вѣстѣ съ Генеалогіей боговъ и имѣло много изданій и переводовъ. См. Zambrini, p. 13—20. Hortis, p. 769—785. Я пользуюсь цитированнымъ выше базельскимъ изданіемъ 1532 года. Во всѣхъ изданіяхъ пропущено стихотворное допoлненіе къ описанію рѣки Арно, которое впервые напечатано у Hortis'a p. 257.

²⁾ Surrexeram equidem fessus a labore quodam egregio ac aliquali otio vires restaurare cupiens. Praef. p. 402. Hortis доказываетъ, что этотъ labor egregius—Генеалогія боговъ, хотя въ 7-й ея книгѣ онъ упоминаетъ уже объ этомъ сочиненіи. Hortis, p. 229—30. Körting соглашается съ его доводами. Boccaccio's Leben, p. 726.

³⁾ Qui tracti desiderio rudes stadium intrant studiorum. Praef. p. 402.

⁴⁾ Esto (ut ab initio testatus sum), quietis causa non anxium acremque sed jocosum laborem assumpsi, a quo ne adversus intentionem meam defatigarer, quicquid in memoriam venit nulla indagine sollertiori peracta concessi calamo. Эпилогъ, p. 503.

⁵⁾ Praef. p. 402.

⁶⁾ *Vibius Sequester, De fluminibus, fontibus, lacubus, nemoribus, paludibus, montibus, gentibus, quorum apud poetas mentio fit.* Секвестеръ жилъ или въ IV или въ VII вѣкѣ нашей эры. Его сочиненіе было издано нѣсколько разъ въ XVI вѣкѣ. Объ отношеніи къ нему Боккаччіо. См. Landau, p. 223 и 304 и Hortis, p. 230.

по поводу одного и того же предмета, онъ обыкновенно сообщаетъ ихъ всѣ безъ указанія авторовъ. (Вообще Боккаччіо въ этомъ сочиненіи не указываетъ своихъ источниковъ, какъ въ „Генеалогіи боговъ“). Если же онъ встрѣчаетъ противорѣчіе между Секвестеромъ или другимъ позднѣйшимъ писателемъ и древними, то онъ отдаетъ преимущество послѣднимъ, авторитету которыхъ, по его собственному выраженію, онъ „вѣритъ болѣе, чѣмъ своимъ глазамъ“. Тѣмъ не менѣе, когда извѣстія древнихъ сталкиваются съ показаніями очевидцевъ, Боккаччіо не рѣшается высказаться въ пользу первыхъ и предоставляетъ окончательный выводъ другимъ изслѣдователямъ ¹⁾.

Географическое сочиненіе Боккаччіо рѣзко осуждалось позднѣйшими изслѣдователями. Сначала его обвиняли въ плагіатѣ, такъ какъ онъ переписалъ всю книгу Секвестера, кромѣ ея этнографической части. Это обвиненіе произошло вслѣдствіе незнакомства съ тогдашними литературными обычаями, которые продолжались даже въ XVIII вѣкѣ. Боккаччіо такъ дополнилъ и исправилъ своего предшественника, что его такъ же мало можно упрекнуть въ плагіатѣ, какъ, напр., Апостола Дзено, комментировавшаго Фоссіуса. Если онъ не назвалъ Секвестера, то только потому, что обычай цитировать источники только-что входилъ въ употребленіе и къ нему относились еще подозрительно ²⁾. Вслѣдствіе этого обвиненіе въ плагіатѣ было опровергнуто еще Ландау, и его аргументы съ большею обстоятельностью были повторены Гортисомъ ³⁾. Но самъ Ландау относится къ книгѣ довольно поверхностно и односторонне. По его мнѣнію, „она негодна уже болѣе 300 лѣтъ, хотя въ свое время и еще два столѣтія позже ею много пользовались и она лучше, чѣмъ можно было ожидать при скудныхъ свѣдѣніяхъ въ географіи, какими обладало XIV столѣтіе“ ⁴⁾. Еще рѣзче относится къ ней новѣйшій біографъ Боккаччіо, Кёртингъ. Онъ отрицаетъ въ ней всякое научное значеніе и видитъ только „дилеттантскую, чуждую всякой критики компиляцію“. Приведя цитированныя нами слова Боккаччіо по поводу извѣстій о Каспійскомъ морѣ, онъ замѣчаетъ: „видно изъ этого, къ какой безсмыслицѣ (Widersinne) должны были приводить гуманистическая

¹⁾ Приведя, напр., различныя извѣстія о Каспійскомъ морѣ, Боккаччіо замѣчаетъ: *quae autem ex his opinionibus vera sit, diligentioribus scrutari permittam, quum ab antiquis fidem amovere non audeam et modernis de visu testantibus negare non possum.* De nominibus maris, p. 490.

²⁾ См. Hortis, Studj, p. 231 и 223.

³⁾ Landau, p. 203—204. Hortis. I. c.

⁴⁾ Landau, p. 203.

односторонность и не критичность“. Въ противорѣчїе съ этимъ Кёртингъ признаетъ эту книгу „весьма почтенной (versdienstliche) для своего времени работой, годнымъ и полезнымъ пособіемъ для молодой гуманистической науки“¹⁾. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что научная цѣна географическаго сочиненія XIV вѣка не можетъ быть высокою послѣ массы открытій новаго времени; но Ландау и Кёртингъ игнорируютъ его историческое значеніе, выясненіе котораго составляетъ важную заслугу Аттіліо Гортиса. Гортисъ посвятилъ отдѣльное сочиненіе естественно-историческимъ свѣдѣніямъ Боккаччіо²⁾ и въ своихъ „Этюдахъ“ подробно и обстоятельно разсматриваетъ его космографическія и географическія воззрѣнія, поскольку они выразились въ его географическомъ словарѣ³⁾, который и помимо того имѣетъ важное значеніе, какъ историческій источникъ для эпохи Ренессанса. Самое появленіе словаря и методологическіе приемы автора служатъ проявленіемъ двухъ характерныхъ сторонъ эпохи—страсти къ путешествіямъ и любви къ древнимъ. Кромѣ показаній древнихъ, Боккаччіо руководствуется многочисленными собственными наблюденіями, которыя составляютъ для него весьма важный источникъ⁴⁾. Въ связи съ этимъ онъ сообщаетъ и автобіографическія подробности: маленькая Эльза, на которой стоитъ родной автору Черталдо, вошла въ словарь, и Боккаччіо, какъ истый представитель ранняго, наивнаго индивидуализма, сообщаетъ, при этомъ совсѣмъ некстати, нѣкоторыя свѣдѣнія и о своихъ родителяхъ⁵⁾. Точно такъ же относится онъ къ тѣмъ мѣстамъ, съ которыми связано имя Петрарки. Такъ, ручеекъ Соргу, орошавшій Воклюзъ, онъ не только вноситъ въ свое описаніе, но и перечисляетъ всѣ сочиненія, которыя написалъ на его берегахъ первый гуманистъ⁶⁾. Кромѣ того, Боккаччіо въ концѣ книги сообщаетъ интересное свѣдѣніе, неизвѣстное изъ другихъ источ-

¹⁾ Boccaccio's Leben, p. 725, 726.

²⁾ *Attilio Hortis, Accenni alle scienze naturali nelle opere di Giovanni Boccaccio. Trieste 1877.*

³⁾ Studj, p. 246—254.

⁴⁾ De his potissime dico, quos ad notitiam nostram antiquorum deduxit solertia, seu ipsi sumpsimus oculis, regiones varias peragrantes. De fluminibus. Praef. p. 443.

⁵⁾ Cum oppida plura hinc inde labens videat (Elsa), a dextro modico elatum tumulo Certaldum, vetus castelum, inquit, *cujus ego libens memoriam celebros. Sedes quippe et natale solum majorum meorum fuit, antequam illos susciperet Florentia cives.* De Fluminibus, p. 456.

⁶⁾ De Fontibus, p. 435. Онъ упоминаетъ далѣе о Петраркѣ при описаніи Арно. De Fluminibus, p. 443.

никовъ, что Петрарка *также писалъ географическое сочиненіе*, и изображаетъ свое отношеніе къ своему другу и-руководителю ¹⁾. Что касается до отношенія къ древности, то Боккаччіо, повидимому, болѣе преклонялся передъ ея авторитетомъ, чѣмъ Петрарка. Упреки въ некритичности со стороны новыхъ изслѣдователей вызваны главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ повторяетъ разныя басни древнихъ ²⁾, авторитету которыхъ, по его собственнымъ словамъ, онъ довѣрялъ болѣе, чѣмъ своимъ глазамъ. Но, несмотря на несомнѣнную искренность этого заявленія, новая критика пробивается сквозь старую привычку къ авторитету и ставитъ Боккаччіо въ противорѣчіе съ его собственными словами. Мы видѣли, что онъ воздерживается отъ вывода тамъ, гдѣ показанія древнихъ сталкиваются съ свидѣтельствомъ очевидцевъ, а кромѣ того, онъ весьма часто сопровождаетъ ихъ замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: „я этому не вѣрю“, „я считаю это невозможнымъ“, „это, по-моему, басня“, „я нахожу это смѣшнымъ“ и т. н. ³⁾. Точно такъ же преклоненіе передъ древностью не убило въ Боккаччіо интереса къ средневѣковой исторіи и къ современной жизни. Описывая гору, рѣку и т. п., онъ имѣетъ обыкновеніе сообщать связанныя съ ними историческія воспоминанія, при чемъ на-ряду съ событіями изъ древняго міра упоминаетъ объ Альбоинѣ, о борьбѣ Гогенштауфеновъ съ Анжуйскимъ домомъ, указываетъ святыни средневѣковой церкви и сообщаетъ иногда связанныя съ ними легенды ⁴⁾. Такъ же мало вяжется съ исключительнымъ и слѣпымъ почитаніемъ античнаго міра живой интересъ къ современной дѣйствительности, столь характерной для начинающейся новой эпохи. На-ряду съ древними названіями Боккаччіо приводитъ и современныя, извиняясь, что не можетъ сдѣлать этого всякій разъ. Кромѣ того, онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на современномъ состояніи описываемыхъ имъ предметовъ и сравниваетъ его съ тѣмъ, въ которомъ они находились въ древнее время ⁵⁾, при чемъ совершенно неожиданно въ географическомъ сочиненіи Боккаччіо сообщаетъ читателямъ свои политическія симпатіи.

¹⁾ Ibid. p. 504.

²⁾ Landau, p. 202—203. См. выше прим. 4, p. 31.

³⁾ См., напр., замѣчанія по поводу преданій объ Истрѣ и о По. De fluminibus, p. 463 и 472. Другіе примѣры у Гортиса, p. 254.

⁴⁾ Относящіяся сюда примѣры у Нортиса, p. 245.

⁵⁾ Многочисленныя цитаты для доказательства этого приводитъ Гортисъ (p. 238 и слѣд.).

Гражданинъ могущественной континентальной республики не любитъ владычицы морей Венеціи и упрекаетъ ея жителей въ хитрости и надменности ¹⁾.

Оправдываясь въ концѣ книги передъ читателемъ въ возможныхъ пропускахъ и ошибкахъ, Боккаччіо подробно описываетъ тогдашнее состояніе рукописей, для исправленія которыхъ нужны „божественныя“ способности ²⁾. Тонъ этого описанія даетъ ясное представленіе о томъ, почему такъ высоко цѣнились заслуги лицъ, посвящавшихъ себя исправленію текста, и почему именно съ этого начали флорентійскіе послѣдователи первыхъ гуманистовъ.

Научныя работы Боккаччіо подверглись въ новое время болѣе тщательному изученію, чѣмъ то, какое выпало на долю аналогичнымъ произведеніямъ Петрарки. Еще въ 1874 году *Шюкк* въ цитированной выше статьѣ опредѣлилъ нѣкоторые источники Боккаччіо въ его историческихъ сочиненіяхъ. Затѣмъ послѣдовали детальныя работы Гортиса ³⁾, которыя онъ объединилъ въ огромной книгѣ о всѣхъ латинскихъ произведеніяхъ автора Декамерона ⁴⁾. Кроме обстоятельнаго разбора отдѣльныхъ сочиненій, Гортисъ далъ здѣсь большую главу объ источникахъ Боккаччіо и библиографическій указатель его изданій и переводовъ. Со стороны обстоятельности книга

---

¹⁾ Въ статьѣ *Venetum mare* онъ говоритъ: *Quibus adeo fortuna et astutia favit, ut elati audeant nostro aevo et maris imperium usurpare, si possint, et novo nomine vetus delere conantur, a se Venetum appellantes, quod per longa retro saecula a Tuscis Adriaticum dictum. De maribus, p. 502.* Боккаччіо и описываетъ его подъ старымъ названіемъ (p. 488) и только изъ ученой добросовѣстности отдѣльно разсматриваетъ его новое прозвище. Объ Эгейскомъ морѣ онъ говоритъ такъ: *Aegeum mare insularum aequae et regnorum et virorum illustrium et mirandarum rerum plenum fuit. Hodie vevo torpet turp. servitio obnoxium. Ibid. p. 491.*

²⁾ *Nisi divinitas sit in hominibus insita, emendari non possunt.* Причину этого явленія Боккаччіо объясняетъ слѣдующимъ образомъ. *Eò devenimus, ut qui litterae seu characteris formam apte calamo deducere noverint illosque congrue invicem jungere temerario ausu nil aliud intelligentes se scriptores audent profiteri et apposito praetio scribere quorumcunque volumina, quod etiam turpius, relictis colo textrinisque, persaepe ausae sunt et audent mulieres, тогда какъ въ древности consuevere celebri officio solum homines exquisiti ingenii et intelligentes assumi (p. 503).*

³⁾ *Hortis, Cenni di G. B. intorno a Tito Livio. Trieste 1878. Idem, M. T. Cicerone nelle opere del Petrarcae del Boccaccio. Trieste 1878.*

⁴⁾ *Hortis, Studj sulle opere latine del Boccaccio con particolare riguardo alla storia della erudizione nel medio evo e alle letterature straniere. Aggiuntavi la bibliografia delle edizioni. Trieste 1879 (XX + 955 in 4°).*

не оставляет желать ничего лучшаго, но ей недостаёт систематических выводовъ, которые вполне формулировали бы историческое значеніе Боккаччіо.

II.

Переписка Боккаччіо. — Вопросъ о Zibaldone. — Эклоги. — Сомнительныя и подложныя произведенія Боккаччіо. — Общій характеръ и историческое значеніе его латинскихъ произведеній.

Къ числу латинскихъ произведеній Боккаччіо слѣдуетъ отнести и его переписку, такъ какъ итальянскія письма находятся тамъ въ меньшинствѣ ¹⁾. Но его латинскія письма ни по количеству, ни по качеству далеко не имѣютъ того значенія, какъ переписка Петрарки. Боккаччіо писалъ много ²⁾, но изъ его сочиненій не видно, чтобы онъ собиралъ свою переписку, и большая часть ея или совсѣмъ пропала или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не найдена. Потеряны даже его донесенія Флоренціи, которая не разъ отправляла его съ дипломатическими порученіями ³⁾. Вслѣдствіе этого Корацини насчитываетъ только 33 его письма: 23 латинскихъ и 10 итальянскихъ ⁴⁾; но и это скромное число подлежитъ еще значительному сокращенію, потому что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ сомнительны, а другія несомнѣнные апокрифы. Кромѣ того, въ переписку включены такія письма, которыя собственно составляютъ посвященіе или даже предисловіе къ его сочиненіямъ ⁵⁾. Наконецъ, большинство остальныхъ писемъ пользовалось столь незначительной извѣстностью,

¹⁾ Итальянскія письма Боккаччіо изданы *Moutier, Letteri volgari di Giovanni Boccaccio, Firenze. 1834.* Полное собраніе переписки появилось гораздо позже. *Giovanni Boccaccio. Le lettere edite e inedite tradotte e commentate. con nuovi documenti da Francesco Corazzini. Firenze 1877.*

²⁾ Одно изъ его писемъ въ Петраркѣ озаглавлено *Una ex mille.* У *Coraz.* p. 123.

³⁾ *Corazzini, Introduzione, p. LXXX и LXXX.* *Hortis, Studj, p. 259.*

⁴⁾ *Coraz., p. 497—498.*

⁵⁾ Такихъ 3 латинскихъ и два итальянскихъ. (Одно къ Майнардо ден Кавальканти — посвященіе *De casibus virorum illustrium* (*Coraz., p. 363*); другое къ *Andrea Acciajoli* — посвященіе *De claris mulieribus* (*Coraz., p. 231*), третье къ Гуго, королю Иерусалимскому — предисловіе къ Генеалогіи. Два итальянскихъ къ *Фіамметтѣ* — посвященіе *Тезейды* (*Coraz., p. 1*) и *Филострато* (*Ibid. p. 9*). Эти письма рассмотрѣны вмѣстѣ съ сочиненіями, къ которымъ они относятся.

что увидѣло свѣтъ только во второй половинѣ XIX вѣка. Тѣмъ не менѣе письма, безспорно принадлежащія Боккаччіо, имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи Ренессанса вообще и для біографіи ихъ автора въ частности. Таковы, во-первыхъ, письма къ Петраркѣ, и прежде всего то изъ нихъ, гдѣ Боккаччіо порицаетъ своего адресата за поступленіе на службу къ Висконти ¹⁾. Горячая привязанность и глубокое уваженіе Боккаччіо къ тому, кого онъ называлъ своимъ учителемъ и осыпалъ похвалами почти въ каждомъ письмѣ, не помѣшали ему осыпать Петрарку рѣзкими и даже несправедливыми упреками ²⁾ за его связь съ тиранномъ, и письмо является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для политическихъ воззрѣній и вообще для характеристики автора. Позже написанное второе письмо по тому же адресу, гдѣ Боккаччіо описываетъ свое путешествіе въ Венецію для свиданія съ Петраркой, котораго онъ тамъ не засталъ, показываетъ, что старая дружба не порвалась, и вообще выгодно рисуется взаимныя отношенія первыхъ гуманистовъ ³⁾. Еще важнѣе третье письмо, гдѣ Боккаччіо рассказываетъ о своихъ поискахъ жизни Петра Даміана, которая была нужна Петраркѣ для его сочиненія *De vita solitaria* ⁴⁾. Поправляя ошибку своего „учителя“ ⁵⁾, смѣшавшаго двухъ Петровъ изъ Равенны, и жестоко порицая жителей Равенны и въ особенности тамошнихъ монаховъ за отсутствіе у нихъ интереса къ родной святынь, Боккаччіо знакомитъ и съ своей исторической критикой ⁶⁾, и съ своимъ отношеніемъ къ средневѣковой исторіи ⁷⁾. Менѣе интереса представляетъ

¹⁾ Corazz., p. 47. Письмо относится къ 1353. Оно ранѣе напечатано въ итальянскомъ переводѣ у Fraccassetti, *Lett. fam.* XVI, 13 (nota).

²⁾ Такъ, напр., для объясненія поступка Петрарки онъ цитируетъ Виргилія.

Quid non mortalia pectora cogis,

Auri sacra fames (p. 51).

³⁾ Corazz., p. 123. Ранѣе напечатано у De-Sade въ приложеніи къ III тому его мемуаровъ. Переводъ у Fraccassetti, *Fam.* XI, I (nota). Его хронологію Corazzini (p. 122) и Hortis (p. 279) относятъ къ 1363—1368.

⁴⁾ Письмо, найденное Saverdoni и напечатанное у Ciampi (*Monumenti*, p. 493), перепечатано у Corazzini, p. 307. Hortis относитъ его къ 1366 году. Studj, p. 280.

⁵⁾ Характеренъ для отношеній тонъ этой поправки: *absque tui oris seu animi rubare patieris, si ego, minimus ex auditoribus tuis unus, bona semper cum pace tua, erroris hujus nebulam, antequam ad ulteriora progredior, paucis absolvam.* Corazz., p. 308.

⁶⁾ Corazz., p. 307—309.

⁷⁾ *Ibid.* p. 309—310.

стихотворное посланіе Боккаччіо, съ которымъ онъ препроводилъ Петраркѣ „Божественную комедію“ Данте и въ которомъ выражаетъ свое отношеніе къ обоимъ поэтамъ ¹⁾). Для характеристики отношенія Боккаччіо къ Петраркѣ важно его письмо къ зятю послѣдняго ²⁾, въ которомъ онъ, оплакивая смерть перваго гуманиста, сообщаетъ также нѣкоторыя автобіографическія данныя ³⁾). Для фактической исторіи эпохи имѣютъ значеніе письма Боккаччіо къ падуанскому профессору Пьетро-да-Муліо или ди-Риторика и къ одному юношѣ Маттео-де-Амброзіо или Амбразіо. Въ первомъ, превознося похвалами знаменитаго преподавателя, онъ рекомендуетъ ему двухъ учениковъ ⁴⁾, а во второмъ благодаритъ юнаго почитателя за восторженное письмо ⁵⁾. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи письмо къ Джакомо Пицинге ⁶⁾. Превознося похвалами адресата за его интересъ къ наукѣ и покровительство ученымъ, Боккаччіо оправдываетъ меценатство античными примѣрами и подробно отмѣчаетъ признаки наступающаго лучшаго времени. „Я начинаю надѣяться и вѣровать, пишетъ онъ, что Богъ смилостивился надъ итальянцами, такъ какъ вижу, что онъ изъ лона своей щедрости изливаетъ въ сердца итальянцевъ духъ, не отличный отъ древнихъ“ и въ доказательство приводитъ Данте, Петрарку и Дзаноби-да-Страда, указывая—въ то же время на бѣдственное политическое положеніе своей родины ⁷⁾.

Только автобіографическое значеніе имѣютъ письма къ Николода-Монтефальконе ⁸⁾ и къ Николо Орсини ⁹⁾. Первое, въ которомъ

¹⁾ Corazz., p. 53. Körting почему-то исключаетъ это посланіе изъ числа писемъ Боккаччіо.

²⁾ Впервые напечатано у Mehus. Vita Amrosii Traversarii, p. CCIII и перепечатано у Corazz., p. 377.

³⁾ О преподаваніи во Флоренціи, Corazz., p. 378.

⁴⁾ Оно издано Ciampi (Monumenti, p. 511) и перепечатано Corazz., p. 323. Его хронологія у Hortis, p. 281.

⁵⁾ Впервые напечатано Corazzini, p. 327, который относитъ его къ 1373 (p. 525), тогда какъ Hortis, внесшій поправку въ произношеніе имени адресата, къ 1371 (Studj, p. 286). Въ этомъ письмѣ Боккаччіо говоритъ между прочимъ *Letor equidem et gaudeo abvertens nostro saeculo aliquanter prisca resurgant ingenia quae jamdudum ignavia atque avaritia Italorum abierant.* Cor., p. 327—328.

⁶⁾ Напечатано у Бальделли и потомъ у Corazz., p. 189. Hortis относитъ его къ 1371 году (p. 287).

⁷⁾ Corazz., p. 193—197.

⁸⁾ Напечатано впервые у Corazzini, p. 257.

⁹⁾ Напечатано впервые у Corazzini, p. 317. Hortis относитъ его къ 1371 г. (Studj, p. 288).

Боккаччио порицаетъ адресата за то, что онъ пригласилъ его къ себѣ въ гости, а самъ ушелъ изъ дому, не важно. Гораздо болѣе цѣны имѣетъ второе, въ которомъ онъ изображаетъ между прочимъ свое состояніе подъ старость ¹⁾). Какъ комментарий къ сочиненіямъ Боккаччио, весьма важны два его письма. Первое, весьма интересное и въ другихъ отношеніяхъ, адресовано къ Пьетро-ди-Монтефорте ²⁾). Благодаря своего корреспондента за лестный отзывъ о Генеалогіи, Боккаччио сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой книгѣ, развиваетъ свой взглядъ на священное писаніе и горячо защищаетъ своего „учителя“ Петрарку, что онъ не издалъ до сихъ поръ своей Африки и написалъ трактатъ *De ignorantia* ³⁾). Эта послѣдняя часть письма имѣетъ важное значеніе и для біографіи Петрарки. Второе письмо, адресованное къ монаху Мартино-да-Синья ⁴⁾), представляетъ собою превосходнѣйшій комментарий Боккаччио къ его собственнымъ элогамъ. Существенную важность во многихъ отношеніяхъ имѣютъ письма къ Майнардо-деи-Кавальканти ⁵⁾). Въ первомъ изъ нихъ Боккаччио живо, съ бытовыми подробностями описываетъ свою болѣзнь и формулируетъ свой взглядъ на медицину ⁶⁾); второе ⁷⁾), кромѣ біографиче-

¹⁾ Coraz., p. 318—321.

²⁾ *Insigni militi et legum professori clarissimo Domino Petro de Monteforte*. Впервые издано Corazzini, p. 349. Hortis относитъ его къ 1372 г. (Studj, p. 291).

³⁾ Corazzini, 350—358.

⁴⁾ *Ad fratrem Martinum de Signa, ordinis fratrum eremitarum sancti Augustini sacrae paginae professorem*. Сначала опубликовано *Gandolfo* (*Dissertatio historica de ducentis celeberrimis Augustinianis scriptoribus. Romae 1704*) и у Corazzini, p. 267.

⁵⁾ Первые два письма впервые изданы академикомъ А. Н. Веселовскимъ съ превосходнымъ ихъ анализомъ въ предисловіи *Ioannis Boccaccii ad Maghinardum De Cavalcantibus epistolae tres. Три письма Джованни Боккаччио къ Майнардо де'Кавальканти. 1375—1875. 21 декабря, С.-Петербургъ 1876*. О напечатанномъ тамъ же третьемъ письмѣ см. выше пр. 30. Corazzini, отмѣтивши книгу А. Н. Веселовскаго, хотя безъ имени автора (*Introduzione Appendice III, p. CXXI*), дѣлаетъ тѣмъ не менѣе къ обоимъ письмамъ такое примѣчаніе: *questa lettera era inedita* (p. 281 и 296).

⁶⁾ Веселовскій, p. 10; Corazzini, p. 281. Веселовскій (p. 3) и Гортисъ относитъ это письмо къ 1373 г. (Studj, p. 294). Характерно между прочимъ слѣдующее замѣчаніе Боккаччио въ этомъ письмѣ. *Satis, imo multum vixi, et vidi, quae proavi non videre mei, nec quid novi, etiam si duplicentur anni, videre queam, jure expectare debeo, ni forte volitare montes et flumina in fontes redire speravero, quod ridiculum est*. Весел., p. 11; Coraz., p. 283. О медицинѣ Весел., p. 13—14. Coraz., p. 285—286.

⁷⁾ Веселовск., p. 15. Coraz., p. 295. Веселовскій относитъ его къ 1373 (p. 4).

скихъ данныхъ, заключаетъ въ себѣ взглядъ автора на его латинскія сочиненія и, что особенно важно, его отношеніе къ Декамерону ¹⁾).

Подлинность остальныхъ латинскихъ писемъ Боккаччіо или отрицается или заподозривается, при чемъ въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ вопросъ о знаменитомъ Zibaldone. Въ флорентійской библиотекѣ Magliabecchiana (теперь она вошла въ составъ Biblioteca Nazionale) находится одинъ кодексъ самаго разнообразнаго содержания. Тамъ есть отрывки изъ *speculum Paulini Veneti*, обработка исторіи армянина Гайтона ²⁾, извлеченіе изъ хроники Мартина изъ Троппау (*Martinus Polonus*), письмо объ открытіи Канарскихъ острововъ, моральныя сентенціи Сенеки, выдержка изъ Естественной исторіи Плинія и Катилины Саллюстія; письмо къ Дзаноби-да-Страда и его рѣчь, списокъ знаменитыхъ современниковъ и упомянутыя выше генеалогіи боговъ Перуджино, Альбицци и Донати и проч. Этотъ манускриптъ представляетъ собою записную тет-

---

¹⁾ Sane quod (Cor. quia) inclitas mulieres tuas domesticas nugas meas legere permiseris (Cor. promiseris) non laudo, quin imo quaeso per fidem tuam, ne feceris. Nosti, quot ibi sint minus decentia et adversantia honestati, quot Veneris' infaustae aculei, quot in scelus impellentia, etiam si sint ferrea pectora, a quibus etsi non ad incestuosum actum illustres impellantur feminae, et potissime quibus sacer pudor frontibus insidet, subeunt tamen passu tacito aestus iellecebres et improvidas (Cor. impudicas) obscena concupiscentiae (Cor. concupiscentia) tabe nonnunquam inficiunt irritantque. Quod omnino non (Cor. ne) contingat, agendum est, nam tibi, non illis, si quid minus decens cogitaretur (Cor. cogitaret), imputandum esset. Cave igitur iterum meo monitu precibusque, ne feceris. Sine illas juvenibus passionum sectatoribus, quibus loco magni muneris est vulgo arbitrari, quod multas infecerint petulantia sua pudicitias matronarum. Et si decori dominarum tuarum parcere non vis, parce saltem honori meo, si adeo me diligis, ut lacrimas in passionibus meis effundas: existimabunt enim legentes me spurcidum (Cor. spurgidum) lenonem, incestuosum senem, impurum, turpiloquum maledicum, et alienorum scelerum avidum relatorem. Non enim ubique est, qui in excusationem meam consurgens dicat: Iuvenis scripsit et majoris coactus imperio. Haec autem quantum aetati meae convenient sine (Cor. sive) studiis, tu nosti, et quamquam minus honestus sim et longe minus jamdudum fuerim, non facile vellem iudicio talium mulierum mea foedaretur fama vel nomen. Sed quid plura? Non dubito, quin facias, quod illis tibi, mihi, que pium sanctumque fuerit. Весел., p. 17—18. Cor., p. 298—299.

²⁾ Haythou. *L'hystoire merveilleuse plaisante et recreative du grand empereur de Tartarie*. Nicolaus de Talconi перевелъ ея на латинскій языкъ подъ такимъ заглавіемъ: *Liber historiarum partium Orientis sive Passagium Terrae Sanctae*. Объ авторѣ см. Körting, p. 15.

радъ, въ которую ея ученый обладатель вносилъ разныя excerpta (для такихъ тетрадей въ итальянскомъ языкѣ существуетъ специальный терминъ *il zibaldone*). Въ 1827 году профессоръ Себастьяно Чампи издалъ часть этого кодекса и объявилъ его памятной книжкой Дж. Боккаччіо ¹⁾. Ему безъ труда удалось доказать, что манускриптъ относится къ XIV столѣтію и что онъ принадлежалъ лицу, хорошо знакомому съ флорентійскими дѣлами ²⁾; гораздо менѣе рѣшительны его аргументы за принадлежность этой тетради Боккаччіо. Они сводятся къ слѣдующему: 1) „что лицо, писавшее кодексъ, обладало обширнымъ знаніемъ и еще большей критическою основательностью (*piu gran criterio*)—это ясно, во-первыхъ, изъ содержанія, во-вторыхъ, изъ плана автора создать хронологическую и критико-раціональную (*critica-ragionata*) всемірную исторію въ связи съ географіей всѣхъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней и, въ третьихъ, изъ критическаго анализа авторовъ, отрывки изъ которыхъ онъ списывалъ для своего предполагаемаго труда“. Въ XIV вѣкѣ было только два такихъ ученыхъ: Петрарка и Боккаччіо; первый не могъ быть обладателемъ кодекса, потому что его имя внесено въ находящійся тамъ индексъ знаменитостей; слѣдовательно, эти выписки принадлежать Боккаччіо ³⁾. 2) Въ *Zibaldone* есть сочиненія, принадлежащія Боккаччіо. Такъ, тамъ есть коротенькое вычисленіе продолжительности земной жизни Христа и письмо къ Дзаноби, подписаннаго *Iohannes de Certaldo*. Правда, подпись выскоблена, но не вполне, такъ что буквы можно легко различить. 3) Въ индексѣ знаменитостей Паолоно прибавлено нѣсколько именъ изъ современниковъ, между прочимъ Петрарка и Дзаноби, но нѣтъ Боккаччіо. Этотъ пробѣлъ нельзя объяснить ни завистью или враждою обладателя манускрипта, потому что онъ внесъ письмо Боккаччіо къ Дзаноби, ни забывчивостью, потому что имя Петрарки должно было напомнить о его другѣ. Единственное объясненіе возможно при томъ предположеніи, что списокъ составлялъ самъ Боккаччіо. 4) Между внесенными въ списокъ знаменитостями съ особенной похвалою упо-

---

¹⁾ *Sebastiano Ciampi, Monumenti d'un manoscritto autografo di Messer Giov. Boccaccio da Certaldo trovati ed illustrati. Firenze 1827.* Три года спустя онъ переиздалъ книгу съ обширными дополненіями. *Monumenti di un manoscritto autografo e lettere inedite di m. G. B. Milano 1830.*

²⁾ Самый рѣшительный его противникъ Körtling признаетъ то и другое съ незначительными возраженіями въ частностяхъ. См. *Boccaccio's Leben*, p. 16—18.

³⁾ *Ciampi*, p. 3, 10.

минаются Альдобрандино дельи Оттобони и Коппо-ди-Боргезе Доминики, о которых Боккаччио говоритъ и въ другихъ сочиненіяхъ: о первомъ въ письмѣ къ Росси, о второмъ въ 9 новеллѣ 5-го дня Декамерона. 5) Составитель кодекса хорошо знакомъ съ положеніемъ дѣлъ во Флоренціи, какъ это видно изъ глоссы къ извѣстію о Канарскихъ островахъ ¹⁾. 6) Содержаніе кодекса (генеалогіи, географическія замѣтки, сентенціи Сенеки) вполне соотвѣтствуютъ занятіямъ и интересамъ Боккаччио. 7) Боккаччио необходимо было дѣлать извлеченія изъ книгъ, потому что онъ не могъ ихъ покупать вслѣдствіе бѣдности, какъ утверждаетъ его біографъ XV вѣка Манетти. Всѣ эти доказательства въ совокупности казались настолько убѣдительными, что первый рецензентъ издателя Рипетти ²⁾, а за нимъ и другіе ³⁾ согласились съ основнымъ положеніемъ Чампи. Но спустя полвѣка этотъ взглядъ встрѣтилъ рѣзкихъ противниковъ въ лицѣ Ландау и потомъ Кёртинга.

Ландау возражаетъ, во-первыхъ, противъ одного изъ самыхъ сильныхъ, шестого аргумента тѣмъ, что въ кодексѣ есть изслѣдованіе о днѣ смерти Христа и о Канарскихъ островахъ, чтд, по его мнѣнію, не подходитъ къ интересамъ Боккаччио. Но при несомнѣнномъ благочестіи автора географическаго словаря это возраженіе не можетъ имѣть никакой силы. Затѣмъ онъ приводитъ цѣлый рядъ возраженій противъ 3-го аргумента. Пропускъ имени Боккаччио, по его мнѣнію, ничего не доказываетъ. Во-первыхъ, тамъ пропущены и другія тогдашнія знаменитости (Andalo, Паоло Перуджино и т. д.): во-вторыхъ, индексъ можетъ относиться къ 1341 году, когда Боккаччио былъ еще совершенно неизвѣстенъ ⁴⁾; въ-третьихъ, онъ могъ быть сдѣланъ врагомъ Боккаччио, а подлинность письма къ Страдѣ еще не доказана, если бы и была доказана, то враждебный Боккаччио составитель списка могъ увлечься формой письма и потому выскоблить имя автора ⁵⁾. Нельзя сказать, чтобы эти гипотетическія возраженія подрывали основное положеніе Чампи или даже превосходили своей убѣдительностью его третій аргументъ. Оставляя безъ

¹⁾ Въ ней говорится Florentinus, qui his navibus praefuit, est Angelinus del Teggia de Corbizzis, consobrinus filiorum Gherardini Giannis. (Ciampi, p. 18).

²⁾ Рецензія Ripetti была напечатана въ *Antologia fiorentina* 1828 №№ 83 и 84 и перепечатана во 2 изданіи *Monumenti* Чампи.

³⁾ См. Körtig, p. 9 и Landau, p. 251.

⁴⁾ Эту ошибку Ландау поправилъ Körtig (p. 23), указавъ, что Zanobi, увѣнчанный въ 1355 году, названъ въ индексѣ poeta laureatus.

⁵⁾ Giovanni Vossaccio, p. 251—252.

возраженія другія главныя доказательства Чампи, Ландау останавливается на одномъ второстепенномъ: Чампи приводитъ между прочимъ то соображеніе въ пользу принадлежности тетради Боккаччіо, что она находилась нѣкогда въ бібліотекѣ Стропци, гдѣ было найдено и его завѣщаніе. Ландау устраняетъ этотъ аргументъ тѣмъ, что самъ Чампи въ концѣ книги сомнѣвается въ подлинности самаго завѣщанія ¹⁾. Отрицая доказательность аргументовъ Чампи, Ландау приводитъ собственныя соображенія въ доказательство противоположнаго мнѣнія. Во-первыхъ, почеркъ *zibaldone* отличенъ отъ тѣхъ рукописей, которыя до сихъ поръ считались автографами Боккаччіо ²⁾, но тутъ же прибавляетъ, что въ пользу подлинности этихъ послѣднихъ автографовъ нѣтъ никакихъ доказательствъ. Во-вторыхъ, тетрадь начата въ 1341 году и продолжалась до 1370, невѣроятно, чтобы Боккаччіо таскалъ ее съ собою цѣлыхъ 30 лѣтъ. Въ-третьихъ, извѣстіе о Канарскихъ островахъ, которое Чампи относитъ къ 1341 году, записано на 133 листѣ рукописи, а письмо къ Дзаноби 1353 г. — на 104; „ужели Боккаччіо началъ писать въ срединѣ своей тетради?“ спрашиваетъ Ландау. Въ-четвертыхъ, наконецъ, *zibaldone* написанъ двумя почерками, что заставляетъ предполагать, что бѣднякъ Боккаччіо имѣлъ секретаря ³⁾.

Нельзя отрицать, что доказательства Чампи отличаются чисто гипотетическимъ характеромъ; но аргументы нѣмецкаго біографа Боккаччіо совсѣмъ не ослабили ихъ первоначальной убѣдительности. Гораздо побѣдоноснѣе Ландау въ полемикѣ противъ выводовъ, которые сдѣланы были Чампи изъ подлинности *zibaldone*. Съ увлеченіемъ, свойственнымъ виновнику всякаго открытія, Чампи преувеличиваетъ цѣну и значеніе новаго манускрипта. Такъ, онъ считаетъ интерполяціей мѣста въ *De claris mulieribus* и *De casibus virorum*, гдѣ говорится о палессѣ Іоаннѣ, на томъ основаніи, что ихъ нѣтъ у внесеннаго въ тетрадь Мартина изъ Троппау. Ландау вполне основательно опровергаетъ этотъ выводъ и доказываетъ ненаучность метода, посредствомъ котораго онъ былъ сдѣланъ ⁴⁾. Въ виду такихъ въ общемъ неопредѣленныхъ результатовъ полемики Гортисъ счелъ нужнымъ подвергнуть этотъ вопросъ новому изслѣдованію ⁵⁾.

¹⁾ Ibid., p. 257.

²⁾ *Divina Comedia*, Боэціи въ Ватиканѣ и Аристотель въ *Ambrosiana*.

³⁾ Landau, p. 249, 251 и 252.

⁴⁾ Ibid., p. 250. Еще равнѣе Ландау этотъ выводъ былъ отвергнутъ Ripetti (*Ciampi*, p. 601—609) и Witte (p. LXV).

⁵⁾ Studj, Appendice I, p. 328—342.

Гортисъ начинается съ указанія цѣлаго ряда противорѣчій между *zibaldone* и несомнѣнными сочиненіями Боккаччіо. Въ тетради онъ считаетъ авторомъ *De bello gallico* и *De bello civili* Светонія Транквилла, который былъ прадедомъ автора біографій XII цезарей; а въ Генеалогіи онъ приписываетъ эти книги знаменитому въ средніе вѣка Юлію Цельзу. Или въ тетради онъ называетъ Констанцію, жену Генриха VI, дочерью Роджера, а въ книгѣ *De claris mulieribus* — ошибочно дочерью Вильгельма. Паолино изъ Венеціи онъ называетъ въ *zibaldone insipidus*, а цитируя его единственный разъ въ Генеалогіи, объявляетъ его „величайшимъ изслѣдователемъ исторіи“, хотя и упрекаетъ его въ болтливости ¹⁾. Но эти противорѣчія не имѣютъ въ глазахъ Гортиса никакого значенія, потому что встрѣчаются во всѣхъ записныхъ книгахъ, не предназначенныхъ для публики. „Я радъ, говоритъ онъ, что эти противорѣчія впервые замѣчены мною, который считаетъ *zibaldone magliabecchiano* собственнымъ автографомъ Боккаччіо“ ²⁾. Положительныя доказательства Гортиса сводятся къ четыремъ аргументамъ. Во-первыхъ, въ индексѣ знаменитыхъ людей первое мѣсто занимаютъ флорентійцы. Во-вторыхъ, онъ приводитъ цѣлый рядъ мѣстъ, изъ которыхъ слѣдуетъ съ несомнѣнною ясностью, что фактическій матеріалъ и моральныя сентенціи выписокъ въ *zibaldone* въ большомъ количествѣ и иногда буквально вошли въ составъ сочиненій Боккаччіо. Въ-третьихъ, составитель тетради могъ перевести нетрудныя фразы съ греческаго языка и чувствовалъ къ нему большой интересъ; а кромѣ Боккаччіо, въ эту эпоху никто не обладалъ ни такими знаніями, ни такими интересами. Въ-четвертыхъ, наконецъ, Боккаччіо написалъ Дзаноби: „я читалъ и перечитывалъ твою рѣчь и потомъ снялъ съ нея копію“, и эта копія находится въ *zibaldone* ³⁾. Этотъ послѣдній фактъ служитъ въ глазахъ Гортиса главнымъ доказательствомъ, что тетрадь не только принадлежала Боккаччіо, но и была его автографомъ ⁴⁾.

Аргументы Гортиса, основанные на детальномъ изученіи сочиненій Боккаччіо, дѣлаютъ гипотезу Чампи въ высшей степени вѣроятной. Тѣмъ не менѣе его новѣйшій біографъ Кёртзингъ возвра-

¹⁾ Ibid. p. 332—335. О Паолино Боккаччіо говоритъ *Imbractator est Venetus, non ystoriografus*, а въ Генеалогіи: *historiarum investigator permaximus*, хотя *erat asserere consuetus dicacitate proluxa*. Hortis, p. 335.

²⁾ Hortis, p. 335.

³⁾ Ibid. p. 336—338 и 342.

⁴⁾ Другіе аргументы въ пользу этого, см. p. 339—342.

щается къ взгляду Ландау и старается подкрѣпить его новыми аргументами ¹⁾. Кёртингъ не могъ или не желалъ разсмотрѣть положительныя доказательства Гортиса ²⁾ и возражаетъ только противъ общихъ соображеній Чампи, вслѣдствіе чего вся его аргументація лишена всякой объективности и болѣе гипотетична, чѣмъ у его противника. Такъ первый аргументъ Чампи, несмотря на вѣское подтвержденіе Гортиса, кажется ему наивнымъ, и онъ считаетъ возможнымъ приписать тетрадь Лапо-ди-Кастильонкіо, Виллани или Нелли, которые совсѣмъ не знали греческаго языка. Отсутствие въ индексѣ имени Боккаччіо онъ объясняетъ тѣмъ, что только Петрарка и Дзаноби были лауреатами. Противъ второго аргумента Чампи Кёртингъ возражаетъ, во-первыхъ, что Боккаччіо никогда не подписывался *Ioannes de Certaldo* и что, слѣдовательно, эти сочиненія или принадлежатъ другому Джіованни изъ Чертальдо или подпись сдѣлана не самимъ Боккаччіо. При этомъ онъ весьма смѣшно старается осмѣять предположеніе, что Боккаччіо подписывался подъ своими произведеніями въ своей записной книжкѣ. Собственные аргументы Кёртинга противъ мнѣнія Чампи сводятся, во-первыхъ, къ повторенію утвержденія Ландау, что Боккаччіо было неудобно носить съ собою въ путешествіяхъ такой обширный манускриптъ. Кроме того, ему кажется невѣроятнымъ, чтобы въ записной книжкѣ Боккаччіо не было ни одного стихка въ честь Фіамметты. Наконецъ, Кёртингъ находитъ, что замѣтка о днѣ смерти Христа не подходитъ къ Боккаччіо, который не занимался богословскими вопросами, а выписки, хотя и соотвѣтствуютъ его занятіямъ, но географическими и міеологическими вопросами интересовались и другіе ученые.

Независимо отъ Кёртинга и Гортиса *Симонсфельдъ* пришелъ къ выводамъ совершенно тождественнымъ съ заключеніями итальянскаго ученаго ³⁾. Тѣмъ не менѣе *Макри-Леоне* счелъ необходимымъ вновь пересмотрѣть этотъ вопросъ и пришелъ къ тому же самому заключенію. Но его доводы, не заключаая въ себѣ никакихъ новыхъ и рѣшительныхъ доказательствъ, только углубили аргументацію Чампи

---

¹⁾ Boccaccio's Leben und Werke, p. 14—27.

²⁾ Въ примѣчаніи къ 1-й главѣ своей книги Körtling говоритъ: Das grosse und inhaltsreiche Werk von A. Hortis Studi sulle opere latine del Boccaccio, welches wir wenigstens während des Druckes noch benutzen konnten, citiren wir kurz als „Hortis Studi“ (p. 362).

³⁾ *Simonsfeld* въ Sitzungsberichte d. K. bayer. Akademie der Wissenschaften. 1881. Что изслѣдованіе сдѣлано независимо отъ Кёртинга и Гортиса, говорятъ самъ авторъ (*Giorn. stor. d. lett. ital.* XII, p. 313).

и Гортиса ¹⁾. Тѣмъ не менѣе вопросъ о записной тетради и теперь еще не рѣшенъ окончательно, хотя гипотеза Чампи, благодаря главнымъ образомъ методическимъ приемамъ Гортиса, представляется наиболѣе вѣроятною. Въ ея пользу говорить и слѣдующее обстоятельство. Zibaldone—одинъ изъ характернѣйшихъ памятниковъ начинающагося Ренессанса. Знаніе греческаго языка еще слабо, но интересъ къ нему весьма значителенъ: обладатель тетради можетъ перевести фразу *ἔσται πάντα καλῶς*, но онъ копируетъ также греческую надпись изъ Плинія, хотя и не можетъ ея понять ²⁾. Изъ латинскихъ авторовъ онъ выписываетъ не только факты, но и сентенціи—черпаетъ все, что ему нравится, что онъ считаетъ подходящимъ для своихъ вкусовъ и интересовъ. Изъ замѣтки объ открытіи Канарскихъ острововъ видно, съ какимъ вниманіемъ относится новый ученый къ географическимъ открытіямъ; списокъ знаменитостей показываетъ преобладающій интересъ ко всякой выдающейся личности, чѣмъ бы она ни выдавалась, при чемъ въ него заносятся и люди старой школы. Вообще полнаго отрицанія средневѣковой науки нѣтъ; обладатель тетради вноситъ въ нее выписки изъ предшествующихъ писателей, но на нихъ преимущественно онъ и пробуетъ свой критичесизмъ, проявляющійся иногда въ крайне рѣзкой формѣ ³⁾. Велѣд-

¹⁾ *Marci-Leone, Il zibaldone Boccaccesco della Maglibechiana.* (Въ Giorn. stor. d. lett. ital. X (1887), p. 1—41). Наиболѣе интереса представляютъ поправки автора къ Гортису и Ландау. Такъ, онъ указалъ, что происхожденіе Констанціи въ De cas. vir. (l. IX) изложено согласно zibaldone и иначе, нежели въ De clar. mul. (p. 35—36). Возраженіе Landau, по поводу мѣста замѣтки о Канарскихъ островахъ М.—Л. устраняетъ простымъ соображеніемъ, что она сдѣлана послѣ 1341 года (Ibid., p. 21—22). Polemica, возникшая по поводу этой статьи между авторомъ и Симонсфельдомъ носитъ личный характеръ и не представляетъ интереса. (См. Giorn. Stor. XI, p. 298, 479 и XII, p. 312).

²⁾ Hortis Studj, p. 338.

³⁾ Для примѣра можно привести его примѣчанія къ Паолино изъ Венеціи. Такъ, Паолино говоритъ: Est autem dynastia apud gentem aliquam potestas eligendi monarchum, sed eligendi imperatorem fuit potestas aliquando in Italia, aliquando in Francia, aliquando in alamannia. Zibaldonista замѣчаетъ на это: Iste venetus bergolus non intellexit, quid esset monarce officium. Въ другомъ мѣстѣ объ этомъ историкѣ онъ говоритъ: Hic in nugis extenditur, in rebus aliquid boni et ad claritatem historie pertinentibus adeo turbide defective et succinte loquitur, ut quid velit dicere vix divinari nedum intelligi potest maledicatur venetus. Вообще выраженія risi equidem, risi fateor, ridiculum puto etc. встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Hortis, p. 331. Иногда критика переходитъ въ обыкновенную брань: Паолино называетъ авторъ iste venetus bestia, iste venetus merdosus etc. Macri-Leone, p. 19.

стве этого *zibaldone* былъ бы болѣе важнымъ и интереснымъ источникомъ для исторіи эпохи, если бы онъ не принадлежалъ Боккаччіо, о которомъ мы имѣемъ и другія свѣдѣнія.

Въ тетради находится между прочимъ письмо Боккаччіо къ Дзаноби, которое имѣетъ, во-первыхъ, автобіографическое значеніе, во-вторыхъ, представляетъ нѣкоторыя данныя о гуманистѣ-адресатѣ. Боккаччіо горько жалуется на отношеніе къ себѣ Аччайуоли, изображаетъ свое настроеніе, описываетъ похороны сына своего бывшего покровителя и жалуется на флорентійцевъ по поводу стихотворенія противъ нихъ Дзаноби-да-Страда ¹⁾. Кёртингъ заподозрилъ подлинность этого письма на основаніи хронологическихъ затрудненій, не имѣющихъ, однако, по его собственному признанію, рѣшающаго значенія, такъ что обратное мнѣніе Чампи, Корраццини и Гортиса сохраняетъ полную силу ²⁾.

Болѣе сомнительнымъ характеромъ отличаются послѣднія пять латинскихъ писемъ Боккаччіо, которыя были найдены во Флоренціи Чампи ³⁾ и напечатаны имъ во второмъ изданіи *zibaldone*. Самое важное изъ нихъ адресовано къ Дзаноби и содержитъ нѣсколько автобіографическихъ указаній и извѣстіе о рѣчи адресата ⁴⁾. И по формѣ, и по содержанію это письмо, по всей вѣроятности, принадлежитъ Боккаччіо ⁵⁾. Мало интереса представляютъ два письма къ неизвѣстному адресату. Въ одномъ изъ нихъ разсказывается о встрѣчѣ съ любимую особою ⁶⁾, другое—могло бы имѣть значеніе для біо-

---

Но критика автора распространяется также и на древнихъ писателей. *Habeo hunc svetonium et lucanum suspectos ut qui interdum dicenda taceant et parva exaggerent*, говорится въ *zibaldone*. Или объ одномъ показаніи Евтропіи авторъ говоритъ: *hoc vanissimum puto*. *Ibid.* p. 16 и 17.

¹⁾ Оно перепечатано у Corrazzini, p. 33 слѣд. Hortis относитъ его къ 1353.

²⁾ Körtting, p. 7—14. Hortis, p. 272 прим. 2. См. также Macri-Leone, I. c., p. 28 и слѣд.

³⁾ Въ *Laurentiana*. *Plut.* 29. № 9.

⁴⁾ Оно напечатано у Corrazzini, p. 447. Hortis (p. 268) относитъ его къ 1347—48 г.

⁵⁾ Въ началѣ его можно прочесть подскобленное *Ioannes*; языкъ и стиль сходенъ съ другими письмами; здѣсь находится приведенное выше мѣсто о рѣчи Дзаноби. Mehus (*Vita Traversarii*, p. 191) считалъ авторомъ этого письма Сессо Росси или Nereo Marandio. Кромѣ Чампи, въ подлинности этого письма не сомнѣвается Corrazzini (p. 447) и Hortis (p. 268). Körttingъ считаетъ его подложнымъ (p. 29—30).

⁶⁾ У Coraz., p. 451.

графіи адресата, если бы онъ былъ извѣстенъ ¹⁾). Языкъ этихъ писемъ, неправильный, напыщенный и туманный, мало напоминаетъ Боккаччіо. Два послѣднія письма почти совершенно непонятны ²⁾). Вообще 4 послѣднихъ письма почти ничего не даютъ ни для Боккаччіо, ни для эпохи, такъ что вопросъ объ ихъ подлинности не имѣетъ никакого значенія ³⁾).

Менѣе важное значеніе имѣетъ итальянская переписка Боккаччіо. Изъ 9 писемъ 3 составляютъ введеніе въ итальянскія произведенія ⁴⁾, одно несомнѣнный апокрифъ и подлинность двухъ заподозрѣна. Самое важное изъ нихъ—обширное посланіе къ Пино де'Росси ⁵⁾. Боккаччіо утѣшаетъ его въ изгнаніи и доказываетъ, что истинное счастье заключается въ наукѣ и добродѣтели, подкрѣпляя свое положеніе массой примѣровъ изъ античнаго міра. Это единственный моральный трактатъ Боккаччіо, интересный не столько по нравственнымъ ученіямъ, которыя не отличаются особенною глубиною, сколько по отношенію къ Флоренціи. Боккаччіо видитъ недостатки своей родины ⁶⁾, и его письмо представляетъ собою переходъ къ политическимъ воззрѣніямъ позднѣйшаго поколѣнія гуманистовъ ⁷⁾. Два письма, адресованныя Алессандро де'Барди ⁸⁾ и несомнѣнно принадлежащія Боккаччіо, не имѣютъ никакого значенія. Гораздо интереснѣй льстивое письмо къ Аччайуоли, подлинность котораго безо всякаго основанія заподозрилъ Кёртингъ ⁹⁾. Дополненіемъ къ этому письму можетъ служить обширное посланіе къ Франческо Нелли, содержаніе котораго сходно со вторымъ латинскимъ письмомъ къ Дзаноби ¹⁰⁾. Боккаччіо горько жалуется въ немъ на обращеніе Аччайуоли и въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ изображаетъ недостатки несправедливаго мецената.

¹⁾ Ibid. p. 457.

²⁾ Ibid. p. 441 (Ad Anonimum) и 439 (Duci Duracchii).

³⁾ Corrazzini ихъ относятъ къ апокрифамъ. Introd. p. LXXVI—XXVII. Тоже Landau, p. 249 и Körting, p. 27—38. Hortis считаетъ ихъ подлиннымъ (p. 259—267).

⁴⁾ Два адресованы къ Фіаметтѣ: первое (Cor., p. 1) служитъ введеніемъ къ Тезейдѣ, второе (Ibid. p. 9) къ Филостато, третье, адресованное Bartolo del Buono (Ibid. p. 19), посвященіе Ameto.

⁵⁾ Coraz., p. 66—97. Оно относится къ 1360 г. См. Körting, p. 252.

⁶⁾ См., напр., p. 72 и 80.

⁷⁾ См. Körting, p. 258—60.

⁸⁾ Coraz., p. 21 и 23.

⁹⁾ Wir gestehen, dasz wir gegen die (non einer einzigen Handschrif überlieferte) Epistel Bedenken hegen, ohne dasz wir jedoch positive Beweise gegen ihre Aechtheis vorzubringen vermochten (p. 46).

¹⁰⁾ Corazzini, p. 131—171.

Письмо является настоящей инвективой, живо рисуетъ довольно важный эпизодъ біографіи автора и составляетъ характерный источникъ для исторіи меценатства. Оно показываетъ, какимъ оружіемъ пользовались гуманисты, чтобы создать себѣ спокойное и почетное положеніе въ свѣтѣ меценатовъ. Письмо, засвидѣтельствованное семью рукописями ¹⁾, имѣетъ очень длинную литературную исторію. Биціони издалъ его еще въ прошломъ вѣкѣ ²⁾; въ началѣ нынѣшняго оно было переиздано Гамбой ³⁾, и тогда его подлинность впервые была заподозрѣна Чампи ⁴⁾ и рѣзко отвергнута Тодескини ⁵⁾, что не помѣшало Мутѣ и Кораццини внести его въ свои собранія. Въ 1877 году одновременно Корацци и Ландау высказали противоположныя воззрѣнія относительно его подлинности ⁶⁾; въ 1879 году Гортисъ въ своихъ этюдахъ вернулся къ точкѣ зрѣнія Тодескини и Ландау ⁷⁾, но Кёртингъ сталъ на этотъ разъ на сторону Кораццини и, рассмотрѣвши всю полемику, съ несомнѣнностью доказалъ подлинность заподозрѣннаго письма ⁸⁾. Несомнѣнно подложное письмо къ Чинодда-Пистойа ⁹⁾ интересно, какъ весьма характерный подлогъ: позднѣйшій гуманистъ заставляетъ Боккаччіо защищать новыя занятія передъ представителемъ стараго направленія. Для фактической біографіи Боккаччіо имѣетъ нѣкоторое значеніе его духовное завѣщаніе,

¹⁾ Ibid. p. 131.

²⁾ *Biscioni, Prose di Dante e del Boccaccio. Firenze 1792.*

³⁾ *Gamba, Pistola di Giovanni Boccaccio. Milano 1820.*

⁴⁾ Monumenti, p. 538.

⁵⁾ *Opinione del prof. Giuseppe Todeschini sulla epistola del priore di Santo Apostolo attribuita al Boccaccio e remissa in luce da Bartolommeo Gamba. Venezia 1832.*

⁶⁾ Corazzini, p. 173. Landau, p. 252—254.

⁷⁾ Studj, p. 20—21.

⁸⁾ Körtling, p. 38—44. Poleмика продолжалась и послѣ выхода въ свѣтъ книги Кёртинга, которому возражалъ Гаспари, а этому послѣднему Макри-Леоне; но всѣ диспутанты признавали подлинность письма и расходились только въ истолкованіи нѣкоторыхъ пунктовъ его содержанія. (См. статьи Gaspary въ Zeitschrift für romanische Philol. IV, p. 571 и V, p. 377 и отвѣтъ Körtling'a ibid. V, p. 7 и 599. Затѣмъ Gaspary, *Ancora sulla lettera del Boccaccio a Francesco Nelli* (Giorn. stor. lett. ital. XII, p. 389). *Macri-Leone, La lettera del Boccaccio a messer Francesco Nelli, priore de'Ss. Apostoli.* (Ibid. XIII, p. 282).

⁹⁾ Coraz., p. 437. О его подложности Ibid. LXXVIII—LXXIX и 438. Еще ранѣе Кораццини Бонуччи пытался доказать, что это письмо принадлежитъ L. B. Alberti (Opere volgari di L. B. A. III. Firenze 1846, p. 347 и слѣд.). *Frati* напечаталъ въ Propugnatore (N. S. I.) *Epistola inedita di G. B. a Zanobi da Strada*; но она мнѣ осталась неизвѣстной.

сохранившееся въ двухъ спискахъ—на итальянскомъ и на латинскомъ языкахъ ¹⁾).

Латинскія стихотворенія Боккаччіо при незначительности ихъ литературной и эстетической цѣны ²⁾ имѣютъ весьма важное значеніе, какъ историческій источникъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ *Эклоги* ³⁾. „Лучше всякаго біографа раскрываютъ собственную жизнь Петрарка въ своихъ діалогахъ „О презрѣнн міра“ и Боккаччіо въ своихъ „Эклогахъ“, говоритъ Гортисъ ⁴⁾. Несмотря на нѣкоторое преувеличеніе этой оцѣнки, нельзя отрицать, что въ Эклогахъ Боккаччіо заключается весьма цѣнный автобіографическій и историческій матеріалъ; только пользованіе имъ весьма затруднено аллегоріей и было бы совсѣмъ невозможно, если бы самъ авторъ не оставилъ комментарія въ письмѣ къ Мартину-да-Синья. Въ виду незначительности данныхъ для характеристики политическихъ воззрѣній Боккаччіо, особенную цѣну имѣютъ тѣ эклоги, въ которыхъ аллегорически изображается современная политическая дѣйствительность. Изъ 16 эклогъ къ этой категоріи относятся 7 (III, IV, V, VI, VII, IX, X). Третья, четвертая, пятая и шестая представляютъ собою аллегорическое изображеніе событій въ Неаполь послѣ

¹⁾ Итальянскій текстъ завѣщанія, весьма пострадавшій отъ времени, былъ изданъ впервые *Filippo e Jacopo Grunzi* въ *Annotazioni e Discorsi sopra alcuni luoghi del Decamerone. Firenze 1574* и перепечатанъ у Manni, p. 109. Латинскій текстъ хранится въ семьѣ Bichi-Borghesi, ими изданъ и напечатанъ у Manni, p. 112. Corazzini перепечаталъ оба текста съ нѣкоторыми замѣчаниями (p. 415—433).

²⁾ Landau говоритъ объ эклогахъ: so wichtig diese Eklogen für den Biographen Boccaccio's sind, so gering ist ihr poetischer Werth (p. 185). По мнѣнію Кёртинга, die Eklogen—die misslungensten und ungeniessbarsten unter allen Dichtungen Boccaccio's, p. 691.

³⁾ Время составленія эклогъ одинъ изъ наиболѣе спорныхъ пунктовъ въ біографіи Боккаччіо. Landau относитъ большинство ихъ къ промежутку 1350—1360 годовъ (p. 182). Körtling думаетъ наоборотъ, что большинство ихъ написано Боккаччіо въ молодости и только изданы поздно (p. 699—700). Hortis указываетъ хронологію только отдѣльныхъ эклогъ. Ruberto дѣлитъ ихъ на два періода—одни возникли между 1350—61, другія между 1361—75 годами (у Traversi, p. 881—882 и 834). Весь вопросъ подвергнуть обстоятельному обсужденію Traversi (p. 881—928) и послѣ него Zumbini, *Le Egloghe del Boccaccio* (Въ Giorn. stor. della lett. ital. VII, p. 94 и слѣд.). Первое изданіе *Egloghae di Giovanni Boccaccio Firenze 1504*. О другихъ изданіяхъ см. Hortis, p. 753 и слѣд. О рукописяхъ см. Mazz. l. c., p. 1349 и Zumbini, p. 95.

⁴⁾ Studj, p. 1.

смерти короля Роберта. Первая изъ нихъ озаглавлена *Фавнъ* ¹⁾. Въ письмѣ Мартину-да-Синья Боккаччіо объяснилъ только, что подь Фавномъ онъ разумѣетъ Франческо Орделаффи, тиранна Форли ²⁾; но аллегорія настолько прозрачна, что не трудно угадать и все содержаніе эклоги ³⁾. Въ ея первой части говорится о борьбѣ Орделаффи съ римскою церковью, скрытою подь именемъ *Thestylis*; затѣмъ смерть Роберта, убіеніе Андрея Венгерскаго и походъ его брата, въ которомъ принимаетъ участіе и Орделаффи. Сочувствіе Боккаччіо на сторонѣ тиранна—мецената ученыхъ и поэтовъ, хотя онъ и находится въ борьбѣ съ церковью. Съ такимъ же сочувствіемъ относится онъ и къ Роберту, хотя раньше называлъ его жаднымъ Мидасомъ: смуты, наступившія послѣ его смерти, заставили забыть недостатки короля, умѣвшаго создать прочный порядокъ въ своихъ владѣніяхъ. Далѣе Боккаччіо рѣзко обвиняетъ въ убійствѣ Іоанну, которую называетъ „беременной волчицей“, хотя ему извѣстны слухи и о другихъ убійцахъ ⁴⁾, и съ сочувствіемъ относится къ „справедливому оружію“ Людовика Венгерскаго. Четвертая эклога, озаглавленная *Dorus*, изображаетъ слѣдующій актъ драмы—бѣгство Людовика Тарентскаго и заслуги по отношенію къ нему Аччайуоли ⁵⁾, который представленъ образцовымъ другомъ и руководителемъ молодого государя. Сочувствіе автора теперь цѣликомъ на сторонѣ Людовика Тарентскаго, и вообще его точка зрѣнія на дѣйствующихъ

¹⁾ Hortis относитъ ее къ 1348 году (р. 5).

²⁾ Coraz., p. 268.

³⁾ Наилучшее истолкованіе этой, какъ и другихъ эклогъ въ обстоятельнѣйшемъ изслѣдованіи Гортиса. Zumbini не соглашается, что подь *Thestylis* у Боккаччіо скрывается церковь (l. c., p. 103—106).

⁴⁾ *Flevereunt montes Argum, (Роберта) flevere dolentes
Et satyri, Faunisque leves, et flevit Apollo.
Ast moriens silvas juveni commisit Alexo (Андрей),
Qui cautus modicum, dum armenta per arva trahebat,
In gravidam tum forte lupam rabieque tremendam
Incidit impavidus, nullo cum lumine lustrum,
Ingrediens, cujus surgens saevissima guttur
Dentibus invasit, potuit neque ab inde revelli,
Donec et acculto spirasset tramite vita.
Hoc fertur, plerique volunt, quod silva leones
Nutriat haec dirasque feras, quibus ipse severus
Occurrens, venans mortem suscepit Adonis.*

⁵⁾ Въ цитированномъ письмѣ Боккаччіо говорить: *tractatur in ea de fuga Ludovici, regis Siciliae... tertius (collocutor) est Phytias, pro quo intelligo magnum Senescalcum* (Coraz., p. 268—69).

лица измѣнилась: причиной смерти Андрея онъ выставляетъ теперь собственную жестокость ¹⁾, его брата онъ называетъ Полифемомъ, обливающимъ кровью Италію; жестокая волчица получила названіе „прекрасной Lycoris“. Боккаччіо самъ чувствуетъ противорѣчіе и старается его смягчить, называя Андрея „несчастливымъ Алексисомъ“ и объявляя жестокость его брата справедливой ²⁾.

Пятая эклога, озаглавленная „*Lycus ex unadix*“ (*Silva cadens*), изображаетъ печальное состояніе Неаполя послѣ бѣгства Людовика Тарентскаго ³⁾. Гортисъ мѣтко называетъ эту эклогу „настоящей элегіей“ ⁴⁾. Дѣйствительно, стихотвореніе проникнуто лиризмомъ; характерно однако, что народныя бѣдствія трогаютъ Боккаччіо, но не уничтожаютъ его симпатій къ ихъ виновникамъ, хотя онъ называетъ бѣгство правителей постыднымъ ⁵⁾. Болѣе того, шестая эклога *Alcestis* представляетъ собою настоящій панегирикъ Людовику Тарентскому ⁶⁾. Ея значеніе весьма ограничено: льстивый тонъ производитъ крайне непріятное впечатлѣніе, которое смягчается отчасти тѣмъ, что Боккаччіо, повидимому, не имѣлъ при этомъ въ виду никакой практической цѣли ⁷⁾.

За эклоги о неаполитанскихъ дѣлахъ Боккаччіо получилъ отъ одного изъ наиболѣе строгихъ своихъ критиковъ названіе „политическаго поэта“ ⁸⁾. Но его политическая мысль здѣсь обнаруживаетъ крайнюю неустойчивость. Боккаччіо руководится при оцѣнкѣ лицъ и событій непосредственнымъ впечатлѣніемъ иногда даже чисто личнаго характера. Особенно интересна въ этомъ отношеніи VIII эклога, которая имѣетъ автобіографическое значеніе, и можетъ

¹⁾ Qui gregibus nimium durus silvisque molestus
Imperitans abiit, crudeli funere pulsus.

²⁾ ... justa rabie succensus et ira.

³⁾ Quintae eclogae titulus est *Silva cadens*, пишетъ Боккаччіо, eo quod in ea tractetur de diminutione et quemadmodum casu civitatis Neapolitanae post fugam regis praedicti (Coraz., p. 269).

⁴⁾ Studj, p. 17.

⁵⁾ ... turpique fuga nemus omne relictum.

Alcestus (Людовикъ) trepidans abiit, tremebunda Lycoris
In dubium liquit silvas evecta per altum.

⁶⁾ Sexta ecloga, пишетъ Боккаччіо, *Alcestus* dicitur eo quod de reditu regis praefati in regnum proprium loquatur, quem regem ego hic Alcestum voco, ut per hoc nomen sentiatur, quoniam circa extremum tempus vitae, optimi regis et virtuosi mores assumpserat, et Alcestus dicitur ab Alce, quod est virtus, et aestus, quod est fervor. Coraz., p. 269—70.

⁷⁾ См. Hortis, p. 20 и Körting, p. 175.

⁸⁾ Landau, p. 109.

служить хорошим комментарием отношений Боккаччио къ неаполитанскимъ дѣламъ. Она озатглавлена *Мидасъ*¹⁾; въ письмѣ къ Мартино-да-Синья Боккаччио не истолковываетъ дѣйствующихъ лицъ²⁾; но аллегорія настолько прозрачна, что тождество Мидаса съ Питіасомъ IV эклоги остается внѣ всякаго сомнѣнія. Въ ней говорится, что Мидасъ вызвалъ къ своему двору Питіаса, подѣ которымъ здѣсь понимается уже самъ Боккаччио, но обманулъ его ожиданія. Собесѣдникъ Питіаса Дамонъ рисуеъ образъ Мидаса совершенно другими чертами, нежели въ IV эклогѣ: недовольный Аччайуоли, Боккаччио написалъ на него настоящую сатиру, которая является дополненіемъ къ разсмотрѣннымъ выше письмамъ къ Дзаноби и Нелли. Благородный другъ и опытный руководитель молодого государя является здѣсь коварнымъ похитителемъ власти³⁾; сочувствіе автора снова возвращается къ убитому Андрею, и онъ называетъ Аччайуоли соучастникомъ безнаказаннаго преступленія⁴⁾. Ясно, что у Боккаччио не было опредѣленнаго критерія для оцѣнки неаполитанскихъ дѣлъ. Нѣсколько опредѣленнѣе его политическія желанія по отношенію къ родному городу, дѣламъ котораго онъ посвятилъ 2 эклоги. Первая изъ нихъ (VII)⁵⁾, изображаетъ попытку Карла IV подчинить себѣ Флоренцію. Точка зрѣнія Боккаччио на это дѣло вполне ясна и опредѣленна: какъ республиканецъ, онъ дорожитъ свободой Флоренціи⁶⁾, какъ итальянскій патріотъ, онъ презираетъ „сармата“, пытающагося овладѣть Италіей; какъ человекъ новаго времени, онъ съ пренебреженіемъ смѣется надъ захудавшей средневѣковой импе-

---

1) Hortis относить эту эклогу ко времени послѣ 1355 года. Studj, p. 23.

2) Fuit enim Midas rex Frigiae avarissimus et quoniam in ecloga ista de quodam in Domino avarissimo habetur sermo... Collucatores duo sunt Damon et Pythas, id est, duo amicissimi homines. Coraz., p. 270.

3) Prosiliens avidus Midas pecudesque bovesque
Occupat insidiis.

4) Fur Midas igitur, moechus scelerumque satelles...
.....
crimen inultum

Permisit miseri laqueo pereuntis Alexis.

5) Septima ecloga titulatur *Jurgium* eo, quod jurgia civitatis nostrae et imperatoris contineat, пишетъ Боккаччио. Collocutores duo—Daphnis et Florida sunt. Pro Daphnis ego intelligo imperatorem... Florida Florentia est. Coraz., p. 270.

6) Флорнда говоритъ Дафнису:
Libera sum mulier, nulli sociata marito,
Et thalamis ultro renuo, juriq̄ue jugali.

рiей ¹⁾. Въ тѣсной связи съ этой эклогой стоитъ девятая, озаглавленная *Libis* ²⁾. Она носитъ элегическiй характеръ: Боккаччiо оплакиваетъ жалкiе нравы потомковъ великихъ предковъ ³⁾, и порицаетъ „невѣжественную мать“ Римъ, короновавшiй варвара Цирцiя, (Карла IV), что заставило подчиниться и Флоренцiю ⁴⁾. Послѣдняя эклога политическаго содержания (X), озаглавленная *Мрачная До-*

1) Cum tibi sit parvus nemorum vix angulus unus
Jure cui possis fragiles injungere leges.
Indos Mosa secat, Gaetulos abluit Albis
Atque tuas Tibris Rhenus nunc sulcat arenas
I, decus Aretoum, Teutonon lude bilingues!
Nos titulos vacuos et lentos novimus arcus.

2) Nonae eclogae titulus est Libis, говоритъ Боккаччiо, in qua fere per totum de anxietatis civitatis nostrae ob coronatum imperatorem mentio fit et ideo Libis dicta est, quia Libis graece, latine dicitur anxietas. Collocutores duo sunt—Batrachos et Arcas; pro Batrachos ego intelligo Florentinorum morem: loquacissimi enim sumus, verum in bellicis nil valemus et ideo Batrachos, quia graece Batrachos latine rana sonat; sunt enim loquaces plurimum ranae et timidissimae. Arcas enim pro quocumque homine extero potest accipi et ideo nullam nomini significationem propriam volui (Coraz., p. 270).

3) Оплакивая состоянiе родного города, Боккаччiо видитъ причину паденiя нравовъ отчасти въ его неблагопрiятномъ географическомъ положенiи:

Imbellis mihi turba manet mollisque per umbras.
Aspicias, ut sterili nupsit me mater agnello,
Cui nec litus adest, nec grandis defluit amnis,
Nec praerupta soli patiuntur devia currus.
Hincque meum robur, juvenes, transcendere montes
Coguntur pedibus gregibusque referre jumentis
Pabula; si veniant, timor usquam nullus adesset.

4) Impia me coget genitrix intrare lupanar.

Описывая коронаванiе Карла, Боккаччiо говоритъ, что оно происходило среди всеобщей скорби и сообщаетъ между прочимъ одну подробность, о которой не упоминаетъ никто изъ современниковъ:

Post dum sedisset scamno jam Circius alto,
Conspicuas serti frondes praenubilus Auster
Eripuit sonituque gravi devexit ad Arctos.
O monstrum! o rides dum defert ille per auras,
Exarsere quidem, tenuis per alta favilla
Vix est visa viris. Tunc qui praegrans habetur
Arcadibus pastor confestim dixit Aruntes:
Hic iter in silvas faciet tibi Rheno propinquas
In quibus ipse diem claudet, condetque sepulchro,
Quod tam grande rapit nomen putridumque cadaver;
Vel si iterum veniat, quia flexit flamma parumper
In reditum fumos faciet memorabile onus.

лина (Vallis orasa), отличается весьма темной аллегорией, которая несколько не разъяснена самим автором¹⁾. Въ письмѣ къ Мартино-да-Синья Боккаччіо отмѣчаетъ только ея общій тонъ: „подъ Лицидомъ (Luzidas) я разумѣю нѣкоего прежняго тиранна (quendam olim tyrannum) и называю его Лицидомъ отъ λύκος, что по-латыни значить lupus—волкъ: какъ волкъ самое хищное животное, такъ и тиранны самые хищные люди“²⁾.

Не лишены значенія 2 эклоги религіознаго содержанія. Одна изъ нихъ (XI) называется *Пантеонъ* и подъ языческими именами изображаетъ библейскую исторію. Эта эклога представляетъ собою одно изъ наиболѣе раннихъ проявленій формальнаго паганизма. Въ комментаріи къ ней Боккаччіо говоритъ, что подъ однимъ собесѣдникомъ Миртилисомъ (Mirtilis) онъ разумѣетъ христіанскую церковь, подъ другимъ—Главкомъ—ап. Петра. „Главкъ былъ рыбакъ; попробовавши какой-то травы, онъ внезапно бросился въ море и сдѣлался однимъ изъ морскихъ боговъ. Точно такъ же и Петръ былъ рыбакъ, и онъ, попробовавши Христова ученія, добровольно бросился въ волны, т.-е. въ козни и преслѣдованія враговъ христіанскаго имени, проповѣдуя ученіе Христа, вслѣдствіе чего сдѣлался Богомъ, т.-е. святымъ, однимъ изъ друзей Небеснаго Бога“³⁾. Сообразно съ этимъ Боккаччіо называетъ Ревекку Софронидой, Іакова—Стильбономъ, Моисея—Форонеемъ, Христа—юнымъ Ликургомъ, который превратилъ Оетиду въ Бромія (чудо въ Каннѣ) и т. д.⁴⁾. При несомнѣнномъ благочестіи автора, который заставляетъ ап. Петра жаловаться на Авиньонъ и прелатовъ⁵⁾, эти намеки и сопоставленія остаются пока довольно невинной забавой. Пятнадцатая эклога—*Филостропосъ* отличается субъективнымъ характеромъ. Боккаччіо объясняетъ ея заглавіе тѣмъ, что „въ ней идетъ рѣчь объ отвращеніи духа отъ земной соблазнительной любви къ любви небесной“. „Собесѣдниковъ два: Филостропосъ и Тифлосъ, продолжаетъ онъ; подъ первымъ я разумѣю моего славнаго

¹⁾ Приведа объясненіе Боккаччіо, Гортисъ замѣчаетъ: questa interpretazione è tanto sibillina come l'egloga stessa (Studj, p. 43); тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ попытку растолковать аллегорію. Ibid., p. 44—45. Такую же попытку мы находимъ у Zumbini (l. c. p. 128—133).

²⁾ Coraz., p. 271.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Подобныя замѣны христіанскихъ именъ языческими встрѣчаются и въ другихъ сочиненіяхъ Боккаччіо. См. примѣры у Hortis, Studj, p. 46.

⁵⁾ . . . spernimur altis

In silvis Rhodopes et me spernunt Arcades omnes.

наставника Франческо Петрарку, который весьма часто своими советами убѣждалъ меня направить мысль къ вѣчному, оставивши наслажденіе земнымъ, и такимъ образомъ если и не выполнѣ, то все-таки въ достаточной мѣрѣ направилъ къ лучшему мои симпатіи“¹⁾. Тифлосъ — скромное обозначеніе самого автора. Въ этой бесѣдѣ Боккаччіо обнаруживаетъ полную готовность стремиться во владѣнія Теоскира (Θεός χοῦρος), но боится своихъ прегрѣшеній противъ его служителей²⁾. Петрарка успокаиваетъ своего друга и внушаетъ ему надежду на милость Божию.

Въ тѣсной связи съ этой эклогой по настроенію, а отчасти и по содержанию, находится XII, *Сафо*, одна изъ двухъ, въ которыхъ трактуется о поэзіи. Боккаччіо въ формѣ разговора съ Калліопой (*bona sonoritas* — изящная рѣчь), служанкой Сафо (истинная, высокая поэзія) изображаетъ свое стремленіе къ настоящей поэзіи³⁾. Кромѣ автобіографическихъ чертъ, иногда нѣсколько туманныхъ⁴⁾,

¹⁾ Coraz., p. 273—274.

²⁾ Эти прегрѣшенія обозначены не вполне ясно:
Quid frustra signare locum nemusque laboras?
An visurus ego veniam, Philostrophe, silvas
Hujus quaeso senis, cujus rapuisse juvencam
Jam dudum memini? Leges ritusque suorum
Jam pedibus calcasse meis? manibusque nefastis
Carpendas porcis olim jecisse Dionis?
Non veniam, timeo vires, irasque frementis.

³⁾ Coraz., p. 272.

⁴⁾ Такъ Боккаччіо, стремясь заслужить любовь Сафо, рассказываетъ о своихъ раннихъ побѣдахъ надъ женщинами, о своемъ ученіи и происхожденіи:

Me Galatea diu, me quondam Phyllis amavit,
Et mollis lanugo nunc serpere coepit.
Tradidit et calamos nobis Pandoctior, olim
Et cantus docuit. Nec plebis fece creatus:
Cyrenes genitrix est nobis, Thessala nimpha,
Nomen Aristaeus, glandes et mella vetusti
Archados accipio nemoris, te nosse putam.

Гораздо яснѣе выражается Боккаччіо относительно своей итальянской поэзіи. Калліопа съ пренебреженіемъ спрашиваетъ Аристея-Боккаччіо:

Non ego te vidi pridem vulgare canentem
In triviis carmen misero plaudente popello?

Aristeus. Vidisti fateor, non omnibus omnia semper
Sunt animo, puero carmen vulgare placebat.
Illud Lemniadi claudio concessimus, est nunc
Altior est aetas alios quae monstrat amores.

эклога опредѣляетъ поэтическій идеалъ Боккаччіо: по словамъ Калліопы, единственный человѣкъ, который теперь можетъ довести до Сафо — это Сильванъ — Петрарка ¹⁾. Слѣдующая эклога (XIII), озаглавленная *Laurea*, содержитъ въ себѣ споръ между поэтомъ и купцомъ о сравнительномъ достоинствѣ ихъ занятій ²⁾. Сюжетъ, очень интересный для Боккаччіо и не разъ затронутый имъ въ другихъ сочиненіяхъ. Эклога не даетъ ничего новаго, кромѣ тона: къ удивленію онъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ прозѣ, и самый споръ остается нерѣшеннымъ, такъ какъ Критисъ, третій собесѣдникъ, одинаково восхваляетъ оба занятія.

Остальныя эклоги имѣютъ чисто автобіографическое значеніе. Въ первой (*Florentini*) Боккаччіо оплакиваетъ обманутую любовь къ Галлѣ, во второй (*Pampinea*) — безнадежную любовь къ Пампинеѣ ³⁾. Въ письмѣ къ Мартино-да-Синья самъ авторъ объявляетъ ихъ недостойными вниманія и ничтожными ⁴⁾, и въ дѣйствительности онѣ ничего не прибавляютъ къ его біографіи. Болѣе интереса представляетъ послѣдняя (XVI) эклога *Angelos*, въ которой авторъ аллегорически проситъ Донато-да-Альбанцани вмѣстѣ съ Петраркою исправить его 15 эклогъ ⁵⁾. Самая интересная въ ней черта — это отношеніе къ Петраркѣ. Несмотря на всю дружбу къ своему „руководителю“, Боккаччіо не рѣшается явиться передъ нимъ „неумнымъ“, послать эклоги на исправленіе непосредственно къ Петраркѣ, а прибѣгаетъ къ содѣйствію ихъ общаго друга. Авторъ говоритъ въ эклогѣ, что наученный горькимъ опытомъ съ Аччайуоли, онъ

Въ другомъ мѣстѣ Калліона такъ говоритъ объ отношеніи Сафо къ толпѣ:
 An ne putas, vulgus stolidum, seu garrula turba
 Auritos tondens asinos, permitteret ista (т.-е. приведетъ къ Сафо).

1) Solus inaccessum potuit conscendere culmen
 Nuper Silvanus, nobis nec charior alter

.....
 Hunc adeas, dabit ipse tibi quibus usus amicis
 Et quibus ipse viis conscendit culmen amatum.

2) См. Coraz., p. 272.

3) Попытки раскрыть настоящія имена этихъ женщинъ см. Körting 693—694, Hortis p. 2. По мнѣнію Zumbini, la sostanza di queste due egloghe non era tutta storia, perchè la finzione ci aveva la sua parte, e, credo io, la parte del liono. Ibid., p. 101.

4) De primis duabus eclogis seu earum titulis vel collocutoribus, nolo cures: nullius enim momenti sunt et fere juveniles lascivias meas in cortice pandunt. Coraz., p. 268.

5) См. Coraz., p. 274.

боится встрѣтить такой же пріемъ и у Петрарки ¹⁾. Наконецъ, въ четырнадцатой эклогѣ (*Olympias*), высокое художественное достоинство которой признають всѣ критики ²⁾, Боккаччіо изображаетъ свои родительскія чувства ³⁾. Во снѣ ему является его умершая дочка Виоланта (въ эклогѣ Олимпія) ⁴⁾ и ведетъ съ нимъ бесѣду, въ которой изображаетъ райское блаженство и пути къ нему. Этотъ разговоръ, проникнутый искреннимъ чувствомъ, живо и привлекательно рисуетъ любящую и гуманную душу автора Декамерона и указываетъ на то, что вражда къ семьѣ у первыхъ гуманистовъ была явленіемъ случайнымъ и наноснымъ.

Биографы Боккаччіо XIV и XV столѣтія упоминають о другихъ его латинскихъ стихотвореніяхъ ⁵⁾; но до 1879 года было издано только два его стихотворныхъ посланія; Гортисъ открылъ еще четыре, изъ которыхъ только одно несомнѣнно принадлежитъ автору Эклогъ. Нѣкоторый интересъ для характеристики отношенія Боккаччіо къ Данте и Петраркѣ представляетъ стихотворное письмо, отправленное имъ своему руководителю вмѣстѣ съ кодексомъ Божественной Комедіи ⁶⁾. Письмо очень льстиво ⁷⁾; но Кёртингъ видитъ въ этомъ образцовую дипломатическую уловку съ цѣлью пріобрѣтенія расположенія Петрарки къ его великому предшественнику ⁸⁾.

---

¹⁾ Quid non Silvanum sequeris jam saepe vocatus? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Боккаччіо излагаетъ свои отношенія къ Аччайуоли и такъ заключаетъ рассказъ:

Miror et indignor pariter mecumque revolve,
Quid nunc si lucos intrassem injussus apricos?
Aut si maturis tenuissem messibus apros?
Vel si vinetis olidos crescentibus hircos
Liquissem? Nullis veniebam candidus undis
Postquam despicior, sic accersitus et insons.

²⁾ См. Landau, p. 185. Körting, p. 697. Traversi, p. 956 и слѣд.

³⁾ Corazz., p. 273.

⁴⁾ Отсюда мы узнаемъ также о потомствѣ Боккаччіо. Виоланта говоритъ:

Non Marium Julumque tuos dulcesque sorores
Noscis et egrios vultus? Tua pulchra propago est.

⁵⁾ Filippo Vilani говоритъ, что онъ написалъ quamplures epistolas nehu vagas et alias quae librato pede procederent, non parvi apud peritos pretii. У Galetti, p. 17. По Манетти, Боккаччіо nonnullas etiam epistolas carminibus edidit. Ibid p. 92.

⁶⁾ Illustri viro D. Francisco Petrarchae laureato. Напечатано у Corraz., p. 53.

⁷⁾ Авторъ называетъ адресата spesque unica nostrum
Ingenio quamquam valeas coelosque penetres etc. Ibid. p. 54.

⁸⁾ Boccaccio's Leben, p. 703.

Болѣе важное значеніе имѣетъ обширное стихотвореніе (въ 180 гекзаметровъ), посвященное поэмѣ Петрарки—Африка ¹⁾. Написанное тотчасъ послѣ смерти перваго гуманиста и адресованное его зятю Франческо-да-Броссано ²⁾, оно обнаруживаетъ не только искреннюю и горячую любовь автора къ покойному, но и огромный интересъ къ его поэмѣ, содержаніе которой оставалось тогда никому неизвѣстнымъ. Ходили слухи, что Петрарка сжегъ „Африку“, и стихотвореніе Боккаччіо показываетъ, какое важное значеніе придавали ей друзья поэта и какъ многого они отъ нея ожидали ³⁾. Не лишено интереса и впервые напечатанное Гортисомъ пастушеское стихотвореніе Боккаччіо, которое онъ адресовалъ Чекко-да-Милето ⁴⁾. Оно написано около 1346 года и живо рисуетъ тогдашнее настроеніе автора: въ Италіи войны, которыя мѣшаютъ всякому серьезному занятію, поэтому онъ хочетъ только воспѣвать свою любовь къ Галатеѣ и предоставить важныя дѣла Петраркѣ ⁵⁾.

Кромѣ этихъ произведеній, подлинность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, Боккаччіо приписываютъ съ большей или меньшей вѣроятностью еще нѣсколько сочиненій на латинскомъ языкѣ, не имѣющихъ важнаго значенія для исторіографіи Ренессанса. Сюда относится, во-первыхъ, коротенькая біографія Ливія, которую рукопись Флорентійской, Медицейской бібліотеки приписываетъ Боккаччіо ⁶⁾. Ея новѣйшій издатель Гортисъ нашелъ всѣ источники

¹⁾ Объ изданіяхъ см. Hortis, p. 307 и 791. Перепечатано у Corraaz., p. 243 и слѣд.

²⁾ Hortis, p. 305.

³⁾ Körting справедливо замѣчаетъ, что стихотвореніе reich an schönen Stellen und gewährt grosses Interesse, p. 703.

⁴⁾ У Hortis, p. 351. Имени автора нѣтъ, но изъ самаго содержанія стихотворенія съ несомнѣнною ясностью вытекаетъ, что оно принадлежитъ Боккаччіо. См. Hortis, p. 310—12. Körting, p. 700—701.

⁵⁾ Адресатъ называется Meris, авторъ—Menalcas, Петрарка—Morsus и Боккаччіо говорить:

Sint calami limen nostri non alta valenti
Decantare magis, nobis quos cognita Paphos
Et Veneris flammis sevosque cupidinis ictus.
Nam placido Galatea mihi suspiria vultu
Lasciviens prestat, nec divos opprimit ignes,
Et si forte pecus non sit mea cuva capelle
Jam dudum stabant, hominumque deumque labores
Morsus relinquamus cui frontem nectere lauro
Vidimus. У Hortis'a p. 351.

⁶⁾ *Pauca de Tito Livio a Iohanne Boccaccio collecta* впервые издалъ Hearne вмѣстѣ съ исторіей Ливія (Oxford 1708).

автора въ книгахъ, извѣстныхъ Боккаччіо ¹⁾, такъ что ея принадлежность автору Декамерона вполнѣ вѣроятна. Но эти безсистемныя замѣтки, не лишеныя интереса для исторіи классической филологіи, не даютъ ничего новаго для біографіи автора и для характеристики его эпохи. Гортисъ издалъ также по рукописи той же бібліотеки аллегорическое сочиненіе „*O сотвореніи міра*“, подъ которымъ онъ разобралъ стертое имя Боккаччіо ²⁾. Мало понятный рассказъ о золотомъ вѣкѣ при Сатурнѣ, о серебряномъ при Юпитерѣ и объ эрѣ спасенія съ пришествіемъ Христа, къ которому приплетены, какъ кажется, современныя автору политическія событія въ Неаполѣ, не представляетъ значительнаго интереса ³⁾. Въ 1534 году въ Кельнѣ былъ изданъ Шпенгелемъ съ именемъ Боккаччіо „Компендіумъ Римской исторіи“ отъ Ромула до Нерона; но подложность компендіума обнаруживается уже изъ предисловія къ нему, въ которомъ авторъ говоритъ, что его отецъ написалъ подобное же сочиненіе ⁴⁾.

Не вполнѣ доказана подлинность трехъ латинскихъ стихотвореній, которыя приписываются Боккаччіо открывшимъ ихъ Гортисомъ. Два изъ нихъ, довольно незначительныя по содержанію, носятъ характеръ длинныхъ эпитафій: въ одномъ трогательная рѣчь вложена въ уста умершей дѣвушки ⁵⁾, въ другомъ—говоритъ ея женихъ, который первый прочиталъ эпитафію ⁶⁾. Хотя въ флорентійской рукописи, гдѣ ихъ нашелъ Гортисъ, и нѣтъ имени автора, тѣмъ не менѣе издатель изъ сравненія ихъ съ Филокопо и Амето приходитъ къ убѣжденію въ ихъ подлинности ⁷⁾. Наконецъ, стихотвореніе сіенской рукописи ⁸⁾, уже совершенно незначительное по содержанію, не носитъ никакихъ признаковъ и авторства Боккаччіо ⁹⁾.

Присоединивъ къ названнымъ сочиненіямъ Боккаччіо уже раз-

---

¹⁾ *Cenni di Giovanni Boccaccio intorno a Tito Livio. Trieste 1877.*
Сравни Studj, p. 317—326.

²⁾ *De Mundi Creatione. Triste 1879.*

³⁾ Гортисъ, сопоставляя аллегорію съ аналогичными мѣстами въ итальянскихъ произведеніяхъ Боккаччіо, пытается истолковать ея смыслъ и склоняется къ мысли о ея подлинности. Studj, p. 323—27.

⁴⁾ *Ioannis Boccatii Compendium romanae historiae.* См. Landau, p. 256.

⁵⁾ *Verba puellae sepultae ad transeuntem.* Hortis, p. 353.

⁶⁾ *Verba transeuntis ad puellam sepultam.* Ibid., p. 355.

⁷⁾ Hortis, p. 311—314. Это мнѣніе раздѣляетъ и Körting, p. 701—702.

⁸⁾ *Versus Domini Iohannis.* У Hortis p. 350.

⁹⁾ Гортисъ однако признаетъ его подлиннымъ. Studj, p. 309. Противъ Körting, который называетъ стихотвореніе herzlich unbedeutend, p. 703.

смотрящую нами биографию Петрарки, мы исчерпаемъ содержаніе его латинской прозы и поэзіи. Если сравнить латинскіе трактаты и письма Боккаччіо съ аналогичными произведеніями перваго гуманиста, то *по самостоятельной литературной и научной цѣнѣ* первые значительно ниже послѣднихъ. Автору Декамерона нечего противопоставить знаменитой автобиографіи Петрарки; философскихъ трактатовъ у него точно такъ же нѣтъ; его историческія произведенія и миеологическій трактатъ по приемамъ изслѣдованія, по тщательности работы и по критикѣ источниковъ не могутъ идти въ сравненіе не только съ *De viris illustribus* Петрарки, но даже съ его *Res memorandae*. Еще менѣе выгодно для Боккаччіо сравненіе между перепискою обоихъ гуманистовъ. Тѣмъ не менѣе *по исторической цѣнѣ* произведенія Боккаччіо едва-ли уступаютъ сочиненіямъ его друга и руководителя. Правда, отсутствіе философскихъ трактатовъ лишаетъ насъ весьма важнаго источника по существенному вопросу въ исторіи гуманизма; но этическими отступленіями преисполнены историческіе трактаты Боккаччіо, а особенно *De casibus virorum*, и этотъ этическій элементъ тѣмъ поучительнѣе, что авторъ Декамерона не обладалъ философскими наклонностями и даже значительными теоретическими интересами. Съ другой стороны, идеи Боккаччіо далеко не всегда оригинальны: въ весьма многихъ отношеніяхъ онъ повторяетъ Петрарку; но изъ его сочиненій видно, что это сходство не результатъ слѣплаго подчиненія болѣе крупной интеллектуальной силѣ, не слѣдствіе рабскаго подражанія непонятному учителю. Боккаччіо умѣетъ относиться критически ко всякимъ авторитетамъ и такъ же преклоняется передъ Петраркой, какъ и передъ классиками, т.-е. поскольку идеи и воззрѣнія перваго гуманиста соотвѣтствовали его собственнымъ стремленіямъ. Онъ слѣдуетъ за своимъ учителемъ, защищая поэзію, нападаая на монаховъ и юристовъ, морализируя въ историческихъ трактатахъ, относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ древности, возставая противъ знати, обнаруживая любовь къ природѣ и т. д. Но онъ держится астрологіи, хотя Петрарка ратовалъ противъ нея, и вообще менѣе порвалъ съ средне-вѣковой мудростью, чѣмъ его учитель. Тамъ, гдѣ Петрарка ему непонятенъ, какъ, напримѣръ, въ политикѣ, Боккаччіо не только не раздѣляетъ его стремленій, но даже рѣзко и несправедливо его порицаетъ. Несмотря на сильную привязанность и глубокое уваженіе къ Петраркѣ, Боккаччіо сохраняетъ полную самостоятельность мысли, и если въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ ближе къ прошлому, чѣмъ его учитель, то по отношенію къ женщинѣ и къ человѣческой при-

родѣ онъ болѣе гуманистъ, чѣмъ родоначальникъ Возрожденія. Впрочемъ, эта послѣдняя черта сильнѣе выразилась въ его итальянскихъ произведеніяхъ.

III.

„Жизнь Данте“ и ея историческое значеніе. — „Комментарій къ Божественной Комедіи“. — Романы и эпическія поэмы Боккаччіо. — Средневѣковой и гуманистическій элементы въ „Филокопо“. — Историческое значеніе „Амето“, „Любовнаго видѣнія“ и „Тезиды“. — „Филострато“, „Ninfale Fiesolano“ и „Фіамметта“. — Декамеронъ и его отношеніе къ любви, къ церкви и къ аристократіи. — Сочиненія, приписываемыя Боккаччіо. — Общій выводъ объ историческомъ значеніи его латинскихъ и итальянскихъ произведеній.

Итальянскія произведенія Боккаччіо имѣютъ болѣе важное историческое значеніе, чѣмъ *Rime* Петрарки. Его работы, посвященныя Данте, въ особенности *Comento*, представляютъ собою компендіумъ его учености, выраженной въ латинскихъ трактатахъ; въ его романахъ и преимущественно въ *Декамеронѣ* формулированы иногда съ живою непосредственностью и откровенностью важнѣйшія стороны его гуманистическихъ тенденцій. Но сочиненія этой послѣдней категоріи имѣютъ еще огромный филологическій, литературный и эстетическій интересъ, на который и обращено преимущественное вниманіе новыхъ изслѣдователей. Для нашей цѣли эти стороны итальянскихъ произведеній Боккаччіо не имѣютъ значенія; мы имѣемъ въ виду рассмотреть только заключающійся въ нихъ автобіографическій и историко-культурный матеріалъ и отмѣтить только относящуюся къ нимъ новую литературу. Поэтому литература объ источникахъ Боккаччіо, а также многочисленные филологическіе и эстетическіе комментаторы и критики его произведеній останутся за предѣлами нашего изслѣдованія.

Къ латинской прозѣ Боккаччіо ближе всего подходятъ по содержанію его „*Жизнь Данте*“ и „*Комментарій къ Божественной Комедіи*“, написанные на итальянскомъ языкѣ. „*Жизнь Данте*“¹⁾

¹⁾ Точной хронологической даты для этого сочиненія еще не установлено. Baldelli (p. 378) и Witte относятъ его къ 1351; Landau (p. 180) къ 1354 или 1355; Körtling (p. 710) — равнѣ 1350 года. Ср. Traversi, p. 786 и слѣд. Первое изданіе относится къ 1477. Вообще объ изданіяхъ Zambrini, p. 119, Landau p. 182 и въ высшей степени важныя поправки къ нимъ въ превосходныхъ примѣчаніяхъ Traversi (II p. 878—880). Рукописи у Mazz.

представляет собою попытку реабилитировать знаменитого поэта в глазах его согражданъ; поэтому она написана на народномъ языкѣ. Въ коротенькомъ предисловіи Боккаччіо, сурово порицая соотечественниковъ за несправедливость къ Данте, ставитъ своей задачей выяснитъ его личность и заслуги. Его фактическая біографія занимаетъ немного мѣста ¹⁾ и вся переполнена лирическими отступленіями. Во второй части Боккаччіо изображаетъ характеръ Данте ²⁾, его достоинства и недостатки ³⁾, коротко и эпически излагаетъ содержаніе его главнѣйшихъ сочиненій и въ заключеніе истолковываетъ сновидѣніе его матери. Боккаччіо былъ первымъ біографомъ Данте, и его многочисленные продолжатели и собственные біографы рѣзко расходятся въ оцѣнкѣ этого произведенія ⁴⁾. Одни, начиная съ Бруни, считаютъ его „романической болтовней“, не заслуживающей никакого довѣрія, другіе, наоборотъ, признаютъ за нимъ много достоинствъ ⁵⁾. Эти противорѣчія обусловливаются главнымъ образомъ мѣркою, которую прилагали для оцѣнки біографія. Съ точки зрѣнія полноты, обстоятельности и критической обработки матеріала она не выдерживаетъ критики, отсюда рѣзкіе отзывы нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ біографовъ Данте. Но она имѣетъ несомнѣнныя достоинства, отмѣченныя и этими изслѣдователями, и біографами Боккаччіо. Въ нашу задачу не входитъ вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ это сочиненіе въ ряду біографій Данте ⁶⁾; мы остановимся только на отзывахъ самихъ гуманистовъ и ихъ позднѣйшихъ историковъ.

Леонардо Бруни Аретино въ предисловіи къ своей біографіи Данте отзывается довольно рѣзко о трудѣ Боккаччіо, который „такъ описывалъ жизнь и характеръ столь возвышеннаго поэта, — говоритъ онъ, какъ будто бы ему предстояло писать о Филокопо, или о Филострато, или о Фіамметтѣ. Поэтому все преисполнено любви, вздоховъ и горя-

---

l. c. p. 1357. Я пользуюсь *Vita di Dante* въ первомъ томѣ *Il commento di Giovanni Boccacci sopra la Commedia con le annotazioni di A. M. Salvini preceduto dalla vita di Dante Alighieri scritta dal medesimo. Per cura di Gaetano Milanesi. Firenze 1863.*

¹⁾ Изъ 76 страницъ in 16° ей отведено только 25.

²⁾ *Fattezze, uzanze e costumi di Dante*, p. 37 и слѣд.

³⁾ *Qualità e difetti di Dante*.

⁴⁾ *Filippo Meurj* въ *Giornale Arcadico* (anno 1852 vol. 159) тщетно пытался заподозрить даже подлинность *Vita*. См. *Milanesi, Avvertimento*, p. VI и *Traversi*, p. 860.

⁵⁾ Общпрный списокъ тѣхъ и другихъ приведенъ у *Traversi*, p. 859—860.

⁶⁾ Нѣкоторыя мнѣнія объ этомъ приведены у *Traversi*, p. 861—864. Осо-

чихъ слезъ, какъ будто бы человекъ рождается въ этомъ мѣрѣ только для того, чтобы провести тѣ десять любовныхъ дней, о которыхъ рассказываютъ въ 100 новеллахъ влюбленная женщины и любезные юноши. Онъ такъ воспламеняется этими любовными сторонами, что оставляетъ на заднемъ планѣ важныя и существенныя стороны жизни Данте ¹⁾. Справедливость этого упрека не подлежитъ никакому сомнѣнію; но тѣмъ характернѣе этотъ недостатокъ для автора. Джіанноццо Манетти не вдается въ критику, съ уваженіемъ отзывается о Боккаччіо ²⁾ и во многомъ слѣдуетъ его изложенію.

Изъ новыхъ біографовъ Боккаччіо Бальделли называетъ біографію „перломъ итальянской литературы“ ³⁾. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ Ландау. „Конечно, Боккаччіо не изслѣдовалъ по манеру Тирабоски съ круплезной точностью, гдѣ проводилъ Данте каждый день своей жизни, онъ не исписывалъ, какъ многіе педантичныя біографы, цѣлыхъ страницъ о томъ, случилось ли извѣстное событіе въ жизни его героя одиннадцатаго или двѣнадцатаго числа какого-нибудь мѣсяца; но онъ изобразилъ намъ Данте такимъ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности. Твердой рукой нарисовалъ онъ намъ его, такъ что мы какъ будто его видимъ и слышимъ, не пропустивъ ни одной черты, которая помогаетъ узнать его характеръ“. Ландау ставитъ въ похвалу автору, что онъ не „измышлялъ (herausgeklügelt) біографіи по сочиненіямъ Данте“, а создалъ настоящаго поэта „Божественной Комедіи“ ⁴⁾. Увлеченіе Ландау авторомъ Декамерона слишкомъ чувствуется въ этомъ восторженномъ отзывѣ. Нельзя, конечно, отрицать извѣстной живости и главнымъ образомъ большой задушевности въ изображеніи Данте въ біографіи Боккаччіо; но въ ней нельзя найти не только полноты и обстоятельности, но и пониманія значенія и роли великаго поэта.

Біографія Боккаччіо дѣйствительно далека отъ смѣшного педантизма новыхъ біографовъ, но она близка къ противоположной крайности, къ чисто субъектному, лирическому панегирику. Эту черту совершенно вѣрно отмѣтилъ Кёртингъ, можетъ быть, потому что его собственная книга страдаетъ противоположнымъ недостаткомъ.

бенно важна для этого вопроса книга *Macrì-Leone (La vita di Dante scritta da Giovanni Boccaccio. Firenze 1888).*

¹⁾ Vita di Dante у Galetti, p. 45.

²⁾ Vita, Ibid., p. 68 и слѣд. Traversi ошибочно относитъ Манетти къ числу противниковъ Боккаччіо (p. 860).

³⁾ Vita di G. B., p. 105.

⁴⁾ Boccaccio, p. 181.

По мнѣнію Кёртинга, книгу Боккаччіо слѣдовало озаглавить *Elogio di Dante*, и въ качествѣ похвального слова она и вполнѣ оправдывается тогдашними обстоятельствами, и обладаетъ необходимыми для него свойствами—искренностью и сердечностью. Но какъ біографія она не выдерживаетъ никакой критики: Боккаччіо не хотѣлъ или даже не умѣлъ воспользоваться всѣмъ матеріаломъ, который былъ у него подъ руками, не былъ знакомъ съ научными приемами, необходимыми для его обработки, и отличается крайней некритичностью. Кёртингъ оправдываетъ эти недостатки отчасти задачей автора, отчасти условіями его времени ¹⁾. Камилло Антона-Траверси, ученый и добросовѣстный комментаторъ Ландау, считаетъ оцѣнку послѣдняго книги Боккаччіо значительно преувеличенной, хотя не вполнѣ примыкаетъ и ко взгляду Кёртинга. По его мнѣнію, Боккаччіо при тогдашнемъ отношеніи флорентійцевъ къ Данте *могъ и долженъ былъ* написать панегирикъ, чтобы реабилитировать память поэта. Поэтому, его сочиненіе должно обсуждать не какъ научную работу, а какъ публицистическое произведеніе ²⁾.

Превосходную характеристику этой біографіи Данте съ особенной точки зрѣнія даетъ Де-Санетисъ. „*Жизнь Данте*“, — говоритъ онъ, — „откровеніе: въ ней обнаруживается авторъ съ полной искренностью и непосредственностью; здѣсь находимъ мы новаго человѣка, который образовывался въ Италіи“. Этотъ новый человѣкъ „могъ удивляться Данте, но не могъ понять его, потому что въ немъ не было духа автора Божественной Комедіи“. Отношенія Данте къ Беатриче ему совершенно непонятны: раннюю любовь въ девятилѣтнемъ возрастѣ онъ объясняетъ влияніемъ нравовъ, климата, „пищей, виномъ, весельемъ“; любовь въ зрѣломъ возрастѣ онъ оправдываетъ примѣрами Зевса, Геркулеса, Париса, Давида, Соломона и Ирода. „Онъ создалъ Данте по своему образу“, поэтому „здѣсь нѣтъ никакого слѣда внутренняго міра Данте, но зато внѣшній міръ развитъ до анекдота, до пустяковъ (*pettegolezzo*)“. Съ другой стороны это юношеское произведеніе Боккаччіо заключаетъ въ себѣ зародышъ всѣхъ направленій его учено-литературной дѣятельности. „Кто хочетъ познакомиться съ мнѣніями и чувствами нашего юноши, — говоритъ Де-Санетисъ, пусть прочтетъ эту книгу, и въ ней онъ найдетъ уже весь матеріалъ, изъ котораго вышелъ Декамеронъ. Въ ней нѣтъ никакой оригинальности и глубины мысли, никакой тонкости

¹⁾ Boccaccio's Leben, p. 705—710.

²⁾ G. Boccaccio, II, p. 866—869.

въ аргументаціи; въ ней все доказывается, даже самыя обычныя истины, но основаніе аргументаціи въ памяти, а не въ разумѣ, передъ нами не мыслитель, не діалектикъ, а ученый ¹⁾). Съ этой точки зрѣнія книга Боккаччіо имѣетъ важное историческое значеніе. Полное непониманіе внутренняго міра Данте свидѣтельствуеетъ о появленіи новыхъ чувствъ и новыхъ потребностей. На это же указываютъ примѣры изъ древняго міра и начитанность въ классическихъ авторахъ. Но отрицанія средневѣковой культуры нѣтъ, и традиціонныя образы фигурируютъ на-ряду съ античными героями. Съ этой точки зрѣнія получаетъ интересъ весьма существенный недостатокъ книги Боккаччіо—обширныя отступленія. Такъ, изложивши біографію Данте, Боккаччіо озаглавливаетъ цѣлый отдѣлъ „Упрекъ флорентійцамъ“ ²⁾; другое обширное „Отступленіе относительно поэзіи“ занимаетъ болѣе 10 страницъ ³⁾. Кромѣ того, самая попытка литературной реабилитаціи писателя характерна для эпохи, а отношеніе Боккаччіо къ Данте показываетъ, что первые гуманисты умѣли цѣнить великаго національнаго поэта ⁴⁾. Въ цитированномъ выше отступленіи о поэзіи Боккаччіо подробно излагаетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ, на различіе между поэзіей и богословіемъ и на положеніе поэта. Кромѣ того, особенно интересны тѣ мѣста, гдѣ авторъ излагаетъ свое отношеніе къ родному городу, обнаруживаетъ свою вражду къ гибеллинамъ и вообще говоритъ о политическихъ дѣлахъ ⁵⁾. И здѣсь, какъ въ другихъ сочиненіяхъ, рѣзко замѣтно различіе воззрѣній Боккаччіо въ этой сферѣ отъ Петрарки и его близость къ позднѣйшимъ гуманистамъ. Гораздо ближе въ этомъ сочиненіи къ своему руководителю стоитъ онъ по взглядамъ на женщину и семью, о чемъ не разъ говорится въ біографіи Данте ⁶⁾.

---

¹⁾ De Sanctis, Storia della letteratura Italiana I, p. 296—300. Symonds въ своей „Итальянской литературѣ“ повторяетъ тѣ же мысли (p. 201—202).

²⁾ Vita, p. 31—36.

³⁾ Ibid., p. 42—53.

⁴⁾ Особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи маленькій отдѣлъ, озаглавленный *Perchè la commedia sia stata scritta in volgare*. Vita, p. 64—65.

⁵⁾ Vita, p. 21, 23, 55—56 и passim. См. Landau, p. 175—176.

⁶⁾ Ibid. p. 15—19; 56—57. Интересно замѣчаніе о любви встарину и въ настоящее время, p. 13. Кромѣ этой біографіи Данте, Боккаччіо приписываютъ еще другую, болѣе краткую, подлинность которой сильно заподозрѣна. См. *Kuhfuss, Ueber das Boccaccio zugeschriebene kürzere Danteleben* (Въ Zeitschrift für roman. Phil. X. p. 177) и цитированную выше книгу Marci-Leone. Для нашей цѣли ни біографія, ни полемика о ней не представляютъ интереса.

„Комментарій“ Боккаччіо къ „Божественной Комедіи“ ¹⁾ представляет собою лекціи, которыя онъ читалъ во Флоренціи по порученію правительства. Это произведеніе старческаго возраста ²⁾ осталось неоконченнымъ: болѣзнь прервала его въ срединѣ фразы, и толкованіе доведено только до 17 стиха 17-й пѣсни Ада. Современные толкователи Данте признаютъ значеніе „Комментарія“ для пониманія „Божественной Комедіи“ даже въ настоящее время ³⁾, но онъ служитъ не менѣе важнымъ дополненіемъ и къ собственнымъ сочиненіямъ Боккаччіо. Первая лекція—изъ 60, на которыя раздѣленъ *Comento*, служитъ введеніемъ, гдѣ разсматриваются нѣкоторые общіе вопросы о Данте, о Божественной Комедіи, о задачѣ поэзіи etc., почти буквально совпадаетъ съ однимъ письмомъ Данте ⁴⁾. Дальнѣйшія толкованія распадаются на два крупныхъ отдѣла: на реальный комментарий, который заключаетъ въ себѣ историческія, мѣологическія и естественно-историческія объясненія, и истолкованіе аллегорій, занимающее гораздо менѣе видное мѣсто въ книгѣ Боккаччіо. Въ эту рамку онъ вложилъ почти всю свою ученость, такъ что *Comento* представляет собою энциклопедію знаній Боккаччіо ⁵⁾. Вліяніе средневѣковыхъ ошибокъ при только-что нарождающемся критицизмѣ чувствуется весьма сильно: Боккаччіо смѣшиваетъ Атиллу съ Тотилой ⁶⁾, ведетъ происхожденіе европейскихъ народовъ изъ Трои, вѣруетъ, что родъ Августа идетъ отъ Энея, вычисляетъ время, когда этотъ герой посѣтилъ Додону и сходилъ въ адъ и даже приводитъ рассказы о волшебствѣ *Виргилія* ⁷⁾. Но на-ряду съ этимъ въ отдѣлкѣ *Лукана* Боккаччіо стоитъ уже на почвѣ новой науки ⁸⁾. Въ политическомъ отношеніи онъ совершенный гвельфъ, не скрываетъ своей антипатіи къ Фридриху II и не считаетъ возможнымъ и справедливымъ господство въ Италіи римскаго императора ⁹⁾. Педагогическія

¹⁾ Объ изданіяхъ, см. Zambrini, p. 115 и Landau, p. 241. Я цитирую по упомянутому изданію Milanese.

²⁾ Оно относится къ 1373 году. См. Landau, p. 233, Körting, p. 711.

³⁾ Ихъ отзывы у Körting'a, p. 712.

⁴⁾ Вопросъ объ отношеніи этой лекціи къ псьму Данте поднимался нѣсколько разъ, рѣшался различнымъ образомъ и до сихъ поръ остается открытымъ. См. Landau, p. 238—240. Körting, p. 713—715.

⁵⁾ Такъ, напр., 3 лекція (*Comento* I, p. 123—136) представляет собою разсужденіе о поэзіи, по содержанію въ общихъ чертахъ тождественное съ 14 книгой *Генеалогіи*.

⁶⁾ *Com.* II, p. 355: è da sapere che essendo Attila re de'Goti etc.

⁷⁾ *Ibid.* II, 166. I, 121.

⁸⁾ О *Луканѣ* *ibid.* I, p. 332.

⁹⁾ О Фридрихѣ II, 239. I, 265. Отношеніе къ Риму II, 417.

цѣли, которыя имѣлись въ виду при толкованіи Данте, требовали отъ Боккаччіо осторожности въ щекотливыхъ вопросахъ и нравственнаго назиданія. Такъ, текстъ требовалъ извѣстнаго отношенія къ папству и католицизму, и Боккаччіо остается строгимъ католикомъ, съ негодованіемъ говоритъ о ересяхъ ¹⁾, хотя и не скрываетъ самыхъ вопіющихъ пороковъ духовенства ²⁾. Какъ моралистъ, онъ часто предостерегаетъ свою аудиторію отъ разныхъ пороковъ и въ особенности тѣхъ, которые развиты во Флоренціи. Боккаччіо не разъ и подробно останавливается на родномъ городѣ, на его нравственныхъ и политическихъ недугахъ ³⁾. Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ *Comento* разбросаны автобіографическія черты ⁴⁾, такъ что его важное значеніе, какъ историческаго источника, не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя въ немъ мало такого, чего мы не нашли бы въ другихъ его сочиненіяхъ.

Итальянскіе романы и стихотворенія Боккаччіо, кромѣ чисто литературнаго значенія, весьма многими сторонами отражаютъ наступающую эпоху. Почти во всѣхъ его эпическихъ произведеніяхъ цѣлая масса автобіографическаго матеріала, весьма цѣннаго не только по фактическому содержанію, но и по настроенію автора, по его глубокому интересу ко внутренней жизни индивидуума, по непримиримой, хотя и полусознательной враждѣ ко всему, что стѣсняетъ развитіе личности. Самымъ раннимъ изъ его эпическихъ произведеній былъ романъ *Филоколо* или *Филоколо* ⁵⁾, въ которомъ разсказана исторія

¹⁾ Ibid. II, p. 187 и слѣд.

²⁾ Ibid. II, p. 419 и слѣд.

³⁾ Ibid. II, p. 64, 415, 342—446. I, 499.

⁴⁾ Ibid. I, praef. VI.

⁵⁾ Онъ былъ начатъ вскорѣ послѣ знакомства автора съ Фіамметтой и по порученію, хотя оконченъ значительно позже, такъ какъ Боккаччіо работалъ надъ нимъ много лѣтъ. *Filosoro* I, p. 6 и II, p. 376. *Corrazini* относитъ къ 1342—43 (p. 21), Бальделли—къ 1341 (p. 372). Его заглавіе авторъ объясняетъ такъ: *Certo tal nome assai meglio che alcun altro mi si confà e la ragione perchè io la vi diro. Filocopo è da due greci nomi composto, da philos e da copos; philos in greco tanto viene a dire in nostra lingua quanto amatore e copos in greco similmente tanto in nostra lingua resulta quanto fatica: onde congiunto insieme, si può dire transponendo le parti Fatica d'Amore* I, p. 354. Во многихъ рукописяхъ вмѣсто *copos* стоитъ *colos*, отсюда *Ficolo* и въ изданіи Мутье. См. объ этомъ *Korting* и цитируемый имъ *Gaspari* *Vossaccio's Leben*, p. 463. Первое изданіе появилось въ Венеціи въ 1472. О другихъ изданіяхъ см. *Mazz.* p. 1354—55, *Zambrini*, p. 101 и *Landau*, p. 57—58. Я цитирую по изданію *Moutier, Opere volgari di Giovanni Boccaccio. Firenze 1827—1834. Vol. 1 u 2.*

любви испанскаго царевича Флоріо и знатной римлянки Біанкофіоре. Боккаччіо заимствовалъ сюжетъ изъ старинной сказки ¹⁾, но значительно измѣнилъ и передѣлалъ свой источникъ: изъ средневѣковой поэмы онъ создалъ странную смѣсь, гдѣ рыцарскій романъ разукрашенъ не только волшебными сказками и христіанскими легендами, но и языческими мифами ²⁾. Современные изслѣдователи не высоко ставятъ юношескій романъ Боккаччіо съ эстетической точки зрѣнія ³⁾; но какъ произведеніе начинающагося гуманизма онъ отражаетъ на себѣ „духъ классическаго Ренессанса“, по выраженію Бартоли. Прежде всего, въ романѣ весьма сильно чувствуются результаты интереса къ древнимъ авторамъ. Боккаччіо иногда подражаетъ Виргилію въ фабулѣ и въ описаніяхъ ⁴⁾, вводитъ рассказы о превращеніяхъ людей въ дерево, въ источникъ, въ мраморную глыбу и т. п. ⁵⁾, совершенно въ духѣ Овидія. Особенно видную роль въ его романѣ играютъ языческіе боги. Они иногда являются у него, какъ реальныя суще-

---

¹⁾ Древнѣйшую обработку этого сказанія на французскомъ языкѣ издалъ Immanuel Bekker въ 1844; затѣмъ были изданы другія редакціи. *Edelstand du Meril. Floire et Blanceflor, poëme du XIII siècle. Paris. 1856.* Обширная литература объ этой поэмѣ и ея передѣлкахъ приведена у Traversi (p. 191).

²⁾ Er hat es nicht nur aus dem Französischen ins Italienische, sondern auch aus dem mittelalterlich Ritterlichen ins antik Heidnische übersetzt, говоритъ Landau, p. 35. Этотъ мѣткій отзывъ не уничтожается мнѣніями Bartoli и Zumbini, къ которымъ примыкаетъ и Körting, что Боккаччіо пользовался не французской обработкой сказанія. (*Bartoli, I Precursori del Boccaccio e alcune delle sue fonti. Firenze 1876*, p. 54 и слѣд. *Zumbini, Il Filosofo del Boccaccio. Firenze 1879*, p. 24 и слѣд. *Novati, Sulla composizione del Filosofo* (въ *Giorn. d. Filol. Rom.* III, 56). *Körting, Boccaccio's Leben*, p. 494 и слѣд. Одинъ только Rossetti полагалъ, что содержаніе этого романа представляетъ собою аллегорическое описаніе посвященія въ 7 степеней таиннаго гибелинскаго общества, устроеннаго по образцу ордена Храмовниковъ. (Его мнѣніе приведено у Witte, *Das Dekameron*, p. LIV).

³⁾ Къ роману неблагоприятно относились еще въ XVIII столѣтіи (см. *Mazz. l. c.* p. 1354); порицаетъ его и Baldelli (p. 29). Самый рѣзкій отзывъ о немъ даетъ Landau (p. 51—54). Соглашаясь съ нимъ въ общемъ, Даумбинн и Кёртингъ значительно смягчаютъ его рѣзкость, находя въ немъ много хорошихъ сторонъ. (*Il Filosofo*, p. 49—57. *Boccaccio's Leben*, p. 500—504).

⁴⁾ Такъ, появленіе „короля“ Амура, внушающаго любовь Флоріо и Біанкофіоре — подражаніе сценѣ Виргилія, гдѣ подобному же внушенію подвергается Дидона; рассказъ Сатаны — Плутона о мнимомъ разрушеніи Марморины — рассказу о разрушеніи Трои у Виргилія. См. *Körting*, p. 467 и 465.

⁵⁾ Fileno превращенъ въ источникъ, Idalagos — въ дерево, его коварная возлюбленная въ мраморную глыбу, а три ея подруги — въ различныя растенія. *Fil. II*, p. 141.

ства: Венера утѣшаетъ влюбленныхъ, Марсъ будитъ Флорію, когда онъ не во-время заснулъ, и помогаетъ побѣдить противника и доказать невинность Біанкофіоре и т. д. То онъ понимаетъ ихъ, какъ дьяволовъ христіанскаго міра, и Плутонъ постоянно играетъ у него роль Сатаны. То, наконецъ, они служатъ аллегорическимъ обозначеніемъ христіанскаго Бога: такъ, Юпитеръ, по Боккаччіо, создалъ міръ и послалъ сына своего Христа въ міръ, чтобы одержать побѣду надъ Плутономъ; или называетъ папу викаріемъ Юноны, которая посылаетъ къ нему Ирису, а св. Іакова — „богомъ, которому поклоняются въ Галиціи“ и т. д. Иногда Боккаччіо измѣняетъ свой источникъ, чтобы придать разсказу античную окраску. Такъ, въ сказаніи Флорію—Филокопо побѣждаетъ одного изъ своихъ противниковъ мечомъ, въ рукояткѣ котораго вдѣланы были реликвіи; у Боккаччіо, онъ получилъ отъ Венеры мечъ, сдѣланный Вулканомъ для Марса, и кромѣ того, самъ Марсъ сопровождаетъ его на борьбу ¹⁾. Эта странная манера смѣшенія рѣзко отличныхъ понятій ²⁾ получила широкое распространеніе у позднѣйшихъ гуманистовъ; но „паганизмъ“ Боккаччіо носитъ еще полусредневѣковую окраску ³⁾, и романъ заканчивается торжествомъ христіанства, такъ какъ монахъ Иларіо крестилъ Флорію, его супругу и ихъ испанскихъ подданныхъ ⁴⁾. Такимъ же переходнымъ характеромъ отличается и попытка Боккаччіо соединить античныя сказанія съ средневѣковыми въ одно органическое, художественное цѣлое. Кёртингъ, отмѣчая эту сторону романа, признаетъ смѣшеніе, само по себѣ „неизящное и нездоровое“, заслугою Боккаччіо, потому что оно спасло романтическій элементъ въ итальянской литературѣ, который безъ этого былъ бы уничтоженъ

---

¹⁾ Landau, p. 57. Cp. Gaspary, l. c. II, p. 5.

²⁾ Эту *mescolanza di cristianesimo e di paganesimo che sembra assai stravagante* замѣтили еще въ XVIII вѣкѣ. См. Mazz. l. c. p. 1354.

³⁾ Es ist kein Homer oder Virgil, говоритъ Landau, ja nicht einmal ein Lucan oder Statius, der aus dem Filocopo spricht, sondern der Schüler eines Paul von Perugia und Leontius Pilatus, der Bewunderer des pedantischen Königs Robert von Neapel (p. 55).

⁴⁾ Ландау предполагаетъ, что Боккаччіо вводитъ Олимпъ съ проницательною цѣлью осмѣянія языческихъ боговъ. Ich glaube es liegt eine gewisse Tücke gegen die heidnische Götterwelt, ein gewisses Prahlen mit dem Triumph des Christenthums darin, wie er den ganzen Olymp zu den unbedeutendsten Botschaften, zu den kinderleichtesten Wundern benützt (p. 53). Филокопо совершенно не производитъ такого впечатлѣнія и комментаторъ Ландау Traversi удачно опровергаетъ эту гипотезу (p. 169).

гуманизмом¹⁾. Мы увидимъ ниже, что это опасеніе не подтверждается фактами изъ исторіи Ренессанса, тѣмъ не менѣе попытка Боккаччіо чрезвычайно характерна. Она показываетъ, что стремленіе къ примиренію античнаго съ средневѣковымъ составляетъ отличительную черту движенія не только въ сферѣ философскихъ и этическихъ воззрѣній.

Изображеніе и анализъ чувствъ и вообще внутренней жизни человека, что такъ удавалось Петраркѣ, еще довольно слабы въ первомъ романѣ Боккаччіо. Муки ревности Филоколо, заподозрившаго вѣрность своей возлюбленной, изображены очень рельефно; но многословное описаніе любви героев послѣ ихъ первой разлуки—настоящая гиперболическая реторика. Точно такъ же рѣдки проявленія того благоговѣнія передъ внутренней свободой, которое было символомъ вѣры гуманизма. Характерно однако одно измѣненіе, которое сдѣлалъ Боккаччіо въ своемъ источникѣ. Тамъ испанскій король силою заставлялъ своихъ подданныхъ принять христіанство; въ романѣ онъ дѣйствуетъ только убѣжденіемъ²⁾.

Не мало въ романѣ и автобіографическихъ данныхъ. Въ введеніи Боккаччіо рассказываетъ, правда, въ весьма туманныхъ аллегоріяхъ и весьма темнымъ языкомъ³⁾, біографію Фіамметты и исторію своей любви къ ней. Кромѣ того, критики отмѣчаютъ въ самомъ изложеніи два эпизода, въ которыхъ можно видѣть автобіографическіе намеки. Оракуль въ Чертальдо возвѣстилъ Флоріо, что отсюда произойдетъ поэтъ, который его исторіей прославитъ свое

---

¹⁾ Körting 502—503. Признавая an sich die Mischung des Antiken und des Romantischen... für vielfach ungesund und unschön, Кёртингъ соглашается однако, что Bojardo und Ariost haben durch die Mischung und Verbindung des Romantischen mit dem Antiken ihre grössten Erfolge und ihren schönsten Ruhm sich errungen; но это потому, что Ariosto die ihr anhaftenden Gebrechen durch seine Kunst zu verhüllen und abzuschwächen vermag. Нельзя сказать, чтобы эта аргументація была особенно убѣдительна.

²⁾ Landau, p. 56.

³⁾ Для примѣра приведемъ рассказъ о встрѣчѣ съ Фіамметтой. Avenne che un giorno, la cui prima ora Saturno avea signoreggiata, essendo già Febo co suoi cavalli al sedecimo grado del celestiale Montone pervenuto, e nel quale il glorioso partimento del figliolo di Giove dagli spogliati regni di Plutone si celebrava, io della presente opera compositore, mi trovai in un grazioso e bel tempio in Partenope, nominato da colui che per deificarsi sostenne che fosse fatto di lui sacrificio sopra la grata. Filoc. I, p. 4. Это значитъ я вошелъ въ церковь св. Лаврентія въ субботу, 16 дней спустя послѣ вступленія солнца въ созвѣздіе овна, когда праздновалось воскресеніе Христа.

имя ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, обращенный въ дерево Идалагось, незаконный сынъ пастуха Эвкома, обиженный отцомъ и безсердечной дѣвушкой, рассказываетъ свою исторію, которая весьма похожа на біографію Боккаччіо ²⁾.

Интересъ къ окружающей дѣйствительности, столь характерный для эпохи, весьма замѣтно отразился и въ Филоколо ³⁾. Въ предисловіи къ этому роману Боккаччіо рассказываетъ, правда, аллегорически, исторію завоеванія Неаполя Карломъ Анжуйскимъ. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ такъ называемые *Questioni d'amore*, самое лучшее мѣсто въ романѣ по отзыву всѣхъ критиковъ ⁴⁾. Флоріо въ своихъ поискахъ за Біанкофіоре прибылъ въ Неаполь и случайно попадаетъ въ общество Фіамметты. Дѣйствіе романа мгновенно переходитъ изъ VI вѣка ⁵⁾ въ XIV, и Боккаччіо даетъ живую картину тогдашней придворной жизни въ Неаполь. Среди удовольствій и забавъ кружокъ Фіамметты занятъ между прочимъ обсужденіемъ вопросовъ о любви. Каждый изъ присутствующихъ рассказываетъ въ формѣ новеллы какой-нибудь сложный любовный казусъ, и избранная королевой Фіамметта даетъ свое рѣшеніе, какъ слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ. Наконецъ страствованія одного изъ вводныхъ лицъ романа—Филено даютъ поводъ Боккаччіо сдѣлать нѣсколько историческихъ и миѳологическихъ замѣчаній о Падуѣ, Равеннѣ, Мантуѣ и другихъ итальянскихъ городахъ, чрезъ которые идетъ путь Филено, такъ что это

---

¹⁾ Onora questo luogo, perocchè quinci ancora si partirà colui che i tuoi accidenti con memorevoli versi farà manifesti agli ignoranti, e'l suo nome sarà pieno di grazia. *Filoc. II*, p. 8.

²⁾ Кёртингъ возражаетъ противъ этого предположенія (p. 486). Ср. Zumbini, p. 57—65. Самые обстоятельныя изслѣдованія объ автобіографической сторонѣ *Filosoro* принадлежатъ V. Crescini, *Idalagos* (въ *Zeitschr. f. rom. Phil.* IX, p. 437 и X, p. 1), гдѣ онъ разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія рассказъ Эвкова сына и *Contributo agli studi sul Boccaccio con documenti inediti. Torino 1887*, p. 70—85, гдѣ отмѣчены автобіографическія черты въ другихъ эпизодахъ романа.

³⁾ *Sgulmero (Sulla corografia del Filocolo. Milano 1883)* утверждаетъ, что мѣсто дѣйствія романа—Верона и ея окрестности.

⁴⁾ *Filosoro II*, p. 25—120. Оцѣнка у Landau, p. 43—49 и восторженный отзывъ Zumbini, p. 58.

⁵⁾ Боккаччіо не опредѣляетъ времени дѣйствія своего романа; всего удобнѣе отнести его къ VI вѣку, хотя историческихъ анахронизмовъ тамъ цѣлая масса. Такъ, родители Біанкофіоре идутъ на поклоненіе св. Іакову въ Кампостелью, хотя Испанія еще языческая. Или папа Агапетъ креститъ императора Юстиніана и т. п.

мѣсто романа напоминаетъ Кёртингу „Сирийскій путеводитель“ Петрарки ¹⁾.

Вскорѣ послѣ Филокопо, можетъ быть, даже одновременно съ нимъ появился *Ameto* ²⁾. Это первый пастушескій романъ новой литературы, который начинается гимномъ любви и кончается молитвой къ пресвятой Троицѣ, въ которомъ люди смѣшаны съ нимфами, сатирами, дриадами и проч., и проза со стихами. Его существенное содержаніе составляетъ исторія пастуха Амето, который долго любилъ только охоту и собакъ, а потомъ влюбился въ нимфу Лію, а также вставочный эпизодъ праздникъ Венеры, гдѣ между прочимъ 7 нимфъ (Лія, Эмилія, Фіамметта, Монса, Акримонія, Агапесъ и Адіона) рассказываютъ свои любовныя похождения и влюбляются въ себя Амето. Какъ художественное произведеніе, пастушеская идиллія Боккаччіо не имѣетъ высокой цѣны ³⁾; но она представляетъ культурно-историческій интересъ, какъ источникъ для своей эпохи. Прежде всего, въ Амето цѣлая масса автобиографическаго матеріала, хотя и здѣсь, какъ повсюду въ поэтическихъ произведеніяхъ Боккаччіо, онъ прикрытъ густымъ аллегорическимъ туманомъ. Нимфа Эмилія рассказываетъ исторію его парижанки-матери ⁴⁾; Фіамметта—свою біографію и исторію любви Боккаччіо ⁵⁾; пастухъ Галеоне—встрѣчу съ Фіамметтой ⁶⁾, и самъ Амето, если

---

¹⁾ Boccaccio's Leben, p. 472.

²⁾ Körtling относитъ время его появленія къ 1340—41 г. (p. 522). Baldelli, а за нимъ Corgazini—къ 1343, p. 21. См. Traversi, p. 181. Gasparу къ 1341 или 1342 (II, p. 17). Первое изданіе появилось въ Римѣ въ 1478 году. О другихъ изданіяхъ см. Mazz. (p. 1357—58), который указываетъ и рукописи. Zambrini, p. 98; Landau, p. 63 и поправка къ нему Traversi, p. 209.

³⁾ Самый рѣзкій (и самый справедливый) отзывъ у Landau, p. 58 и слѣд. Онъ значительно смягченъ Traversi (p. 182—183 и 205) и Кёртингомъ (pag. 619—521).

⁴⁾ Ameto, p. 77—81. Такъ толкуютъ это мѣсто Landau (p. 62) и Traversi (p. 196). Körtling, отрицающій за Корацини парижское вѣбрачное происхожденіе Боккаччіо, игнорируетъ это мѣсто.

⁵⁾ Ameto, p. 137 и слѣд.

⁶⁾ Здѣсь эта встрѣча рассказывается слѣдующимъ образомъ: Un giorno, nella cui aurora avea signoreggiato lo Dio Saturno appo li Lazzii, gia per addietro stato per paura del figliuolo e di quello già Febo salito alla terza parte, io entrai in tempio da colui detto, che per salire alle case degl' Iddii immortali tali di se tutto sostenne, quale Muzio di Porsenna in presenza della propria mano; nel quale ascoltando io le laudi in tal dì a Giove per la spogliata Dite rendute, cantando li Flammini laudanti le poche sustanze di Codro e per dovere obbligati a soli bisogni della natura, rifiutando ogni

не точный портретъ Боккаччіо, то, по крайней мѣрѣ, переживаетъ весьма многія настроенія и ощущенія автора ¹⁾).

Де-Санктисъ видитъ въ „Амето“ аллегорическое изображеніе „побѣды любви и природы надъ звѣриною дикостью людей“, цѣлую исторію культуры, начиная съ Аѳинъ и кончая Тосканой, „куда авторъ съ законной гордостью полагаетъ начало новой цивилизаціи“ ²⁾). Такія утвержденія при смутности содержанія Амето не могутъ не страдать нѣкоторою произвольностью. Но, несмотря на густую аллегорію содержанія романа, въ немъ проявляются обычныя черты гуманизма—любовь къ природѣ въ описаніяхъ ³⁾, интересъ къ внутренней жизни человѣка и къ исторической и современной дѣйствительности. Состояніе только-что познавашаго любовь Амето изображено съ большимъ интересомъ и иногда весьма живо ⁴⁾).

---

più, voi singulare bellezza dell'universo, di bruna veste coperta appariste agli occhi miei. Ameto, p. 153—154.

¹⁾ Эту черту совершенно вѣрно подмѣтилъ Körtling (p. 521—522) и особенно важно въ стихотворномъ заключеніи Амето недружелюбное отношеніе Боккаччіо къ родительскому дому.

Li non si ride mai se non di rado
La casa oscura e muta, e molto trista
Mi ritiene e riceve mal mio grado;
Dove la cruda ed arribile vista
D'un vecchio freddo, ruvido ed avaro
Ognora con affanno più m'attrista (p. 199).

Количество автобіографическаго матеріала можно было значительно увеличить, если пуститься въ детальное истолкованіе аллегорій; но сдѣланныя до сихъ поръ попытки не привели къ благоприятнымъ результатамъ. Толкованія Сансовино отвергнуты Бальделли, съ которымъ въ свою очередь не соглашается самый остроумный изъ комментаторовъ—Ландау, который видитъ въ нимфахъ олицетвореніе кардинальныхъ добродѣтелей (p. 60—63). Это толкованіе впервые сдѣлано *F. Martini, L'Ameto di G. B.* (въ Riv. Europea 1876. Vol. IV. p. 221). Но и эти объясненія не приняты воиолнѣ даже итальянскимъ переводчикомъ Ландау—Траверси (p. 193), такъ, что новѣйшій біографъ Боккаччіо рѣшительно объявляетъ всѣ такія попытки безплодными и успѣшный ихъ результатъ невозможнымъ (p. 515—516). Тѣмъ не менѣе Crescini въ этюдѣ *L'allegoria dell' Ameto del Boccaccio. Padova 1886* и потомъ въ цитированномъ Contributo (p. 93—113) вновь доказываетъ, что Венера—христіанскій Богъ, а нимфы—олицетвореніе добродѣтелей, что не мѣшаетъ имъ быть въ то же время реальными образами, заимствованными изъ живой дѣйствительности. Къ этому взгляду въ общемъ примыкаетъ Gaspari (l. c. p. 18).

²⁾ De Sanctis l. c. p. 325, 326.

³⁾ См. Körtling, p. 519.

⁴⁾ Landau, p. 59. Körtling. ibid.

Нимфа Лія рассказываетъ согласно съ хрониками основаніе Флоренціи, Фіамметта—исторію Неаполя, и въ разказахъ другихъ нимфъ встрѣчается масса очевидныхъ намековъ на тогдашнія общественныя дѣла во Флоренціи ¹⁾. Самыя бесѣды нимфъ, подъ которыми несомнѣнно скрываются неизвѣстныя намъ дѣйствительныя личности ²⁾, даютъ наглядную картину жизни и интересовъ дамскаго общества начального Ренессанса ³⁾.—Романъ заканчивается посвященіемъ Николо́ ди Бартоло дель Буоно, въ которомъ Боккаччіо, осыпая похвалами „единственнаго“ друга, выражаетъ между прочимъ глубокое уваженіе къ Римской церкви ⁴⁾.

За Амето послѣдовала неудачная въ литературномъ отношеніи аллегорическая поэма „*Любовное видѣніе*“ (*Visione Amorosa*) ⁵⁾. Стихотвореніе состоитъ изъ 50 пѣсень, составляющихъ въ общей сложности 4406 стиховъ и по своему философско-ученому содержанию чрезвычайно характерно для Боккаччіо. Его видѣніе заключается въ томъ, что какая-то аллегорическая женщина—вѣра, добродѣтель, истина или что-нибудь въ этомъ родѣ ⁶⁾ ведетъ его къ высшему блаженству. Они подходятъ къ огромному замку, въ который ведутъ двѣ двери: одна узкая, другая широкая и удобная. Первая ведетъ къ цѣли, но Боккаччіо идетъ во вторую, и его руководительница слѣдуетъ за нимъ, хотя и неохотно. Тамъ проходятъ они черезъ залъ мудрости, славы и богатства, и неудовлетворенный авторъ проситъ спутницу вести его по другой дорогѣ. Та предварительно приводитъ его въ залу фортуны, чтобы показать измѣнчивость всего земного, и затѣмъ направляется къ узкой двери. Но налѣво отъ нея Боккаччіо увидалъ обширный садъ, въ

¹⁾ Ameto, p. 181.

²⁾ Попытка истолковать Лію, какъ мать дѣтей Боккаччіо, отвергнута Траверси (p. 202); отыскивать оригиналы другихъ нимфъ, кромѣ, конечно, Фіамметты, сколько мнѣ извѣстно, пытались только Baldelli (p. 49—50) и Crescini (l. c. p. 101 и слѣд.).

³⁾ См. Körting, p. 515—518.

⁴⁾ Онъ называетъ ее madre di tutti e maestra sanctissima chiesa di Roma. Письмо перепечатано у Corazzini, p. 19—20.

⁵⁾ Она относится къ 1342 году. Körting, p. 547; Gasparу, II, 639, но Бальделли, а за нимъ Corazzini (p. XXI) относятъ ее къ 1343. Первое изданіе появилось въ Миланѣ въ 1520 году. Другія изданія см. Landau, p. 67, и Zumbriñi, p. 131. Приговоры объ эстетической цѣнѣ поэмы новыхъ изслѣдователей на этотъ разъ единодушны. См. Landau, p. 67 и pas. Körting, p. 542 и слѣд.

⁶⁾ По Crescini—это разумъ (l. c. p. 114). Gasparу отказывается отъ объясненія (l. c. 640).

которомъ, среди фонтановъ и художественныхъ произведеній, гуляютъ красивыя дамы. Онъ упрашиваетъ свою руководительницу зайти сюда; та хотя и порицаетъ его за земныя желанія, но соглашается. Здѣсь Боккаччіо находитъ между прочими Фіамметту и послѣ 135 дней добивается ея взаимности. Въ этотъ моментъ авторъ проснулся, но, оглядѣвшись кругомъ, увидѣлъ свою спутницу, которая убѣждала его идти къ узкой двери, потому что это воля его возлюбленной. Ландау отказывается понять, почему Боккаччіо, стремившійся къ неземному благу, очутился „въ положеніи болѣе сомнительномъ, чѣмъ положеніе Горика и горничной“ ¹⁾. Съ такимъ же недоумѣніемъ останавливается передъ смысломъ поэмы — Дзумбини ²⁾. Между тѣмъ загадка не особенно трудна, и Де-Санктисъ, а за нимъ Кёртингъ и Гаспарі разъяснили ее весьма просто: при невозможности, по крайней мѣрѣ, для себя достичь высшаго блага, Боккаччіо довольствуется любовью, какъ высшимъ, по его мнѣнію, земнымъ благомъ ³⁾. Такое толкованіе соотвѣтствуетъ содержанію поэмы и вполне подходитъ къ тогдашнему настроенію автора. Это рѣшеніе вопроса весьма характерно для наступающей эпохи, и въ поэмѣ Боккаччіо чувствуется уже трактатъ „Объ удовольствіи“ Валлы ⁴⁾.

---

¹⁾ Воссассіо, р. 67.

²⁾ Мнѣнія Дзумбини цитируетъ Траверси по его недавнимъ лекціямъ въ Неаполитанскомъ университетѣ и выражаетъ увѣренность, что его учитель современемъ разрѣшитъ эту загадку. *Lasciaremmo tutta la cura di circondare fra loro queste varie contraddizione allo Zumbini, certi che nessuno potrebbe farlo meglio di lui* (р. 224).

³⁾ Де-Санктисъ, сравнивая поэму съ Божественной Комедіей, которой подражалъ Боккаччіо, находитъ въ *Amorosa Visione* рѣшительное и абсолютное „прославленіе плоти, въ которой миръ и успокоеніе“, убѣжденную замѣну христіанскаго рая „магометанскимъ“ (I. с. р. 312). Того же мнѣнія держится Symonds (р. 114—115). Кёртингъ (р. 544), Кришини и Гаспарі (II, р. 20—24) вносятъ существенную поправку въ это толкованіе: Боккаччіо не отрицаетъ вѣрности и истинности старыхъ идеаловъ, но чувствуетъ свое безсиліе для ихъ достиженія и удовлетворяется любовью. Попытки болѣе подробнаго объясненія поэмы не разъ дѣлалъ *Crescini: La Lucia dell' Amorosa Visione del Boccaccio* (въ *Rivista Europ.* 1882) и въ особенности въ *Contributo* (р. 113—141); но всѣ они носятъ гадательный характеръ и не представляютъ историческаго интереса. *Traversi (Notizie storiche sull' Amorosa Visione* въ *Studi di Fil. Rom.* I, 1885) пытался опредѣлить дамъ, съ которыхъ сдѣлано изображеніе въ поэмѣ; мнѣ эта статья осталась неизвѣстной.

⁴⁾ Въ первомъ изданіи (Mediolani 1520) эта поэма озаглавлена такъ: *Amorosa Visione, nella quale si contengono cinque Trionfi, cioè Trionfo di*

„Любовное видѣніе“ содержитъ, кромѣ того, цѣлую массу автобіографическаго матеріала. Описывая черты мудрости, славы, богатства и фортуны, Боккаччіо обнаруживаетъ обширное знаніе именъ и фактовъ изъ древней и средневѣковой исторіи. Презрѣнія къ представителямъ средневѣковой культуры у Боккаччіо незамѣтно: среди мудрецовъ на-ряду съ Аристотелемъ, Платономъ, Цицерономъ и прочими представителями древности встрѣчаются Боэцій, Аверроэсъ, Авицена и другіе схоластики. За колесницей славы идутъ въ толпѣ древнихъ героевъ Карлъ Великій, Фридрихъ II, Конрадинъ и проч.; въ главѣ о любви разсказана вмѣстѣ съ похождениями Зевса исторія Тристана и Изольды. Насколько глубоко и обширно это знаніе, сказать трудно, потому что по большей части имена и факты только упоминаются; несомнѣнно однако, что Боккаччіо почерпалъ его не всегда изъ надежныхъ источниковъ, потому что въ перечнѣ различныхъ знаменитостей мы встрѣчаемъ такія имена, какъ Abracis, Tebico, Amberese, Ноѣта, Bordo etc. Кромѣ того, при описаніи своего путешествія, Боккаччіо останавливается и на современности. Общество въ саду, которое задержало разочарованнаго въ земныхъ благахъ автора передъ самой дверью къ вѣчному блаженству, то же самое, какое описывалъ Боккаччіо въ *Questioni d'amore* (*Filosoro*) и на праздникѣ Венеры въ *Ameto*. Особенно характерно, что Робертъ Неаполитанскій, передъ которымъ такъ благоговѣлъ Петрарка, помѣщенъ Боккаччіо подъ именемъ Мидаса среди корыстолюбивыхъ скупцовъ ¹⁾.

Поэма Боккаччіо знакомитъ насъ также съ нѣкоторыми воззрѣніями автора. Въ 33-й пѣснѣ его руководительница дѣлаетъ рѣзкую выходку противъ аристократіи, доказывая, что всѣ люди созданы Богомъ равными и что только добродѣтель облагораживаетъ. Одушевленіе, съ которымъ въ другомъ мѣстѣ Боккаччіо описываетъ художественныя произведенія ²⁾, отличаетъ его отъ равнодушнаго къ искусству Петрарки. Весьма интересно также его искреннее отношеніе къ богатству, которое такъ хотѣлось презирать его

Sarienza, di Gloria, di Ricchezza, di Amore e di Fortuna (Mazz. I. c. p. 1362). Уже Бальделли обратилъ вниманіе на характерную разницу триумфовъ у Петрарки и Боккаччіо I. c. p. 63.

¹⁾ *Am. Vis. Cap. XIII*, p. 52. Такъ понимаетъ это мѣсто Landau и его комментаторъ, который собралъ изъ переписки параллельныя мѣста, доказывающія, что именно такъ смотрѣлъ Боккаччіо на Роберта (Traversi, p. 214—215) См. также эллогу Midas.

²⁾ *Cap. XXXVIII*, p. 154 и слѣдующая глава.

руководителю. Изобразивши корыстолюбца, который ногтями скребет гору, чтобы добыть там золото, Боккаччио сознается, что онъ самъ занялся бы этимъ, если бы это можно было сдѣлать съ честью, потому что бѣдняка всѣ презирають и избѣгаютъ ¹⁾). Здѣсь же впервые мы встрѣчаемъ чрезвычайно рѣзкую выходку противъ монаховъ, которыхъ авторъ называетъ фарисеями ²⁾). Для фактической біографіи Боккаччио „Любовное видѣніе“ даетъ изображеніе отношенія автора къ отцу, который „скребетъ ногтями гору“ ³⁾), и послѣдовать примѣру котораго запрещаетъ автору честь. Далѣе глубокое уваженіе къ Данте, не разъ засвидѣтельствованное авторомъ Декамерона, проявляется и въ этомъ стихотвореніи ⁴⁾). Наконецъ, въ поэмѣ находятся самыя несомнѣнныя указанія, что любовь Бок-

---

¹⁾ Cap. XIV, p. 59—60.

²⁾ Più altra gente ancor v'avea, fra quali
Gran quantità de nuovi Farisei
Ad aver del tesor battevan l'ali:
E sconfortando gli altri, e come rei
Erano a posseder, nel lor parlare
Mostrando; e s'io nel rimirar potei
Riguardar vero il loro adoperare
Per possederne maggior quantitate,
Li vi vedeva forte affaticare.
Correndo sen portavan caricate
Le some, e con iscrigni e piene ceste
Si ritornavan quivi molte fiato
Ver è, che ben ch' avesser lunghe veste
Non gli ingombravan pero, ma pareo
Che più che gli altri avesser le man preste.
(Cap. XIV, p. 57).

³⁾ Oltre grattando il monte dimorava
Con aguta unghia un, ch'al mio parere
In molte volte poco ne levava.
Con questo tanto forte quel tenere
In borsa gli vedea ch'appena esso,
Non ch' altro, alcun ne potea bene avere.
Al qual facendom' io un poco appresso
Per conoscer chi fosse, apertamente
Vidi, che era colui che me stesso
Libero e lieto avea benignamente
Nudrito come figlio, ed io chiamato
Aveva lui e chiamo mio parente.
(Cap. XIV, p. 58).

⁴⁾ Восторженный отзывъ о Данте cap. VI, p. 24 и слѣд.

качціо къ Фіамметтѣ была далека, не только отъ аллегорическаго идеализма Данте, но и отъ вынужденнаго платонизма Петрарки ¹⁾.

Гораздо менѣе историческаго и біографическаго интереса представляетъ обширная эпическая поэма *Тезеида*, хотя современные критики съ литературной и эстетической точки зрѣнія ставятъ ее выше всѣхъ предшествующихъ произведеній Боккаччіо ²⁾. Ея содержаніе составляетъ борьба Тезея съ Амазонками и главнымъ образомъ исторія любви двухъ еванскихъ царевичей, Архита и Палемона, къ Эмилиі, сестрѣ Амазонки Ипполиты, жены Тезея. Автобіографическій элементъ этого эпоса чрезвычайно скуденъ, хотя въ посвященіи и говорится, что поэма написана для того, чтобы снова воспламенить охладѣвшую къ автору Фіамметту, и что подъ именемъ одного изъ еванцевъ Боккаччіо изобразилъ самого себя ³⁾. Но который изъ героев воспроизводитъ чувства автора, сказать трудно, потому что личности Архита и Палемона весьма блѣдны ⁴⁾. Въ самой поэмѣ не встрѣчается біографическихъ указаній, кромѣ развѣ описанія наружности Фіамметты, которую должна изображать блѣдная, безличная Эмилиа ⁵⁾. Главный интересъ поэмы, какъ исто-

---

¹⁾ См. Cap. XLVI и XLIX.

²⁾ Corazzini относитъ это произведеніе къ 1342—43 г. (р. XXI); Бальделли къ 1341 (р. 374). Первое изданіе *Teseide* появилось въ Феррарѣ въ 1475 г. О другихъ см. Zambrini, p. 125, и Landau, p. 78. Рукописи у Mazz., p. 1362. Поэма раздѣлена на 12 пѣсень, составляющихъ 9896 стиховъ, кромѣ 2 относящихся къ ней сонетовъ. Ей предпослано посвятительное письмо къ Фіамметтѣ (У Corazzini p. 1—7). Бальделли даетъ восторженный отзывъ о Тезейдѣ (р. 31 и слѣд.); весьма далекій отъ панегириковъ Landau признаетъ литературное значеніе поэмы, которая представляетъ—*das erste italienische Epos und das erste italienische Werk in achtzeiligen dreireimigen Stanzen* (р. 70), находитъ эстетическія достоинства въ частностяхъ (р. 77—78), хотя въ общемъ считаетъ поэму скучною и характеры ея героев невыдержанными и блѣдными (р. 75—76). Приблизительно въ этомъ же смыслѣ высказывается Gaspary (II, p. 15). Наоборотъ, Кёртингъ въ восторгѣ отъ поэмы и только въ ея частностяхъ находитъ недостатки (р. 616—620). Ближе къ Кёртингу стоятъ Traversi и цитируемый имъ Zumbini (р. 289 и слѣд.). Только De Sanctis (р. 305—308) и за нимъ Symonds (р. 117—118) отрицаютъ эстетическую цѣну поэмы.

³⁾ Coraz., p. 1 и 4.

⁴⁾ Körtling дѣлаетъ попытку выяснитъ характеры обонхъ героев, но отказывается опредѣлитъ, подъ которымъ изъ нихъ скрывается Боккаччіо. Crescini, сдѣлавшій обстоятельный разборъ поэмы съ автобіографической точки зрѣнія, приходитъ къ тому же выводу (Contrib., p. 115).

⁵⁾ Libro XII. Str. 53—63. Es muss ganz hahingestellt bleiben, говоритъ Körtling, ob Boccaccio in Schilderung Emilia's ein Portrait Fiammetta's habe

рическаго источника, заключается въ отношеніи автора къ древности. Боккаччіо не только подражаетъ древнимъ, но и выдерживаетъ античный тонъ фабулы, если не вполне, то, по крайней мѣрѣ, съ большой археологическою точностію, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ произведеніи ¹⁾. Весьма возможно, что этотъ общій тонъ принадлежитъ не самому Боккаччіо, а его источнику; тѣмъ не менѣе описаніе похоронъ павшихъ на турнирѣ грековъ ²⁾ и Архита ³⁾, обстоятельный разсказъ миѣической исторіи Эивъ ⁴⁾, изображеніе дворца Марса ⁵⁾—все это показываетъ ранній интересъ и сравнительно хорошее знакомство еще молодого автора съ древнимъ міромъ ⁶⁾.

Обширная поэма „*Филострато*“ ⁷⁾, въ которой Боккаччіо

zeichnen wollen: es lässt sich vermuthen, aber nicht beweisen (p. 615). Но Traversi, посвятивши этому вопросу 13 страницъ in 4°, доказаль сопоставленіемъ различныхъ мѣстъ изъ сочиненій Боккаччіо, что здѣсь рѣчь идетъ именно о Фіамметтѣ (p. 275—288). Ср. Crescini, l. c. p. 208—219.

¹⁾ См. объ этомъ Landau, p. 71, и Körting, 621.

²⁾ Libro X въ началѣ.

³⁾ Libro XI, str. 13 и слѣд.

⁴⁾ Libro X, str. 95 и слѣд.

⁵⁾ Libro VI. Объ отношеніи этого описанія къ Эивайдѣ Стація и къ Виргилю см. Landau, p. 76, и Traversi, p. 293.

⁶⁾ Вопросъ объ источникѣ Тезейды остается спорнымъ до сихъ поръ. Боккаччіо въ посвященіи говоритъ, что онъ заимствовалъ свой сюжетъ: trovata una antischissima storia, o al più delle genti non manifesta etc. (Corazz., p. 3). Sandras, въ *Etude sur G. Chausser, Paris 1859*, высказаль мнѣніе, что источникомъ Боккаччіо было французское произведеніе. А. Ebert въ разборѣ этой книги (Jahrb. für rom. und engl. Lit. Band IV. 1862) доказываль, что Боккаччіо подѣловался латинскимъ переводомъ византийскаго романа конца V вѣка нашей эры главнымъ образомъ потому, что содержаніе поэмы сохранило античный тонъ. Landau отвергаетъ эту гипотезу, такъ какъ греки Тезейды кажутся ему „настоящими рыцарями XII или XIII вѣка“ (p. 71). Körting снова возвращается къ мнѣнію Эберта, но относить источникъ къ эпохѣ Адриана (p. 620—627). Такъ какъ фабулы Тезейды до сихъ поръ не найдено ни на французскомъ, ни на греческомъ языкахъ, то вопросъ остается открытымъ, и Traversi, склоняясь къ Körting'у, возлагаетъ, по обыкновенію, всѣ надежды на Дзумбини. Delle probabili fonti della Teseide, giova sperare, discorrerà, a suo tempo, con la solita autorità e dottrina, lo Zumbini (p. 265). Crescini вновь пересмотрѣль всѣ эти выводы и, отвергнувъ мнѣнія Эберта и Кёртинга, пришелъ къ выводу, что античный элементъ поэмы отчасти заимствованъ Боккаччіо у Стація, а средневѣковой—изъ источниковъ, которые нужно еще отыскать. (Contrib., p. 220—247).

⁷⁾ Время составленія Filostrato въ точности опредѣлить нельзя, можно только указать ея мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ другихъ произве-

изобразилъ несчастную любовь Троила, сына Пріама, къ дочери Калхаса Хризеидѣ, вся проникнута лиризмомъ. Въ предисловіи, составленномъ въ формѣ письма къ Фіамметтѣ, онъ изображаетъ свою горячую любовь къ ней и мученія разлуки и ревности, такъ какъ предметъ его страсти покинулъ Неаполь. Тогда ему „пришла въ голову мысль... въ лицѣ какого-нибудь влюбленнаго воспѣть свои муки“. „Поэтому я началъ старательно перелистывать старинныя исторіи, продолжаетъ Боккаччіо, чтобы найти кого-нибудь, кого я могъ бы съ нѣкоторою вѣроятностью сдѣлать щитомъ своей тайной влюбленной скорби“¹⁾. Его выборъ остановился на Троилѣ, котораго онъ и сдѣлалъ выразителемъ своего настроенія²⁾. Въ мастерскомъ изображеніи различныхъ фазисовъ любви заключается и высокая эстетическая цѣна поэмы³⁾ и ея историческое значеніе. Боккаччіо вложилъ въ заимствованный сюжетъ⁴⁾ свои личныя чувства и далъ одинъ изъ первыхъ образцовъ психологически-вѣрнаго поэтического описанія одной стороны внутренней жизни⁵⁾. Правда, этотъ

деній. См. Körting, p. 566. Поэма раздѣлена на 10 частей (parte) и вмѣстѣ съ обращениями и отступленіями составляетъ 5392 стиха. Ей предшествуетъ эпистолярное посвященіе Фіамметтѣ (у Corazzini p. 9—18), помѣченное 1341 годомъ (но дата не оправдывается лучшими рукописями), гдѣ Боккаччіо объясняетъ между прочимъ заглавіе поэмы „Filostrato tanto viene a dire, quanto chomo vinto e abbattuto da amore“. (У Корац. этого нѣтъ). Первое изданіе появилось въ Венеціи въ 1480. О другихъ см. Zambrini, p. 127. Рукописи у Mazz., p. 1363.

¹⁾ Coraz., p. 14.

²⁾ Dalla persona di lui e da' suoi accidenti ottimamente presi forma alla mia intenzione e susseguentemente in leggere rima, e nel mio fiorentino idioma, con stile assai pietoso i suoi e miei mali parimente composti. Ibid.

³⁾ Ея мастерская оцѣнка у Landau, p. 83—85, 90. Ср. Symonds, p. 121—122 и Gaspary II, 8—13. Es ist unbegreiflich, говоритъ Hettner, wie eine so herrliche Perle ächtester Poesie, wie Boccaccio's Filostrato, vergessen sein kann (I. c. p. 43). Körting совсѣмъ неожиданно называетъ поэму verfehltes Werk (p. 582), хотя и признаетъ мастерство психологическаго описанія (p. 583—84). Основная причина этого взгляда заключается въ ошибочномъ утвержденіи, будто зрѣлый человѣкъ, несчастно влюбленный въ недостойную женщину, представляетъ собою не трагическую, а комическую фигуру. (См. p. 579 и слѣд). Traversi слѣдуетъ за Landau, p. 313.

⁴⁾ „Antiche storie“, которыми пользовался Боккаччіо, былъ Roman de Troie Benoit de Sainte More или его итальянская обработка Guido da Colonna. См. Landau, p. 85—94. Körting, 586—590 и Traversi, p. 320 и слѣд. Самый обстоятельный разборъ поэмы у Crescini, Contribuito, p. 186 и слѣд.

⁵⁾ Такія описанія встрѣчаются во всей поэмѣ. Для примѣра можно указать: состояніе Troilo, когда онъ впервые увидѣлъ Griseid'у (Parte I);

интересъ къ личности еще безсознательнъ и одностороненъ. Боккаччю говорить только о любви и связанныхъ съ нею чувствахъ; но характерна наблюдательность и умѣнье передать результаты наблюдений. Вложивъ въ Троила свое настроеніе, Боккаччю изъ современной жизни заимствовалъ всю окраску поэмы и дѣйствующихъ лицъ ¹⁾. Вслѣдствіе этого въ Филострато отразилось высшее неаполитанское общество, хотя только съ той стороны, которая составляетъ главное содержаніе поэмы ²⁾.

Идиллическая поэма Боккаччю *Ninfale Fiesolano*—одно изъ самыхъ удачныхъ его произведеній до Декамерона ³⁾. Подъ вліяніемъ античной литературы и преимущественно Овидія авторъ сдѣлалъ попытку сочинить преданія для объясненія названія двухъ флорентійскихъ ручейковъ *Affrico* и *Mensola*, а также объ основаніи Фьезоле и Флоренціи ⁴⁾. Въ результатъ вышла изящная исто-

---

вся III пѣснь, гдѣ изображается счастье влюбленныхъ; отчаяніе Троила при вѣстцѣ, что греки требуютъ Хризиду, и послѣ ея удаленія (*Parte V*) и *passim*. „Здѣсь впервые, говоритъ Де-Санктисъ, любовь, разорвавъ платоническое покрывало, обнаруживается въ своей реальности и самостоятельности, отдѣлившись отъ своихъ старинныхъ сотоварищей—чести и религіознаго чувства. Это уже любовь не народная, а городская, т.-е. утонченная, полная вѣжности и истомы, воспитанная культурой и искусствомъ“ (I. c. p. 308).

¹⁾ По поводу Хризиды Ландау замѣчаетъ: *wahrlich, die schilimmste Kokette vom Hofe der Königin Johanna scheint zu diesem Portrait gesessen zu haben, p. 84.*

²⁾ *Unter diesem Gesichtspunkte betrachtet, gewinnt der Filostrato ein grosses, wenn auch wenig erfreuliches culturgeschichtliches Interesse, говоритъ Körtling и находитъ отразившееся въ поэмѣ общество durch und durch unmoralisch und frivol (p. 591—592). Такой упрекъ заслужила да и то не вполне только неглубокая Хризеида.*

³⁾ Время ея составленія можно опредѣлить только приблизительно и то лишь на основаніи внутреннихъ свойствъ стихотворенія; впрочемъ въ одной рукописи, приведенной у Manni (I. c. p. 55), стоитъ 1366 годъ. Бальделли отрицаетъ эту дату на основаніи внутреннихъ свойствъ поэмы (p. 65). Ея первое изданіе въ Венеціи въ 1477. О другихъ см. *Zambrini*, p. 129, и *Landau*, p. 98. Рукописи у *Mazz.*, p. 1363. У *Moutier* поэма раздѣлена на 7 пѣсней и составляетъ 3784 стиха. Единодушно сочувственные отзывы критиковъ сведены у *Traversi*, I, p. 360—351 и 355. Ср. *Gasparu* p. 16—17.

⁴⁾ Вліяніе Овидія отмѣтилъ *Körtling*, p. 640—641. *Zumbrini* въ своихъ лекціяхъ, цитированныхъ у *Traversi* (p. 358—359), пытался ближе выяснить это вліяніе. См. также *B. Zumbrini, Una storia d'amore e morte (Il Ninfale Fiesolano del Boccaccio)*. (Въ *Nuov. Antil.* 1884. 1 marzo, p. 1—27), гдѣ вторая глава посвящена источникамъ поэмы, третья—ея литературному анализу.

рія несчастной любви пастуха Аффрико и нимфы Мензолы, которая, кромѣ художественнаго ландшафта ¹⁾, ничего не даетъ ни для исторіи Ренессанса, ни для біографіи Боккаччіо. Характеренъ только самый успѣхъ поэмы, ея художественное достоинство, потому что это показываетъ, что античные и средневѣковые элементы весьма быстро нашли себѣ примиреніе, но только въ области поэзіи, менѣе всего затронутой католицизмомъ.

„Элегию мадонны Фіамметты, посвященную встѣмъ влюбленнымъ женщинамъ“ Кёртингъ справедливо называетъ первымъ новымъ романомъ ²⁾. Эта исповѣдь покинутой женщины, которую Боккаччіо влагаетъ въ уста своей возлюбленной, представляетъ собою настоящую лѣтопись женскаго сердца ³⁾. Въ другихъ произведеніяхъ психологическое описаніе является болѣе или менѣе отрывочно и носить по большей части автобіографическій характеръ; въ „Фіамметтѣ“ — оно составляетъ главное содержаніе романа и является результатомъ сознательнаго наблюденія, вызваннаго живымъ интересомъ къ психической жизни вообще. Съ этой точки зрѣнія романъ Боккаччіо представляетъ большой культурно-историческій интересъ, какъ

---

¹⁾ См. Körtling, p. 635 и слѣд. Де-Санктисъ видитъ болѣе глубокой смыслъ въ поэмѣ. По его мнѣнію, „этотъ первобытный мнѣологическій міръ—гнѣвъ Природы“. Мензола, хотя смертью заплатила за свою любовь, полюбила „не по испорченности, не по извращенію сердца, а повинувась неодолимой силѣ природы“. Ея сынъ, отмщая за мать, разрушилъ храмы Діаны, насильно выдавая замужъ нимфъ, „вводитъ цивилизацію и культуру“. „Такимъ образомъ мнѣологическій міръ съ своими лѣсными учрежденіями гибнетъ, и начинается гражданская жизнь по законамъ любви и природы“ (p. 320). Symonds раздѣляетъ это мнѣніе. Смыслъ поэмы, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что „гражданское общество занимаетъ мѣсто лѣсной дикости и любовь разсматривается, какъ вступленіе въ культурное состояніе (the vestibule to culture)“ (p. 120). Намъ кажется, что эта мысль вложена Боккаччіо его новѣйшими критиками.

²⁾ Время составленія романа спорно. Körtling относитъ его къ 1340 (p. 563—564), Landau къ 1346—47 годамъ (p. 99). См. объ этомъ примѣчаніе Traversi I, p. 368. Corazzini къ 1344—50 (p. XXII). Подлинное заглавіе романа, по Ландау (p. 98),—*Elegia di Madonna Fiammetta da lei alle innamorate donne mandata*. Въ первомъ изданіи (Padua 1472) онъ озаглавленъ: *Iohannis Boccacii, viri eloquentissimi ad Fiammettam Panphyli amatricem libellus materno sermone editus*. О другихъ изданіяхъ см. Landau, p. 105; Zambrini, p. 109 и Traversi, p. 199. Рукописи у Mazz., p. 1356. У Moutier онъ раздѣленъ на 9 главъ. Критическій разборъ у Landau, p. 104 и Körtling, p. 554—558. Ср. De Sanctis, p. 316—318; Gaspari, 27 и слѣд.

³⁾ Очень хорошій анализъ романа съ этой точки зрѣнія даетъ Körtling, p. 554—556.

наибольше рѣзкое проявленіе одной изъ характернѣйшихъ чертъ гуманистическаго движенія. Интересно также живое и одушевленное описаніе прелестей деревенской жизни, къ которой чувствовали такое влеченіе гуманисты ¹⁾). Въ романѣ отразился далѣе чисто гуманистическій интересъ къ дѣйствительности: Боккаччіо почти съ пафосомъ описываетъ свадебныя торжества въ Неаполѣ ²⁾), морское купанье въ Байѣ ³⁾ и знаменитые „дворы любви“ ⁴⁾). Не лишены, наконецъ, интереса и автобіографическія данныя, хотя ихъ содержаніе встрѣчается и въ другихъ произведеніяхъ ⁵⁾).

Знаменитый Декамеронъ, который создалъ всемірную извѣстность Боккаччіо и весьма много повредилъ его моральной репутаціи, *какъ историческій источникъ*, имѣетъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ другія беллетристическія произведенія того же автора ⁶⁾). Прежде всего та сторона, которая составляетъ главное достоинство Декамерона, — типичное изображеніе реальной жизни, имѣетъ важное историческое значеніе ⁷⁾). Боккаччіо любитъ природу, интересуется жизнью

---

¹⁾ Fiam. C. V. p. 115—118.

²⁾ Ibid., p. 97—101; 109—112.

³⁾ Ibid., p. 91—95.

⁴⁾ Ibid., p. 106—107.

⁵⁾ Тосканецъ Панфило купеческій сынъ, котораго въ церкви встрѣтила Фіамметта и котораго удалила отъ нея воля отца, несомнѣнно самъ Боккаччіо. Cap. I. p. 8—10. Сцена счастливой любви въ 1-й главѣ (p. 48—52) имѣетъ значеніе для спорнаго вопроса о характерѣ отношеній между Боккаччіо и Маріей. См. объ этомъ Landau, p. 90; Körting, p. 559—563. Ср. Traversi, p. 365—368. Самый обстоятельный анализъ романа съ автобіографической точки зрѣнія у Crescini, p. 149 и слѣд. Онъ же отмѣтилъ вліяніе Овидія и Сенеки на Боккаччіо въ этомъ произведеніи. Ibid. p. 156 и слѣд.

⁶⁾ Время составленія Декамерона въ точности неизвѣстно. Traversi относитъ его къ 1348—53 (p. 523). См. также Körting, p. 673—675; Witte, p. 65 и слѣд. Къ объясненію его заглавія — Landau, p. 143. О рукописяхъ см. Landau, p. 143 и Körting, p. 645 и цитированныя обоими авторами сочиненія, а также Tobler, *Die Berliner Handschrift de Decameron. Berlin. 1887.* Изданія Manni, p. 627 и слѣд., Baldelli, p. 281 и слѣд., Witte, p. 79 и слѣд.; Landau, p. 146; Zabrinі, p. 31—146 и важныя дополненія у Traversi, p. 658 и слѣд. См. также Ugo Foscolo, *Discorso storico sul testo del Decamerone. Lugano 1828.*

⁷⁾ Автобіографическаго матеріала мало въ Декамеронѣ, и встрѣчающіеся тамъ намеки очень неопредѣленны и не прибавляютъ почти вичего новаго къ фактической біографіи автора. Правда, тамъ появляются Фіамметта и Панфило; но въ противоположность роману, здѣсь ея благорасположеніемъ пользуется Дионео, подъ которымъ, по мнѣнію Landau, скрывается авторъ (Landau, p. 132). Ср. Crescini, Contribuito, p. 250 и слѣд.

и умѣть ее наблюдать. Знаменитое описаніе „черной смерти“ критики не только сравниваютъ съ Фукидидовымъ, но многіе ставятъ даже гуманиста выше классика ¹⁾. Попытка Манни найти историческую основу въ новеллахъ Боккаччіо не можетъ быть названа вполне удачною; но огромное большинство его рассказовъ, откуда бы ни былъ заимствованъ ихъ сюжетъ ²⁾, воспроизводятъ мѣстную жизнь и мѣстные нравы. „Эти новеллы, — говоритъ Кёртингъ, — представляютъ богатый и достовѣрный культурно-историческій матеріалъ; по нимъ можно изучать итальянскія и специально флорентійскія частныя древности“ ³⁾. Болѣе того, высокая художественность Декамерона даетъ возможность проникнуть глубже внѣшняго быта тогдашнихъ флорентійцевъ, въ ихъ внутреннюю жизнь, изображенную безъ прикрасъ, въ ея повседневной ординарности ⁴⁾. Но этой стороной новеллы Боккаччіо являются важнымъ источникомъ для культурной исторіи вообще; въ частности для характеристики ранняго гуманизма гораздо важнѣе „философія“ Декамерона и ея приложеніе къ политикѣ и религіи.

Ключомъ къ объясненію почти всего міросозерцанія Боккаччіо, по скольку оно выразилось въ Декамеронѣ, можетъ служить введеніе къ IV дню. Оправдываясь отъ возможныхъ обвиненій въ чрезмерной любви къ женщинамъ и въ излишнемъ стремленіи имъ нравиться, Боккаччіо рассказываетъ новеллу о флорентійскомъ отшельникѣ Бальдуччи, который держалъ своего сына до 18-лѣтняго возраста въ полномъ удаленіи отъ міра и потомъ взялъ съ собою во Флоренцію. Молодой человѣкъ остался сравнительно равнодуш-

---

¹⁾ См. *Traversi, Raffronto fra la peste di Tucidide, di Lucrezio e di Giovanni Boccaccio* (Въ Propugnatore 1881. Disp. 2-е 3). Ср. Witte, p. 70.

²⁾ Обзоръ важной и интересной литературы объ источникахъ Декамерона не входитъ въ нашу задачу. Я пользуюсь въ отдѣльныхъ случаяхъ, кромѣ Manni и Witte, *Landau, Die Quellen de Decameron. II Auflage Stuttgart 1884*, и *Cappeletti, Osservazioni storiche e letterarie e notizie sulle fonti del Decamerone*. (Въ Propugnatore 1883 и 1884). Книга *Bartoli, I precursori del Boccaccio ed alcune delle sue fonti. Firenze 1876* мнѣ осталась неизвѣстной.

³⁾ Körtling I. c., p. 659.

⁴⁾ Противопоставляя Декамеронъ, Человѣческую Комедію, Божественной комедіи Данте, Сэймондсъ замѣчаетъ: „трудно рѣшить, которая изъ двухъ драмъ вѣрнѣе и которой изъ двухъ поэтовъ крѣпче держится реальности“. У Боккаччіо, по его словамъ, „міръ, какъ міръ, плоть, какъ плоть, природа, какъ природа, безъ внимательства духовныхъ агентовъ, безъ отношенія къ идеальной сферѣ“ (I. c. p. 105). Объ отношеніи Боккаччіо къ дѣйствительности см. *Ginguené III*, p. 85 и слѣд.

нымъ къ невиданному великолѣпію богатаго города; но встрѣча съ женщинами произвела на него сильное впечатлѣніе. Напрасно отецъ приказывалъ ему опустить глаза, потому что это „*mala cosa*“; напрасно старикъ, не желая произносить слова „женщина“, сказалъ сыну, что встрѣтившіяся существа называются гусенятами. Юноша не повѣрилъ отцу, что это „*mala cosa*“, и усердно упрашивалъ взять съ собою одного „гусенка“, котораго онъ будетъ кормить у себя въ пещерѣ. „Не хочу, сказалъ ему отецъ; ты не знаешь, чѣмъ они питаются“, и съ неудовольствіемъ почувствовалъ, что природа имѣетъ болѣе силы, чѣмъ его разумъ“¹⁾. Изъ этого разсказа Боккаччіо выводитъ поученіе своимъ порицателямъ. Если женщины болѣе всего понравились „юношѣ неразвитому (*senza sentimento*)“, почти „лѣсному животному“, то что же удивительнаго, говоритъ Боккаччіо женщинамъ, „если вы нравитесь мнѣ, тѣло котораго Небо создало вполне способнымъ къ любви, а свой духъ я направилъ къ вамъ съ самаго дѣтства, чувствуя силу вашихъ свѣтлыхъ взоровъ, прелесть медоточивыхъ словъ, пламя, возбуждаемое вашими любвеобильными (*pietosi*) вздохами?“ „Несомнѣнно, заключаетъ Боккаччіо, только тотъ будетъ порицать меня, кто не понимаетъ и не знаетъ наслажденія и силы чувствъ, вложенныхъ въ насъ природою, и поэтому не любитъ васъ и не желаетъ быть вами любимымъ. А такія порицанія меня мало беспокоятъ“²⁾. Итакъ, любовь, по Боккаччіо, высочайшее наслажденіе и великая сила, потому что она вложена въ человѣка самою природою. Авторъ не отрицаетъ возможности вести борьбу съ этимъ естественнымъ стремленіемъ; но такая борьба представляется ему крайне непривлекательной и почти безплодной. „Для желанія сопротивляться законамъ природы, говоритъ онъ, нужны слишкомъ большія силы, и тѣ, которые пытаются дѣлать это, часто трудятся не только напрасно, но даже съ огромнѣйшимъ вредомъ для себя. Я признаюсь, что такихъ силъ у меня нѣтъ и имѣть ихъ я не желаю; а если бы онѣ у меня были, то я скорѣе предоставилъ бы ихъ кому-нибудь другому, чѣмъ приложилъ бы къ самому себѣ. Поэтому пусть молчатъ мои хулители и, если они не могутъ согрѣться, то пусть живутъ съ своимъ холодомъ, съ своими наслажденіями или даже съ своими извращенными

---

¹⁾ *Il Decameron di messer Giovanni Boccacci riscotraio cò migliori testi e postillato da Pietro Fanfani. V. I. Firenze 1857. p. 306.* Объ источникахъ новеллы см. Landau l. c. p. 171 и Cappelletti, Propugn. XVII, p. 345 и слѣд.

²⁾ У Fanfani I, p. 306—307.

стремленіями, и пусть оставляют мнѣ мои радости, предоставленныя намъ въ этой короткой жизни“¹⁾. Этотъ смѣлый и рѣшительный протестъ противъ аскетизма—характерный признакъ времени²⁾. За естественной наклонностью личности, которая считалась грѣхомъ въ Средніе вѣка, не только признано право на существованіе, но и борьба съ ней объявлена дѣломъ по меньшей мѣрѣ бесполезнымъ и даже вреднымъ. Введеніе въ 4-й день Декамерона—панегерикъ не только чело-вѣческому духу, но даже и плоти, и большая часть новеллъ представляеть собою иллюстрацію къ этому панегирику, триумфъ любви надъ церковью, надъ сословнымъ строемъ, надъ социальными отношеніями, т.-е. триумфъ не только духа, но и плоти, и плоти иногда болѣе, чѣмъ духа³⁾. Нѣкоторые изъ новыхъ критиковъ склонны видѣть въ Декамеронѣ проповѣдь распущенности⁴⁾. „Декамеронъ, говоритъ Сэймондсъ,—бессознательный бунтъ противъ всей средневѣковой доктрины. Подобно всякой сильной реакціи онъ не удовлетворяется оппозиціей крайностямъ оспариваемаго воззрѣнія: вмѣсто отрицанія аскетизма, онъ устанавливаетъ распущенность (licence)“⁵⁾. Съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться. Подобной проповѣди мы не находимъ ни въ одной новеллѣ⁶⁾; рассказъ о маркизѣ Монферратской (I, 5), о женѣ Bernabò da Genova (II, 9) показываютъ, что авторъ цѣнитъ супружескую вѣрность, разъ нѣтъ достаточныхъ, по его мнѣнію, основаній для ея нарушенія. Но физическія потребности чело-вѣческой природы оправдываютъ съ его точки зрѣнія нарушеніе всѣхъ преградъ, поставленныхъ религіей и моралью. Новеллъ такого содержанія очень много; но особенно характерны въ этомъ отношеніи разсужденія жены Риччардо-да-Кинцика, которая не пожела-ла вернуться къ мужу отъ похитившаго ее Паганино-да-Монако (II, 10). Не слѣдуетъ думать однако, что Бокаччіо сводитъ любовь къ простому чувственному наслажденію: для него она великая мо-ральная и культурная сила. Въ новеллахъ четвертаго дня любовь

¹⁾ Ibid. p. 309.

²⁾ Эта черта превосходно формулирована у Quinet, l. c. p. 144.

³⁾ См. напр. разсужденіе женщинъ въ V, 10 и всю эту новеллу.

⁴⁾ По словамъ Symonds'a Boccaccio celebrates the apotheosis of natural appetite of il talento, stigmatised as sin by ascetic Christianity, l. c. p. 106. Объ отношеніи Бокаччіо къ любви см. De Sanctis, p. 331, 336 -- 337; Gaspari, p. 55.

⁵⁾ Ibid., p. 106.

⁶⁾ Поводъ къ такому выводу можетъ подать 7 новелла 2-го дня; но она ничего не проповѣдуетъ, а только констатируетъ фактъ.

часто сильнѣе жизни ¹⁾; въ новеллѣ о Чимоне (V, 1)—она дѣлаетъ колоссальный переворотъ въ героѣ, превращаетъ его изъ полувѣра въ совершенно культурнаго человѣка ²⁾.

Подчеркивая могущество любви, которая считалась грѣхомъ средневѣковой церковью, оправдывая ея средства, запрещаемыя моралью ³⁾ и сословными отношеніями, Боккаччіо не могъ не замѣтить рѣзкаго противорѣчія своихъ взглядовъ съ господствующими воззрѣніями. Но это нисколько не парализовало его литературныхъ стремленій: онъ рѣшительно, хотя и косвенно, протестуетъ противъ грѣховности не только глубокой любви, но и простого чувственнаго влеченія. Боккаччіо заимствовалъ сюжетъ 8-й новеллы 5-го дня изъ аскетическаго источника, гдѣ рассказывается, какъ наказана была женщина за убійство мужа изъ-за любви къ другому; въ Декамеронѣ сохранено наказаніе, но оно налагается за жестокость къ влюбленному ⁴⁾. Не менѣе характерна въ этомъ отношеніи 2-я новелла 2-го дня. Ринальдо д'Асти имѣлъ обычай, выходя изъ гостиницы во время своихъ странствованій, читать *un paternostro* и *una ave maria* за душу родителей св. Джуліано. Однажды на дорогѣ его ограбили разбойники, и ему приходилось провести безъ крова холодную ночь. Тогда Ринальдо началъ „жаловаться на св. Джуліано, говоря, что это не соотвѣтствуетъ его вѣрѣ въ святого. Но св. Джуліано обратилъ на него вниманіе и безъ большого замедленія приготовилъ ему хорошій ночлегъ“ ⁵⁾. Благочестивый купецъ попалъ къ веселой дамѣ, гдѣ провелъ полную наслажденій ночь и получилъ обильные подарки. На другой день „Ринальдо, благодаря Бога и св. Джуліано, сѣлъ на коня и здоровымъ благополучно вернулся домой“ ⁶⁾. Въ коротенькомъ введеніи къ новеллѣ Боккаччіо подчер-

---

¹⁾ IV, 6, 8, 9 и въ особенности 5. См. также лирическое отступленіе въ 7-й новеллѣ этого дня. (Fanf. I, 360—361).

²⁾ *Fr. Schlegel* считаетъ „Veredelung der rohen männlichen Jugendkraft durch die Liebe“ сущностью Декамерона, которая выражена еще въ *Ninfale Fiesolano* (*Nachricht von den poetischen Werken des Johannes Boccaccio 1801*. Въ X томѣ *Sämmtliche Werke*. Wien 1825, p. 35). Не трудно показать, что содержаніе Декамерона гораздо шире этой темы.

³⁾ Особенно характерно въ этомъ отношеніи разсужденіе *Ricciardo Minutolo* въ утѣшеніе обманутой женщины (III, 6, у *Fanfani I*, p. 253—254). Ср. *Fanfani I*, p. 236.

⁴⁾ См. *Landau*, p. 282 и приведенная тамъ литература. *Carrel*. I. с. p. 370 и слѣд. *Gasparu II*, p. 64—66.

⁵⁾ *Fanfani I*, p. 89.

⁶⁾ *Ibid.*, p. 93.

киваетъ ея религіозную окраску ¹⁾, и разсказъ можетъ показаться съ перваго взгляда самой кощунственной насмѣшкой надъ плодотворной молитвой. Но наивный искренній тонъ новеллы дѣлаетъ невѣроятнымъ такое предположеніе ²⁾.

Возставая противъ одной и весьма крупной стороны аскетическаго идеала, Боккаччіо необходимо долженъ былъ столкнуться съ монашествомъ. Коренного, принципиальнаго, такъ сказать, этико-философскаго отрицанія монашества мы не находимъ въ Декамеронѣ. Боккаччіо часто и охотно изображаетъ нарушеніе монахами обѣта цѣломудрія, но относится къ этому спокойно, безъ особеннаго раздраженія, а иногда даже съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Введеніе къ разсказу о Мазетто-да-Лапореккіо (III, 1) представляетъ искреннюю защиту этого нарушенія, а его заключеніе, весьма кощунственное по формѣ, возбуждаетъ сомнѣніе въ самой грѣховности паденія ³⁾. Но и въ этой новеллѣ, одной изъ самыхъ циничныхъ въ Декамеронѣ, Боккаччіо не отрицаетъ принципиально монашество: склоняясь къ грѣху, юная монахиня заявляетъ, что въ ихъ средѣ найдутся и вѣрныя обѣту дѣвственности ⁴⁾. Такой же смыслъ имѣетъ новелла объ отшельникѣ Рустикѣ (III, 10): въ Эивайдской пустынѣ нашелся благочестивый монахъ, который устоялъ передъ красавицей Алибекъ, и Боккаччіо называетъ его—*valente uomo*, но нисколько не осуждаетъ и изобрѣтательнаго Рустика. Не подлежитъ сомнѣнію, что противорѣчіе дѣйствительности съ обѣтомъ давало обильный матеріалъ для забавныхъ исторій, но Боккаччіо, вѣрный культу любви и природы, добродушно смѣется даже надъ злоупотребленіями религіей ради удовлетворенія естественной потребности. Монахи платятся за свою неловкость, а не за нарушеніе обѣта. Аббатъ въ 8-й новеллѣ 3-го дня продѣлалъ кощунственную жестокость съ глуповатымъ ревнивцемъ Ферондо; но аббатъ былъ „монахъ весьма святой во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ отношенія къ женщинамъ“,

¹⁾ *A raccontarsi mi tira una novella di cose catoliche e di sciagure e d'amore in parte mescolata... Chi non ha detto il paternostro di San Giuliano spesse volte, ancora che abbia buon letto, alberga male. Ibid. p. 86.*

²⁾ См. также замѣчательный выводъ изъ 7-й новеллы 4-го дня. *Fanf. I, 360—361. Cp. VII, 10.*

³⁾ Старый Мазетто, богатый и довольный, заявляетъ, *che così trattava Cristo chi gli poneva le corna sopra 'l cappello. Fanfani, I, p. 219. Baldelli*, весьма сочувственно расположенный къ Боккаччіо, упрекаетъ его за эту выходку, а *Symond's*, замѣчая, что *Christ himself is scoffed at in a jest which points the most indecent of these tales*, преувеличиваетъ ея значеніе.

⁴⁾ *Fanf., p. 216.*

и Боккаччо сибѣтся не надъ нимъ, а надъ грубымъ и глупымъ Ферондо. Точно такъ же въ 4-й новеллѣ того же дня авторъ осмѣиваетъ не монаха Феличе, а обманутаго имъ ханжу Пучччо ¹⁾. Иногда Боккаччо вставляетъ въ рассказы о любовныхъ похожденияхъ монаховъ лирическія выходки противъ ихъ пороковъ; но и здѣсь онъ упрекаетъ ихъ не за нарушение обѣта, о которомъ идетъ рѣчь въ новеллѣ, а вообще за лицемѣріе и за общій упадокъ нравовъ. Въ 3-ей новеллѣ 7-го дня ловкому Ринальдо противопоставляются свв. Францискъ и Доминикъ ²⁾, хотя тонъ рассказа, весьма сочувственный находчивому монаху, совершенно не соотвѣтствуетъ благочестивому отступленію. Инымъ характеромъ отличается 2-я новелла 4-го дня: неудачныя любовныя похождения брата Альберто, который наряжался для этого архангеломъ Гавриломъ, рассказаны съ нѣкоторымъ злорадствомъ и хорошо иллюстрируютъ рѣзкую выходку противъ монашескаго лицемѣрія. Но принципиальнаго отрицанія монашества и здѣсь нѣтъ: Альберто въ міру былъ „человѣкъ преступной и развратной жизни“; такимъ же остался въ монашествѣ и потерпѣлъ за свои подвиги достойное наказаніе отъ своего начальства ³⁾.

Тонъ Боккаччо становится гораздо рѣзче, когда онъ говоритъ о другихъ сторонахъ монашеской жизни. Миноритъ-инквизиторъ, притворявшійся „святимъ и сердечно привязаннымъ къ христіанской вѣрѣ, какъ всѣ дѣлаютъ, былъ не менѣе хорошимъ изслѣдователемъ, у кого полонъ кошелекъ“ ⁴⁾. Это рѣзкое отношеніе достигаетъ высшей степени, когда монахи являются преградой любви. Съ этой точки зрѣнія представляетъ особый интересъ 7-я новелла 3-го дня. Тедальдо-дельи-Элизей и Эрмеллина, жена Альдобрандино Палермини, любили другъ друга; но монахъ на исповѣви запугалъ женщину загробными муками, и она рѣшила отказаться отъ своей грѣховной любви. Результатомъ отказа былъ цѣлый рядъ несчастій, между прочимъ осужденіе на смертную казнь ни въ чемъ неповин-

---

¹⁾ Пучччо, по мнѣнію Боккаччо, заслужилъ свою участь, потому что когда его жена sarebbe voluta dormire o forse scherzar con lui, egli le raccontava la vita di Cristo e le prediche di frate Nastagio, o il lamento della Maddalena, o così fatte cose. Fanfani I, p. 236.

²⁾ Fanfani II, p. 135—136.

³⁾ Остальныя двѣ новеллы о любовныхъ похожденияхъ монаховъ (I, 4 и IX, 2) не представляютъ интереса. То же самое можно сказать о X, 2, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является abate di Cligni.

⁴⁾ I, 6. Fanf., I, p. 59.

наго Альдобрандино. Смысль новеллы и самъ по себѣ совершенно ясенъ; но Боккаччо счелъ необходимымъ еще болѣе подчеркнуть свою основную мысль и для этой цѣли вложилъ въ уста Тедалдо длинную рѣчь, весьма интересную въ культурно-историческомъ отношеніи, хотя она и вредитъ художественности новеллы. Тедалдо доказываетъ, что „единственный грѣхъ“ Эрмеллины—ея отказъ отъ любви и что убѣдившій ее монахъ совершилъ „разбой и неприличное дѣло (*gubergia e sconvenevole cosa*)“. „Положимъ, говоритъ онъ, что монахъ, порицавшій васъ, правъ, т.-е., что нарушеніе супружеской вѣрности великій грѣхъ, но развѣ не болѣе оградить челоуѣка?... Близкія отношенія мужчины и женщины—грѣхъ натуральный; грабить, убивать, отправлять въ изгнаніе—это производитъ испорченная воля (*da malvagità di mente procede*)“¹⁾. Эрмеллина отняла у Тедалдо свою любовь, вынудила его уйти съ родины, и „божественное правосудіе, которое по справедливости приводитъ всѣ дѣйствія къ ихъ результатамъ, не хотѣло оставить безнаказаннымъ этотъ грѣхъ“²⁾.

Но Боккаччо не ограничивается опроверженіемъ того, что говорилъ монахъ Эрмеллинъ на исповѣди: онъ вообще характеризуетъ все современное монашество. По его мнѣнію, „величайшая забота“ и „главное занятіе“ современныхъ монаховъ—обманывать „вдовъ и многихъ другихъ глупыхъ женщинъ, а также и мужчинъ“; они стремятся исключительно „къ женщинамъ и богатствамъ“³⁾. Боккаччо выступаетъ далѣе противъ того ученія, которое проповѣдуютъ монахи. „Теперешніе монахи, говоритъ онъ, желаютъ, чтобы вы поступали по ихъ словамъ, т.-е., чтобы вы наполняли ихъ кошельки деньгами, повѣряли имъ свои секреты, соблюдали чистоту, обладали терпѣніемъ, прощали обиды, воздерживались отъ дурныхъ словъ,— все это дѣла добрыя, благородныя, святыя. Но почему же должно такъ поступать? Почему монахи могутъ дѣлать то, чего не могли бы дѣлать, если бы были свѣтскими людьми? Кто не знаетъ, что безъ денегъ не можетъ существовать лѣности. Если ты будешь тратить деньги на свои удовольствія, то монахъ не будетъ въ состояніи предаваться праздности въ своемъ монастырѣ; если ты будешь ухаживать за женщинами, то среди нихъ не будетъ мѣста монаху; если ты будешь обладать терпѣніемъ и прощать обиды, монахъ не осмѣлится прійти въ твой домъ и загрязнить твою семью... И такъ,

¹⁾ Ibid. p. 263.

²⁾ Ibid. p. 264.

³⁾ Ibid. p. 262.

заключаетъ Боккаччіо, будемъ ли мы слушаться такихъ людей? *Кто это дѣлаетъ, пусть дѣлаетъ, что хочетъ; но Богъ знаетъ, поступаетъ ли онъ разумно*“¹⁾). Этотъ выводъ изъ самой радикальной въ Декамеронѣ выходки противъ монашества чрезвычайно характеренъ. Боккаччіо не въ силахъ выйти изъ средневѣкового міросозерцанія, не умѣетъ найти твердой почвы для своего протеста противъ аскетизма и все сводитъ къ современному упадку церковныхъ нравовъ. Въ своей проповѣди противъ монашества онъ не отрицаетъ самаго учрежденія. Теперешніе монахи плохи, а прежніе были *santissimi e valenti uomini* и „заботились о спасеніи людей“²⁾). Возвращаясь къ этому вопросу въ концѣ Декамерона, Боккаччіо отдѣлывается саркастической шуткой: „есть монахи — хорошіе люди, которые изъ любви къ Богу избѣгаютъ хлопотъ (*il disagio*), мелютъ запруженной водой“³⁾ и ничего не отрицаютъ, и если бы отъ всѣхъ нихъ не пахло немного козломъ, то имѣть съ ними дѣло было бы много пріятнѣй“⁴⁾). Совершенно такъ же относится Боккаччіо къ духовенству. „Мнѣ приходитъ въ голову рассказать вамъ новеллету, говоритъ Панфило въ началѣ 2-й новеллы 8-го дня, противъ тѣхъ, которые постоянно насъ оскорбляютъ и не могутъ подвергнуться такому же оскорбленію съ нашей стороны, именно противъ священниковъ, которые идутъ крестовымъ походомъ на нашихъ женъ, и когда они подчиняютъ себѣ какую-нибудь изъ нихъ, то думаютъ, что точно такъ же пріобрѣли освобожденіе отъ грѣха и наказанія, какъ если бы привели связаннымъ султана изъ Александріи въ Авиньонъ“⁵⁾).

Не болѣе глубоко идетъ отрицаніе Боккаччіо и другихъ сторонъ католической церкви. Злоупотребленіе таинствами и священными предметами, столь распространенное въ его время, давало обильные сюжеты для веселыхъ разсказовъ, и Боккаччіо не стѣсняется непри-
нужденно смѣяться надъ тѣмъ, что въ благочестивомъ чело-
вѣкѣ вы-
звало бы негодованіе. Но эта насмѣшка никогда не доходитъ до
философскаго отрицанія. Глубже всего поставленъ вопросъ въ извѣст-

¹⁾ Ibid. p. 263. Косвенную иллюстрацію этого вывода составляетъ весьма характерная по тону 1-я новелла VII дня.

²⁾ Ibid. p. 261—262.

³⁾ *Maccinare a raccolta* Валентинелли переводитъ *selten aber desto kräftiger den Beischlaf vollziehen*.

⁴⁾ *Fanfani*, II, 434.

⁵⁾ Ibid., p. 194. Самый разсказъ и другія новеллы, гдѣ фигурируютъ духовныя особы (VI, 3, VIII, 4), не представляютъ интереса.

ной новеллѣ о трехъ кольцахъ (I, 3), которая послужила предметомъ долгихъ споровъ. До начала нынѣшняго столѣтія весьма многіе писатели ¹⁾ считали возможнымъ на основаніи этого разсказа признать Боккаччіо авторомъ извѣстнаго памфлета *De tribus impostoribus*. Пламенный защитникъ не только ортодоксальности, но и благочестія Боккаччіо, прелатъ Боттари утверждалъ, наоборотъ, что разсказъ о кольцахъ вложенъ въ уста еврею съ тою цѣлью, чтобы показать особое нечестіе выраженнаго въ немъ взгляда ²⁾. Въ новое время нѣкоторые изслѣдователи думаютъ усмотрѣть въ новеллѣ проповѣдь религиозной терпимости въ духѣ Лессингова Натана ³⁾. Но разсказъ Боккаччіо не оправдываетъ ни одной изъ этихъ гипотезъ: для автора Декамерона анекдотъ несимпатичнаго ему еврея не иное что, какъ остроумное средство выйти изъ затруднительнаго положенія. Боккаччіо, заимствовавши эту новеллу изъ предшествующей литературы, во многихъ отношеніяхъ измѣнилъ свой источникъ, но не придалъ ему ни одного изъ приписываемыхъ критиками отгѣнговъ ⁴⁾: новелла остается чисто эпическимъ разсказомъ.

Гораздо характернѣе для религиозныхъ воззрѣній Боккаччіо новелла объ обращеніи въ христіанство еврея Авраама (I, 2). Высшее духовенство и самъ папа, т.-е. то, что въ Средніе вѣка преимущественно обозначало церковь, изображены здѣсь въ ужасающихъ краскахъ ⁵⁾, которыя вполнѣ оправдываютъ опасеніе купца, что Авраамъ, ознакомившись съ Римомъ, „не только не сдѣлается изъ еврея христіаниномъ, но если бы даже онъ уже принялъ христіанство, то несомнѣнно вернется къ іудейству“ ⁶⁾. Но самая испорченность духовенства изображена въ новеллѣ только для доказательства божественности христіанства, и еврей приходитъ къ заключенію, что „Св. Духъ—фундаментъ и поддержка христіанства, какъ религіи истинной и болѣе святой, чѣмъ всякая другая“ ⁷⁾. Боккаччіо не дѣлаетъ дальнѣйшихъ выводовъ изъ этого контраста между святостью божественности и испорченностью ея носителей.

¹⁾ Ихъ имена переведены у Baldelli, p. 330.

²⁾ Ibid.

³⁾ Von Boccaccio hat Lessing die herrliche Erzählung Nathan's des Weisen von den drei Ringen entlehnt, говоритъ Hettner, und Boccaccio selbst macht schon die Anwendung dieser Erzählung auf die Forderung religiöser Duldsamkeit (l. c. p. 47). Ср. Ginguéné III, 123. Ср. Cappelletti, *Studi sul Decamerone. Parma 1880* p. 16.

⁴⁾ См. Landau, *Die Quellen*, p. 183 и слѣд.

⁵⁾ Fanfani, I, p. 47.

⁶⁾ Ibid. p. 46.

⁷⁾ Ibid. p. 42.

ственной религии и испорченностью „церкви“, какъ ее тогда понимали, и его отрицаніе не глубже отрицанія тѣхъ благочестивыхъ католиковъ, которые требовали новаго вина для старыхъ мѣховъ. Авторъ Декамерона остается истиннымъ сыномъ старой церкви и только скорбитъ о ея порокахъ или осмѣиваетъ ея недостатки. Такимъ же характеромъ отличаются тѣ новеллы, въ которыхъ идетъ рѣчь о культѣ святыхъ, о таинствахъ, о реликвіяхъ и чудесахъ въ католической церкви. На первомъ мѣстѣ между ними слѣдуетъ поставить новеллу о Чаппеллетто (I, 1), гдѣ Боккаччіо рассказываетъ, какъ „самый дурной человѣкъ, какой когда-либо рождался“, благодаря ложной исповѣди передъ смертью, былъ признанъ святымъ, и на его могилѣ происходили чудеса ¹⁾. Авторъ не хотѣлъ оставить безъ объясненія этого замѣчательнаго факта и прибавилъ къ новеллѣ весьма характерное введеніе и заключеніе. Она рассказана, чтобы „укрѣпить нашу надежду на Бога, какъ Существо неизмѣняемое, чтобы мы всегда прославляли Его имя“ и были бы увѣрены, что милость Божія „вызывается не какою-нибудь нашей заслугой, но Его собственной благодатью“ ²⁾. Боккаччіо не считаетъ невозможнымъ, что Чаппеллетто въ самый моментъ смерти искреннимъ сокрушеніемъ о грѣхахъ снискалъ милосердіе Божіе; но это божественная тайна, и для человѣческаго разума кажется болѣе правдоподобнымъ, что Чаппеллетто попалъ въ руки дьявола, что нисколько не уничтожаетъ дѣйствительности молитвъ къ этому мнимому праведнику. „Если это такъ“, говоритъ Боккаччіо, „то изъ этого мы можемъ познать, какъ велика къ намъ благодать Божія, которая, обращая вниманіе не на наше заблужденіе, а на чистоту вѣры, выслушиваетъ насъ, дѣлая нашимъ посредникомъ своего врага, считая его своимъ другомъ, точно такъ же, какъ если бы мы прибѣгали къ истинному святому“ ³⁾. Въ этой новеллѣ, гдѣ особенно подчеркивается важность вѣры для снисканія благодати, Боккаччіо остается однако прежнимъ католикомъ и въ введеніи усердно проповѣдуетъ то вѣрованіе ⁴⁾, которое, повидимому,

---

¹⁾ Уже Манни (р. 146) доказывалъ, что Ciappelletto дѣйствительное лицо. Paoli напечаталъ *Documenti di ser Ciappelletto* (Giorn. stor. d. litt. ital. V, р. 329). Наболѣе подробный комментарий у *Silvio Pellini, Una novella del Decamerone. Pavia 1887.*

²⁾ Fanfani I, р. 28.

³⁾ Ibid. р. 43. Та же мысль проводится въ введеніи: *Богъ, al quale niuna cosa è occulta, più alla purita del pregator riguardando che alla sua ignoranza o allo esilio del pregato, così come se quegli fosse nel suo cospetto beato, esaudisce coloro che'l priegano* (Ibid. р. 29).

⁴⁾ Ibid. р. 28—29.

осмѣивается въ самомъ разсказѣ. Другіе разсказы, въ которыхъ осмѣиваются ложныя чудеса (II, 1), злоупотребленіе ученіемъ о чистилищѣ (III, 8), реликвіями (VI, 10) и тайнствами (III, 3), характерны больше по тону, чѣмъ по философскому смыслу содержанія. Они ясно показываютъ, что въ эпоху Декамерона вполне исчезло то мистическое благоговѣніе передъ внѣшней стороною религіи, которое столь характерно для старой церкви. Новелла о братѣ Чиполла, который хотѣлъ показать перо архангела Гавріила (VI, 10), представляетъ собою такое безпощадное осмѣяніе злоупотребленія вѣрованіемъ, которое можетъ поколебать и самыя его основы. Еще характернѣй выводъ, который дѣлаетъ авторъ изъ 3-й новеллы 3-го дня. Тамъ разсказывается, какъ одна влюбленная женщина воспользовалась простодушіемъ монаха и, посредствомъ ловко обдуманной систематической лжи на исповѣди, достигла своихъ любовныхъ цѣлей. Новелла представляетъ самое циническое поруганіе тайнства, а Боккаччіо, не замѣчая этого, подчеркиваетъ совершенно другую ея сторону. „Я хочу вамъ разсказать шутку, говоритъ Филомена въ началѣ этой новеллы, которую сыграла одна красивая женщина съ важнымъ монахомъ, и мой разсказъ тѣмъ болѣе долженъ понравиться всякому свѣтскому человѣку, что монахи, будучи по большей части весьма глупы и отличаясь нелѣпыми нравами и манерами, думаютъ, что они во всякомъ дѣлѣ болѣе знаютъ и имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ другіе“ ¹⁾. Если нѣкоторые изъ позднѣйшихъ читателей Декамерона, дѣлая логическій выводъ изъ иныхъ новеллъ, объявляли Боккаччіо предшественникомъ Лютера, то ихъ ошибка заключалась въ томъ, что они приписывали автору веселыхъ разсказовъ болѣе философской вдумчивости и религіозной глубины, чѣмъ у него было. Настроеніе Боккаччіо разрушало аскетическое міросозерпаніе и основанный на немъ средневѣковой католицизмъ, но онъ не былъ въ состояніи философски обосновать и даже стройно формулировать свои потребности и просто не замѣчалъ своего коренного протеста противъ самыхъ основъ средневѣковой церкви.

Нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей пытаются свести все міросозерпаніе Декамерона къ буржуазнымъ нравамъ, воззрѣніямъ и стремленіямъ. „Геній Декамерона, говоритъ Кине,—это геній буржуазныхъ республикъ Тосканы, тѣхъ *popolani grassi*, которые все сводили къ пропорціямъ своихъ коммунъ... Боккаччіо не оставляетъ ни одному замку незапятнаннаго знамени, ни одной фамиліи ея пре-

---

¹⁾ Ibid. p. 225.

стижа, ни одному имени его реального или химерического величія. Онъ настоящій революціонеръ, не желая этого, потому что уничтожаетъ феодализмъ въ фантазіи (*dans les imaginations*) и въ поэзіи устанавливаетъ равенство въ смѣшномъ между славными традиціями (*dans les gloires*) всѣхъ сословій. Самыя гордыя воспоминанія феодальной эпопеи должны склоняться подъ той же самой проницей и низойти до прозы точно такъ же, какъ въ реальной жизни благородные дворяне (*chatelains*) Италіи вынуждены спуститься изъ своихъ замковъ на утесахъ, чтобы записаться въ книгу коммунъ вмѣстѣ съ ткачами и чесальщиками шерсти. Кто можетъ отрицать республиканскій и демократическій характеръ Декамерона? Онъ написанъ тамъ на каждой страницѣ¹⁾. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и Сэймондсъ, только онъ пытается устранить голословность аналогичныхъ воззрѣній. „Всѣ сферы средневѣкового энтузіазма подвергнуты пересмотру и критикѣ съ точки зрѣнія флорентійской *bottega* и *riazza*“, говоритъ онъ и приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ, страдающихъ крайней произвольностью. Такъ, „новелла объ Агилульфѣ (III, 2), по его мнѣнію, вульгаризуетъ рыцарское понятіе о любви, облагораживающей человѣка незнатнаго происхожденія“, хотя, кромѣ имени, въ этомъ разсказѣ ничто не напоминаетъ рыцарства. Еще менѣе можно согласиться съ утвержденіемъ Сэймондса, что „Танкреди (IV, 1) экстравагантностью мести дѣлаетъ смѣшнымъ (*burlesques*) рыцарское уваженіе къ незапятнанному фамильному гербу“. Прежде всего эта новелла ничего не осмѣиваетъ; она вовсе не сатира, а настоящая драма, въ основаніи которой лежитъ столкновеніе двухъ различныхъ міросозерцаній, при чемъ авторъ не отказывается въ нѣкоторомъ сочувствіи и представителю старыхъ воззрѣній, несмотря на его жестокость²⁾. Правда, въ новеллѣ обнаруживается демократическое настроеніе, но этотъ демократизмъ, какъ мы увидимъ, выходитъ не изъ флорентійской *bottega* и покоится на болѣе широкомъ основаніи, чѣмъ флорентійская *riazza*. Къ этому же источнику сводитъ Сэймондсъ новеллу о еивайдскомъ отшельникѣ, которая будто бы „осмѣиваетъ аскетическую мечту о чистотѣ и самоотреченіи ради служенія Богу“, и разсказъ о Чаппеллетто, выражающій будто бы „презрѣніе къ канонизаціи святыхъ“. „Исповѣдь, почитаніе реликвій, священство, монашескіе ордена подвергаются самой губительной насмѣшкѣ (*the deadliest persiflage*)“³⁾.

1) Quinet, Les révolutions d'Italie, p. 145—146.

2) Ср. De Sanctis, p. 335—336.

3) Symonds, Italian Literature, p. 112.

Выше мы видѣли, какъ глубоко идетъ отрицаніе Боккаччіо въ этой сферѣ; но какъ ни истолковывать его сатиру, она во всякомъ случаѣ гораздо шире городской исключительности.

Но если міросозерцаніе Декамерона нельзя свести къ площадной насмѣшкѣ флорентійскаго горожанина надъ всѣмъ, что выходитъ изъ круга его понятій, тѣмъ не менѣе демократическая струя замѣтно обнаруживается во многихъ новеллахъ. Въ основѣ этого демократизма, совершенно чуждаго политическаго характера, лежитъ признаніе правъ личности, законныя или, правильнѣе говоря, естественныя стремленія которой не подлежатъ никакимъ сословнымъ ограниченіямъ. Сюда относится прежде всего любовь: преграды, полагаемыя ей сословными расчетами—все равно, дворянскими или купеческими, неизбежно ведутъ къ несчастію. Но Боккаччіо не останавливается и передъ специальными выходками противъ средневѣковой знати, въ которыхъ опредѣленно формулируетъ свою рѣзко индивидуалистическую точку зрѣнія. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи рѣчь дочери Танкреди. Отвѣчая отцу, упрекавшему ее за любовь къ человѣку низкаго происхожденія, Гисмонда, между прочимъ, говоритъ: „если мы посмотримъ въ глубь вещей, то ты увидишь, что у всѣхъ у насъ тѣло изъ одной матеріи, что всѣ души созданы тѣмъ же Творцомъ, съ одинаковыми силами, съ одинаковыми наклонностями, съ одинаковыми свойствами. Впервые *доблесть* (*virtù*) положила различіе между нами, такъ какъ всѣ мы родились и рождаемся равными, тѣ, которые обладали ею въ большей степени и болѣе о ней старались, были названы знатными (*nobili*), а прочіе остались незнатными, хотя позже неблагоприятные обычаи затемнили этотъ законъ, все-таки онъ не уничтоженъ и вполне проявляется въ природѣ и въ хорошихъ нравахъ. Поэтому тотъ, кто дѣйствуетъ доблестно, ясно доказываетъ свою знатность, и кто его называетъ иначе, налагаетъ пятно не на него, а на самого себя“¹⁾. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Боккаччіо въ другой новеллѣ (I, 8) дѣлаетъ рѣзкую выходку противъ тѣхъ, которые „желаютъ называться и слыть благородными людьми и сеньорами и которыхъ скорѣе слѣдуетъ назвать ослами“, и повторяетъ тѣ же обвиненія, которыя выставлялъ противъ знати и Петрарка²⁾. Но демократизмъ и здѣсь не носитъ узко-сословнаго и республиканскаго характера: Боккаччіо

¹⁾ Fanfani, I, 316.

²⁾ Ibid., p. 68—69.

охотно прославляетъ и рыцарскія доблести, и королевскія достоинства ¹⁾).

Этими чертами исчерпывается исторически важная сторона міросозерцанія Декамерона ²⁾), но, кромѣ того, заслуживаетъ вниманія отношеніе автора къ источникамъ, а также содержаніе и тонъ его разсказовъ. Въ нашу задачу не входитъ критическая провѣрка изслѣдованій объ источникахъ новеллъ Боккаччіо. Но названные труды Ландау и Каппеллетти съ полной несомнѣнностью констатируютъ тотъ фактъ, что авторъ Декамерона заимствовалъ свои сюжеты какъ у древнихъ писателей, такъ и изъ всѣхъ отраслей средневѣковой литературы, и *его разказы представляютъ собою переработку въ новомъ духѣ традиціоннаго матеріала*. Съ другой стороны, самое содержаніе и тонъ новеллъ чрезвычайно характерны. Боккаччіо вовсе не былъ чудовищемъ разврата; между тѣмъ 25% его новеллъ по самой снисходительной оцѣнкѣ совершенно непристойны. Какъ художникъ и гуманистъ, чуткій къ дѣйствительности, онъ не считалъ нелѣпнымъ и несообразнымъ съ общественными нравами приписать избранному обществу подобныя бесѣды, и приведенное выше письмо къ Кавальканти показываетъ, что авторъ Декамерона не былъ безнравственнѣе своего обычнаго читателя. Ландау и Кёртингъ вмѣстѣ съ большинствомъ другихъ изслѣдователей съ несомнѣнной ясностью показали, что современниковъ новеллы не шокировали, потому что ихъ тонъ не представлялъ собою ничего необыкновеннаго. Декамеронъ отразилъ общественные нравы и является поэтому живой характеристикой среды, въ которой приходилось дѣйствовать гуманистамъ. Изображенная въ немъ дѣйствительность не порожденіе Ренессанса, а однородная съ нимъ реакція противъ официальнаго аскетизма — фактъ, который имѣетъ существенное значеніе для пониманія моральной стороны въ гуманистическомъ движеніи.

Всѣ итальянскіе романы и поэмы Боккаччіо, написанные ранѣе Декамерона, стоятъ въ тѣсной связи съ его любовью къ Фіамметтѣ ³⁾ и носятъ на себѣ поэтому болѣе или менѣе автобіографическій характеръ. Такимъ же характеромъ отличается и его послѣднее по времени беллетристическое произведеніе — „*Корбаччіо или лабиринтъ*

¹⁾ См. новеллы 10-го дня и въ особенности 4, 5, 6, 7 и 9.

²⁾ Для отдѣльныхъ воззрѣній Боккаччіо нѣкоторый интересъ представляетъ новелла, прославляющая дружбу (X, 8), разсужденіе о снахъ въ началѣ 6-й новеллы 4-го дня (Fanf. I, p. 350). Статья *Pinelli, La moralità ne Decamerone* (Propugnatore 1882) мнѣ осталась неизвѣстной.

³⁾ См. Landau, p. 36. Traversi, I, p. 196—201.

любви“¹⁾. Боккаччіо искалъ руки одной вдовы и, получивъ отказъ, написалъ противъ своей невѣсты инвективу. Сочиненіе написано въ формѣ діалога. Авторъ во снѣ увидалъ себя въ ужасной пустынь чувственной любви, куда явилась потомъ тѣнь перваго мужа его невѣсты. Боккаччіо вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и его собесѣдникъ съ необычайной рѣзкостью и съ поразительнымъ цинизмомъ нарисовалъ ему образъ своей жены. Эта пятая по счету гуманистическая инвектива рѣзко отличается отъ четырехъ предшествующихъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Петрарки. Боккаччіо усвоилъ пріемъ своего учителя обращаться литературнымъ путемъ къ общественному мнѣнію; но первый гуманистъ защищалъ инвективами вопросы политическіе, литературные и философскіе; Боккаччіо вынесъ на судъ общества свое личное дѣло. Онъ не скрываетъ отъ читателя, что его книга написана изъ мести²⁾, и открыто заявляетъ, что писатели имѣютъ полную возможность и превознести, и опорочить человека³⁾. Такимъ образомъ сатира Боккаччіо является расширеніемъ

¹⁾ *Il Corbaccio o il Labirinto d'Amore*. О различномъ толкованіи слова Corbaccio см. Landau, p. 177—178 и Körting, p. 208. Время составленія въ точности неизвѣстно. Большинство изслѣдователей относятъ его къ 1355 году. См. Körting, p. 207 и 244 и Traversi, II, p. 796—800. Первое изданіе появилось во Флоренціи въ 1487. О другихъ изданіяхъ см. Zambrini, p. 115; Traversi, II, p. 855. Литературная оцѣнка сведена у Traversi, II, p. 844. Статья Pinelli, *Appunti sul Corbaccio* (Propugnatore XVI 1883 p. 169 и слѣд.), гдѣ авторъ сравниваетъ изображеніе порочной женщины у Боккаччіо и въ VI сатирѣ Ювенала, не представляетъ историческаго интереса. Книга *Levi (Il Corbaccio e la Divina Comedia. Note e raffronti. Torino 1889)* представляетъ нѣсколько формальныхъ сравненій между обонми произведеніями.

²⁾ Io spero sì con parole castigar colei, che, vilissima cosa essendo, altrui schernire co' suoi amanti presume, che mai lettera non mostrerà che mandata le sia, che della mia e del mio noma con dolore e con vergogna non si ricordi Corbaccio, p. 255.

³⁾ Si io ho il vero già molte volte inteso, говорить тѣнь, ciascuno che in quello s'è dilettrato di studiare, o si diletta che tu sai ottimamente, eziandio mentendo, sa cui li piace tanto famoso e si glorioso render negli orecchi degli uomini che, chiunque di quel cotale niuna cosa ascolta, lui e per virtù e per meriti sopra i cieli estimano tener la pianta de' piedi: e così in contrario, quantunque virtuoso, quantunque valoroso, quantunque di bene sia uno che nella vostra ira caggia, con parole, che degne paiono di fede, nel pro fondo di inferno il tuffate e nascondete: e perciò questa ingannatrice, come a glorificarla eri disposto, così ad avvilarla e a parvificarla ti disponi: il che agevolmente ti verrà fatto perciochè dirai il vero. Ibid., p. 248 — 249. Такую же точку зрѣнія развиваетъ студентъ Rinieri въ Декамеронѣ Giorn. VII nov. 7. Вообще объ отношеніи этой повѣды къ Corbaccio см. Traversi, p. 815 и слѣд.

предмета созданной Петраркою публицистики. Кроме того, она представляет культурно-исторический интерес и по своему содержанию. Нападки Боккаччио не ограничиваются только флорентийской вдовой, но распространяются и на всех женщин вообще: поклонник Фіамметты и рѣзкостью тона, и страстностью ненависти къ женщинам и семьѣ значительно превосходитъ пѣвца Лауры. По взглядамъ на семью и по изображенію духовнаго образа женщины „Корбаччио“ можетъ быть поставленъ на-ряду съ самыми злобными произведеніями средне-вѣкового аскетизма ¹⁾).

Сатира представляетъ нѣкоторыя данныя и для другихъ воззрѣній Боккаччио. Такъ, среди жестокихъ выходокъ противъ женщинъ мы встрѣчаемъ тамъ благочестивую хвалу въ честь Богоматери, которая, по мнѣнію Боккаччио, не была женщиною, но „надземнымъ существомъ“, „отъ вѣчности преуготованною обителью для Царя небеснаго“ ²⁾. Такое же благочестіе обнаруживаетъ авторъ и въ началѣ книги: онъ разговариваетъ съ своимъ собесѣдникомъ о божественныхъ предметахъ и почерпаетъ подкрѣпленіе въ такихъ бесѣдахъ, хотя и замѣчаетъ мимоходомъ, что всѣ эти вопросы безгранично выше человѣческаго пониманія, — точка зрѣнія, на которой стоитъ въ своихъ философскихъ произведеніяхъ и его учитель Петрарка. Сюда же можно отнести строго церковный взглядъ на самоубійство. Еще интереснѣе политическія воззрѣнія, которыя высказываетъ Боккаччио въ этой инвективѣ. Его невѣста хвастается между прочимъ благороднымъ происхожденіемъ, и авторъ дѣлаетъ обширное отступленіе, въ которомъ съ презрѣніемъ говоритъ объ аристократіи и доказываетъ, что истинное благородство заключается въ добродѣтели ³⁾. Какъ во всехъ произведеніяхъ, такъ и въ инвективѣ, Боккаччио говоритъ и о самомъ себѣ. Онъ сообщаетъ свой возрастъ во время написанія книги и говоритъ съ презрѣніемъ о коммерческихъ занятіяхъ и съ большою любовью о научныхъ, которыя были направлены „на святую философію“ и главнымъ образомъ на поэзію ⁴⁾.

Лирическія произведенія Боккаччио ⁵⁾ не имѣютъ большой цѣны

¹⁾ Длинное обвиненіе женщинъ, р. 186 и слѣд. Для характеристики тона достаточно, напр., слѣдующей фразы: *niuno animale è meno netto di lei: non il porco, qualora è più nel loto aggiunge alla brutezza di lei etc.*

²⁾ Corbac., р. 199 и слѣд.

³⁾ Ibid., р. 174.

⁴⁾ Corbac., р. 24. Это мѣсто служитъ главнымъ источникомъ для опредѣленія хронологіи сочиненія.

⁵⁾ Всѣхъ стихотвореній, включая вставленные въ романы, 124; изъ нихъ 110 сонетовъ. Изданія Zambrini, р. 132. Лучшее Baldelli: *Boccaccio, Rime*

ни въ какомъ отношеніи. Ихъ художественное достоинство не высоко ¹⁾. Боккаччіо весьма часто подражаетъ Данте и Петраркѣ, а также классическимъ поэтамъ ²⁾ и въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ несравненно ниже своего руководителя ³⁾. Точно такъ же мало имѣютъ они автобіографическаго и историко-культурнаго значенія. Въ огромномъ большинствѣ стихотворенія эротическаго содержанія, тѣмъ не менѣе они даютъ совсѣмъ ложное освѣщеніе отношеній автора къ Фіамметтѣ. Боккаччіо подражалъ Петраркѣ, а кромѣ того, писалъ свои сонеты для кружка Маріи и вообще для неаполитанскаго двора, поэтому скрывалъ истину и, пользуясь взаимностью, оплакивалъ несчастную любовь. Отсюда ихъ неискренность, одинаково вредившая и ихъ художественной цѣнѣ, и автобіографическому значенію ⁴⁾. Съ этой послѣдней точки зрѣнія нѣкоторый интересъ представляютъ немногіе сонеты религіознаго и политическаго содержанія ⁵⁾.

Боккаччіо приписываютъ съ большимъ или меньшимъ основаніемъ и еще нѣсколько произведеній на итальянскомъ языкѣ. Сюда принадлежитъ прежде всего „*Урбано*“, новелла о романтическихъ похищеніяхъ побочнаго сына Фридриха Барбаросы ⁶⁾. Заподозрѣнный

---

liriche. Livorno 1802. Полнаго изданія нѣтъ до сихъ поръ. Добавленіе къ Baldelli и Moutier сдѣлали (*Signoni Rime di D. Alighieri, G. Boccacci etc. Imola 1883*) и Mabellini (*Die poesie inedite di G. B. 1888*). Тѣмъ не менѣе Traversi пытался установить ихъ хронологію (*Die una cronologia approssimativa delle Rime del Boccaccio. Вѣ Preludio 1883*); но эта попытка не привела къ цѣннымъ результатамъ. (См. Giorn stor. d. lit. ital. I, p. 368—369).

¹⁾ Landau, p. 38 и 39; Körting, p. 689. Совершенно иначе относится къ нимъ Symond (I. c. p. 118—119). Ср. Mango, *Delle Rime di G. B.* (Propugn. 1883, XVI, p. 432—433).

²⁾ Landau, p. 39—40. Ср. Traversi II, p. 79 и слѣд. Mango, I. c. p. 428 и 440.

³⁾ Отличія мѣтко указаны у Körting'a, p. 188 и 688.

⁴⁾ Körting, пытавшійся построить на нихъ изображеніе отношенія Боккаччіо къ Фіамметтѣ (p. 159—161 и passim), приходитъ къ ошибочнымъ выводамъ. О любовной поэзіи. Ср. Mango, I. c. p. 412 и слѣд.

⁵⁾ №№ 93, 94, 95, 96 и 98 по Moutier. Самый обстоятельный разборъ Rime Боккаччіо сдѣланъ въ цитированной статьѣ Mango. Авторъ, сравнивая поэзію Боккаччіо съ стихотвореніями Данте и Петрарки, приходитъ къ убѣжденію, что покаянный характеръ религіозной поэзіи автора Декамерона лишень искренности и задумчивости (p. 403 ср. p. 396—397) и что его патристическія стихотворенія лишены искренняго чувства и его мечты о превеніи величинъ Рима и Италіи носятъ учено-антикварный характеръ. (Ibid., p. 405—11).

⁶⁾ *L'Urbano.* Первое изданіе Venezia 1526. Рукописи и другія изданія Mazz. p. 1365.

Боргини ¹⁾ безъ достаточныхъ основаній, этотъ разсказъ признанъ за подлинное произведеніе Боккаччіо всѣми новѣйшими изслѣдователями ²⁾. Похожденія Урбано, интересныя по фабулѣ и по изложенію, написаны Боккаччіо подѣ старость и, кромѣ нѣсколькихъ автобіографическихъ чертъ въ предисловіи ³⁾, не имѣетъ ни біографическаго, ни историческаго значенія ⁴⁾. Болѣе сомнительна подлинность обширнаго аллегорическаго стихотворенія „*Охота Діаны*“ ⁵⁾. По характеру содержанія и обработкѣ темы оно напоминаетъ „Любовное видѣніе“: авторъ изображаетъ свиту Діаны, 58 охотницъ, которыя выпросили у Венеры, чтобы словленная ими дичь превратилась въ юношей, вслѣдствіе чего самъ онъ изъ оленя дѣлается обожателемъ одной изъ охотницъ и заканчиваетъ стихотвореніе восхваленіемъ ея совершенствъ. Рукописи этой поэмы не носятъ имени Боккаччіо; историкъ литературы XVI вѣка Поччанти впервые объявилъ его ея авторомъ ⁶⁾; тѣмъ не менѣе современные изслѣдователи склонны признать ея подлинность ⁷⁾. Хотя подѣ Діаниными охотницами скрываются современные автору неаполитанскія дамы, и стихотвореніе содержитъ массу намековъ на мѣстныя событія, но аллегорія настолько темна и непроницаема, что это произведеніе утратило всякое историческое и біографическое значеніе. По всей вѣроятности, Боккаччіо принадлежитъ непристойное стихотвореніе „*Рубианелла*“, въ которомъ старуха воспоминаетъ веселую ночь, проведенную въ молодости съ обожателемъ ⁸⁾. Большинство издателей выпускаетъ

¹⁾ *Vincenzio Borghini* издатель *Cento novelle antiche 1572*. О его аргументахъ. См. Landau, p. 245—246.

²⁾ *Ibid.* и Körtling, p. 684—85.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ Landau (p. 245), а за нимъ Körtling упрекаетъ Боккаччіо за незнакомство и произвольное отношеніе къ исторіи Гогенштауфеновъ. Послѣдній дѣлаетъ даже по этому поводу общее замѣчаніе: jedenfalls erkennen wir daraus, wie unendlich naiv des Dichters Geschichtsanschauung war und wie gleichgültig er sich gegen Quellenkritik verhielt (p. 683). Но вслѣдъ за этимъ онъ самъ указываетъ источникъ Боккаччіо—именно средневѣковую повѣсть о Константинѣ Великомъ, такъ что оцѣнивать историческія воззрѣнія и требовать критики источниковъ въ такомъ произведеніи едва-ли представляется какая-нибудь возможность.

⁵⁾ *Caccia di Diana* впервые издано Moutier (Firenze 1832).

⁶⁾ Landau, p. 246.

⁷⁾ Landau, p. 247. Körtling, p. 460. Иначе D'Ancona. См. Mango, I c. p. 439

⁸⁾ *La storia del Colonacho da Siena, ovvero la Ruffianella attribuita a Giovanni Boccaccio*. Londra 1863. Издана только въ 69 экземплярахъ (Körtling p. 461). Впервые издалъ это стихотвореніе Сальваторъ Бонги (1856) въ 24 экземплярахъ. См. Landau, p. 248.

это стихотвореніе изъ собранія сочиненій Боккаччіо, но Ландау утверждаетъ, что оно „лучше своей репутаціи и во всякомъ случаѣ не хуже многихъ новеллъ Декамерона“¹⁾. Весьма сомнительной подлинности „Диалогъ о любви“, въ которомъ одинъ изъ собесѣдниковъ, Алкивиадъ, даетъ другому, Филатеріо, наставленіе, какъ добиться женской любви. Сочиненіе это будто бы было написано полатыни и переведено на итальянскій языкъ Анджело Амбрози²⁾, но латинскихъ рукописей не сохранилось, и сочиненіе, по мнѣнію Ландау, ничѣмъ не напоминаетъ Боккаччіо³⁾, хотя этотъ вопросъ занималъ автора Декамерона, потому что въ Эскуріалѣ есть рукопись итальянскаго перевода *Ars amandi* съ именемъ *Juan Borchatio*⁴⁾. — Большинство современныхъ изслѣдователей считаютъ Боккаччіо авторомъ стихотворной новеллы „Джета и Бирріа“, не представляющей интереса передѣлки латинской поэмы — *Roëma de Amphitryone et Alcmena* Виталія Блуасскаго, который въ свою очередь заимствовалъ сюжетъ изъ Плавтова Амфитріона⁵⁾. Нѣтъ положительныхъ доказательствъ подлинности двухъ религиозныхъ стихотвореній, приписываемыхъ Боккаччіо: „Страданіе Христа“⁶⁾ и „Ave, Maria“⁷⁾. По содержанію они не противорѣчатъ настроенію Боккаччіо; но такихъ неглубокихъ католиковъ, какъ онъ, было всегда очень много, между тѣмъ нѣкоторыя рукописи и раннія изданія указываютъ и другихъ авторовъ⁸⁾. Не представляютъ никакого интереса два итальянскихъ сочиненія, приписываемыя Боккаччіо. Одно изъ нихъ „Примѣчанія къ Данте“⁹⁾, считавшееся его юношескимъ произведеніемъ, теперь признано большинствомъ подложнымъ¹⁰⁾, и во всякомъ случаѣ не имѣетъ никакой цѣны при несомнѣнности „Жизни Данте“ и большого комментарія Боккаччіо къ „Божествен-

¹⁾ Landau, Ibid.

²⁾ *Dialogo d'Amore di Messer Giovanni Boccaccio tradotto di latino in volgare da M. Angelo Ambrosi. Venezia 1511.* См. Landau, p. 255. Другія изданія Mazzuchelli l. c. p. 1366.

³⁾ Landau, Ibid.

⁴⁾ См. Landau и приведенная имъ литература. Ibid. p. 255.

⁵⁾ Первое изданіе *Geta e Birria* относится къ 1516 г. См. Landau p. 257, Hortis, p. 390—392 и Mango, l. c. p. 438.

⁶⁾ *La Passione del N. S. Gesù Cristo (Razzolini* въ *Scelta Curiosita letteraria disp. CLXII. Bologna 1878).*

⁷⁾ *L'Ave Maria Ed. Zambrini. Imola 1874.*

⁸⁾ См. Landau, p. 248 и Körting, p. 459 и цитированныхъ ими авторовъ.

⁹⁾ *Chiose sopra Dante. Ed. Vernon. Firenze 1846.*

¹⁰⁾ Различныя мнѣнія сведены у Ландау (p. 255) и Кёртинга (p. 460—61).

ной комедіи“. Еще менѣе интереса, съ нашей точки зрѣнія, имѣетъ переводъ 3-й или всѣхъ трехъ декадъ Ливія ¹⁾, вопросъ о принадлежности котораго Боккаччіо остается нерѣшеннымъ до настоящаго времени ²⁾.

Такъ называемый „переводъ“, который будто бы произошелъ въ Боккаччіо подъ вліяніемъ пророчества св. Пьетро Петрони и будто бы произвелъ глубокую пропасть между его ранними (итальянскими) и поздними (латинскими) произведеніями, совершенно не оправдывается источниками. Идеи и настроеніе итальянскихъ романовъ, поэмъ и новеллъ Боккаччіо въ цѣломъ и общемъ выражены и въ его латинскихъ трактатахъ. Нѣкоторая разница замѣчается только въ отношеніи къ любви и женщинѣ; но она объясняется отчасти естественнымъ вліяніемъ преклонныхъ лѣтъ, отчасти тѣмъ эпизодомъ, который вдохновилъ Корбаччіо. По существу обѣ категоріи произведеній Боккаччіо проникнуты тѣмъ же самымъ индивидуализмомъ, который мы отмѣтили въ сочиненіяхъ Петрарки; только здѣсь, благодаря личнымъ особенностямъ автора, этотъ индивидуализмъ получилъ нѣсколько иное выраженіе. Боккаччіо не ученый и не мыслитель; новое направленіе обнаруживается гораздо сильнѣе въ его настроеніи, чѣмъ въ его идеяхъ. Поэтому въ его ученыхъ сочиненіяхъ критика почти совершенно отсутствуетъ и вся работа сводится къ механическому сопоставленію источниковъ. Но критицизмъ весьма силенъ въ его настроеніи: не говоря уже о недостаткахъ современной церкви, которые Боккаччіо выставляетъ на видъ съ большою старательностью, онъ рѣзко порицаетъ Петрарку за его отношенія къ Висконти и не стѣсняется выраженіями въ критическихъ замѣчаніяхъ относительно разныхъ писателей въ Zibaldone. Къ сожалѣнію, этотъ критицизмъ не слагается

---

¹⁾ Четыре первыя книги перевода 3-й декады издалъ графъ *di Vesme* въ *Sceltà di Curiosità letteraria. Bologna 1875*.

²⁾ См. Landau, p. 257; Körting, p. 457; Hortis, p. 421. — Кромѣ названныхъ сочиненій, Боккаччіо приписывали цѣлую массу другихъ. Но большинство изъ нихъ грубо подложно (напр., о взятіи турками Константинополя или о гусенгахъ); подлинность другихъ крайне сомнительна. Сюда относятся: 1) *Itinerario ad sepolcro del Petrarca*, 2) *Corona Napolitana*, 3) *Nobiltà di Fiesole*, 4) *Storia del Canonico di Siena*, 5) *Filomena*, 6) *Arte de'cenni e muta eloquenza*, 7) *Le forze d'Ercole*, 8) *Novella di Antioco e di Stratonica*, 9) *Satira fatta a utile singolarmente de'giovani, i quali con gli occhj chiusi troppo di se fidandosi per i luoghi non sicuri si mettono*, 10) *Leandreide*, 11) *Apologeticum in Censores F. Petrarchae* и даже *De tribus impostoribus*. См. о нихъ Mazz. l. c. p. 1366 и слѣд. и Hortis, *La Corografia di Pomponius Mela attribuita falsamente a G. B. Trieste 1879*.

въ опредѣленную систему, не становится сознательнымъ научнымъ приемомъ. То же самое и въ философіи. Боккаччіо не чувствуетъ интереса къ отвлеченному мышленію и не пишетъ философскихъ трактатовъ; но интересъ къ моральнымъ вопросамъ, столь характерный для Петрарки, обнаруживается уже въ Декамеронѣ и отодвигаетъ на второй планъ главное содержаніе *De casibus*.

Какъ ни поверхностны этическія разсужденія Боккаччіо, они представляютъ несомнѣнный историческій интересъ по своей основной мысли: мораль Боккаччіо, поскольку она формулирована въ *De casibus* и въ письмѣ къ *Pino de' Rossi*, сводится къ утилитаризму или, правильнѣе, къ эвдаимонизму, а благо челоуѣка заключается въ совершенно правильномъ и всестороннемъ индивидуальномъ развитіи. Эта мысль ясно формулирована въ послѣднихъ книгахъ *Генеалогіи*, гдѣ Боккаччіо горько жалуется на неблагоприятныя условія, долго мѣшавшія ему сдѣлаться поэтомъ. Индивидуализмъ въ смыслѣ интереса къ внутренней жизни личности и какъ требованіе широкаго пользованія всѣмъ, что дала природа челоуѣку, у Боккаччіо шире и глубже, чѣмъ у Петрарки. Авторъ *Декамерона* занятъ не только своимъ личнымъ внутреннимъ міромъ, какъ Петрарка, но онъ интересуется духовною жизнью другихъ: Боккаччіо авторъ перваго психологическаго романа, героиней котораго является женщина, и художественное достоинство его новеллъ обусловлено между прочимъ способностью сдѣлать тонкое наблюденіе и вѣрно понять психическій міръ героевъ. Кромѣ того, Петрарка только умѣлъ чувствовать любовь и интересовался ею, какъ *своимъ* чувствомъ; Боккаччіо идетъ далѣе, констатируетъ ея важность въ индивидуальной жизни вообще и требуетъ для нея широкихъ правъ. Правда; въ *Декамеронѣ* это требованіе заходитъ слишкомъ далеко, но въ *De claris mulieribus* оно введено въ должныя границы, и рѣзкія выходки противъ любви въ *Corbaccio* и въ *De casibus* слѣдуетъ признать случайнымъ озлобленіемъ отъ личной неудачи старика, привыкшаго къ побѣдамъ въ молодости. Оцѣнка людей и у Петрарки, и у Боккаччіо основана на чисто индивидуалистическомъ принципѣ личныхъ свойствъ, независимо отъ происхожденія и общественнаго положенія; поэтому оба они враждебны знати и всякимъ сословнымъ привилегіямъ; но Боккаччіо послѣдовательнѣе перваго гуманиста и прилагаетъ эту мѣрку также къ женщинамъ, къ которымъ Петрарка относился съ среднеуѣвковой точки зрѣнія. Его *De claris mulieribus* представляетъ поэтому огромный интересъ. Боккаччіо не безусловный поклон-

никъ женщины даже въ Декамеронѣ¹⁾); тѣмъ не менѣе онъ посвящаетъ трактатъ знаменитостямъ женскаго пола, при чемъ исключаетъ изъ ихъ числа тѣхъ, которыя приобрѣли извѣстность несобственными силами, а при помощи божественной благодати. Также рѣзко проявляется индивидуализмъ Боккаччіо въ сферѣ религіи и политики. Онъ менѣе безразлично, чѣмъ Петрарка, относится къ политическимъ формамъ: онъ республиканецъ по преимуществу, и тиранія ему ненавистна. Болѣе того, его индивидуализмъ не стѣсненъ ни античными традиціями, ни даже итальянскимъ патріотизмомъ: въ письмѣ къ Росси уже чувствуются начала индивидуалистическаго космополитизма. То же самое и въ религіи: не отрываясь отъ католицизма, Боккаччіо обнаруживаетъ стремленіе индивидуалистически толковать его ученія—культъ святыхъ, молитву и т. п. Но и здѣсь, какъ повсюду, *индивидуализмъ Боккаччіо, рѣзко отражаясь въ его настроеніи, не доразвился до систематическаго міросозерцанія и нашелъ выраженіе только въ отдѣльныхъ воззрѣніяхъ.*

Двѣ остальные черты, отмѣченныя нами у Петрарки, — *критическое отношеніе къ древности и стремленіе слить античныя традиціи съ средневѣковой культурой*—проявляются и въ сочиненіяхъ Боккаччіо. Разница заключается въ томъ, что у Боккаччіо сравнительно слабѣе критицизмъ по отношенію и къ древнимъ авторамъ, и къ средневѣковымъ ученымъ, чѣмъ у Петрарки. Въ Генеалогіи и другихъ сочиненіяхъ онъ открыто и рѣзко заявляетъ глубокое уваженіе къ древнимъ, что не мѣшаетъ ему съ почтеніемъ относиться и къ средневѣковымъ знаменитостямъ, какъ это видно изъ той же Генеалогіи и изъ *Amorosa visione*. Формально слить языческое съ христіанскимъ Боккаччіо пытается въ теоріи, при защитѣ поэзіи, и на практикѣ—во многихъ поэтическихъ произведеніяхъ, на примѣръ, въ Эклогахъ и Филокопо; но въ культурномъ отношеніи эта задача оказалась ему такъ же непосильной, какъ и Петраркѣ; только въ сферѣ чисто художественной дѣятельности, гдѣ автора Декамерона менѣе стѣсняли средневѣковыя традиціи, это сліяніе двухъ культуръ привело къ благопріятнымъ результатамъ, и Боккаччіо-художникъ является совершенно новымъ человѣкомъ.

---

¹⁾ См. замѣчательная рѣчь Тедалдо въ III, 7 (Fanfani I, p. 264) и разсужденіе старухи въ V, 10 (Ibid. II, p. 70).

IV.

Біографическая литература о Боккаччіо.—Отношеніе къ нему равнихъ біографовъ. — Манни, Маццукелли и Бальделли.—Витте и отношеніе къ Боккаччіо историковъ литературы и гуманизма въ первой половинѣ XIX столѣтія.—Характеристика Фогта и ея значеніе.

Біографическая литература о Боккаччіо и по количеству, и по качеству гораздо бѣднѣе литературы о Петраркѣ, что обусловливается цѣлымъ рядомъ причинъ. Пѣвецъ Лауры возбуждалъ у современниковъ и потомства гораздо большій интересъ, чѣмъ авторъ Декамерона, вслѣдствіе разносторонности своихъ стремленій, широты вліянія и бѣльшаго драматизма внѣшней біографіи. Какъ авторъ философскихъ трактатовъ и научныхъ сочиненій, Петрарка привлекалъ къ себѣ вниманіе философовъ, моралистовъ и ученыхъ; какъ патріотъ и политическій дѣятель, онъ возбуждалъ интересъ у историковъ папства и Италіи; какъ автора *Canzoniere*, его изучали историки литературы. Наконецъ, обиліе фактическихъ подробностей его біографіи возбуждало вниманіе простыхъ рассказчиковъ, а любовь къ Лаурѣ придавала романическую занимательность разсказу. У Боккаччіо и стремленія уже, и въ жизни было мало занимательныхъ событій. Кромѣ того, его біографія лишена главнаго источника, который такъ облегчаетъ изученіе жизни Петрарки, — обширной переписки и автобіографическихъ сочиненій. Наконецъ, самая исторія біографической литературы о Боккаччіо представляетъ меньшій интересъ, чѣмъ сочиненія о Петраркѣ. По поводу автора Декамерона не происходило такихъ характерныхъ споровъ, какіе возникали изъ-за Петрарки, и на его біографіи слабѣе отразилось благотворное вліяніе правильной постановки вопроса о Возрожденіи.

Первымъ біографомъ Боккаччіо былъ его младшій современникъ Ф. Виллани, авторъ сочиненія о знаменитыхъ флорентійцахъ ¹⁾. Это — небольшой очеркъ, въ которомъ изложены вкратцѣ внѣшнія событія жизни Боккаччіо, перечислены его сочиненія и описана наружность. Фактическое содержаніе біографіи Виллани не представляетъ интереса ²⁾; но заслуживаютъ вниманія взгляды автора

¹⁾ *De Ioanne Boccaccio poeta*. Въ *De origine civitatis Florentiae* у Galletti, p. 17—18.

²⁾ Körting въ *Boccaccio's Leben und Werke* (p. 55 — 57) даетъ отзывъ объ этой біографіи, въ которомъ встрѣчаются странные промахи. Такъ, Vita

на современнаго ему писателя. Виллани ставитъ Боккаччіо на-ряду съ Дзаноби-да-Страда и считаетъ ихъ обоихъ продолжателями Данте и Петрарки. Далѣе въ Боккаччіо онъ видитъ преимущественно поэта и, хотя ставитъ на первый планъ его латинскія произведенія, но упоминаетъ съ похвалою и тѣ сочиненія, которыя написаны по-итальянски. Характерна, наконецъ, сообщаемая имъ, какъ фактъ, легенда, что гробница Вергилія воспламенила Боккаччіо къ литературной дѣятельности ¹⁾.

Въ XV столѣтіи Виллани нашелъ нѣсколько подражателей. Такъ, Доменико Бандини въ своемъ большомъ сочиненіи отводитъ мѣсто на-ряду съ Петраркой и Боккаччіо ²⁾. Его очеркъ представляетъ собою простое сокращеніе Виллани и не имѣетъ интереса. Къ половинѣ XV столѣтія относится коротенькое біографическое извѣстіе о Боккаччіо въ книгѣ Сикко Полентоне ³⁾. Сикко видитъ въ Боккаччіо прежде всего историка и приписываетъ ему переводъ всѣхъ трехъ декадъ Ливія ⁴⁾. Отъ Виллани онъ совершенно независимъ; но подобно ему относится съ большимъ сочувствіемъ къ итальянскимъ произведеніямъ Боккаччіо ⁵⁾. Гораздо обширнѣе всѣхъ предшествующихъ біографія Боккаччіо, написанная въ 1459 году Джіанлоццо Манетти ⁶⁾. Въ основѣ ея лежитъ Виллани; но Манетти расширилъ нѣсколько содержаніе его очерка, пользуясь автобіографическими показаніями Боккаччіо въ его латинскихъ сочиненіяхъ. Впрочемъ, фактическаго матеріала и здѣсь очень мало; но Манетти въ этомъ не

стоитъ не на 3-мъ мѣстѣ сочиненія Виллани, какъ говоритъ онъ, а на 4-мъ, и авторъ вовсе не игнорируетъ итальянской поэзіи Боккаччіо.

¹⁾ Манни упоминаетъ еще *Vita del Boccaccio*, написанную венеціанцемъ *Ludovico Dolce*, и приводитъ извѣстіе Alberici, будто самъ Боккаччіо просмотрѣлъ и исправилъ эту біографію (I. c. p. 4). Повидимому, это извѣстіе относится къ области легенды. По словамъ Corazzini, біографія предпослана венеціанскому изданію Декамерона 1552 года и ея рукопись XVI вѣка въ Флорентійской Bibl. Nazionale clas. 38 Cod. 115 (I. c. p. CVIII).

²⁾ *Domenicus Aretinus Fons Memorabilium Universi*. Біографія Боккаччіо напечатана у Mehus'a *Vita Ambrosii Travers.*, p. CCLXV.

³⁾ Оно напечатано у Mehus'a въ предисловіи къ *Dantis, Petrarchae ac Boccaccio vitae ab Iannotio Manetto scriptae. Florentiae 1747*, и перепечатано у Galletti, p. 66—67.

⁴⁾ *Boccaccium ante omnia Historia oblectavit... Decades tres Titi Livii patrium in sermonem vertit. Ibid.*

⁵⁾ *Sermone autem patrio atque suavi complurima volumina edidit fabulis pulcherrimis ac multis plena, p. 67.*

⁶⁾ *Iannotii Manetti Vita Ioannis Boccacci, Poetae Florentiae*. Сначала издано Mehus'омъ и перепечатано у Galletti, p. 89—93.

виновать; въ XV столѣтіи о Боккаччіо знали такъ мало, что Л. Бруни, авторъ біографіи Данте и Петрарки, не желаетъ писать о Боккаччіо по недостатку источниковъ ¹⁾). Дополненія Манетти касаются главнымъ образомъ учителей Боккаччіо, при чемъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на его занятіяхъ греческимъ языкомъ. Въ этомъ отношеніи онъ считаетъ Боккаччіо выше Данте и Петрарки и ставитъ его на-ряду съ ними, какъ итальянскаго поэта, хотя и признаетъ лучшимъ изъ его произведеній „Генеалогію боговъ“.

Вѣроятно, къ концу XV, если не къ началу XVI столѣтія относится біографія Боккаччіо, написанная неизвѣстнымъ авторомъ ²⁾). Этотъ небольшой очеркъ, весьма неточный въ фактическомъ отношеніи ³⁾, представляетъ тотъ интересъ, что его авторъ больше занятъ характеромъ Боккаччіо и его личными дѣлами, чѣмъ литературной дѣятельностью. Авторъ передаетъ, какъ несомнѣнный фактъ, интересное преданіе о томъ, что Боккаччіо былъ ученикомъ Петрарки ⁴⁾, о его необыкновенной независимости ⁵⁾, перечисляетъ его любовныя похужденія и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на вопросѣ, пользовался ли онъ взаимностью принцессы Маріи ⁶⁾? Вообще въ противоположность предшествующей біографической литературѣ, анонимный очеркъ не носитъ книжнаго характера и отличается необычною живостью.

Такимъ образомъ ранніе біографы Боккаччіо не игнорируютъ

---

¹⁾ У Галлетти, р. 54.

²⁾ *Vita Bocatii incerto authore, quam nobis clarissimus vir, Christoforus Wursung Augustanus, ex Italica in Germanicam linguam transtulit, et dedit.* Hanc igitur latine factam, quia nullibi perfectior extat, huc adjicere placuit. Напечатана въ изданіи *Hieronymi Ziegleri Rotenburgensis, Bоккаччіо De casibus Virorum Augustae Vindelicorum M. DXLIII.* По всей вѣроятности, это переводъ *Vita del Boccaccio Squarciafico*, напечатанной въ изданіяхъ Filocolo 1476 и 1478. Я не имѣлъ подъ руками этой біографіи, но, судя по изложенію у Manni (l. c. p. 4), ее перевелъ Wursung.

³⁾ Такъ, объ отцѣ Боккаччіо говорится: *Quum igitur pater ejus gravi paupertate pressus, hunc unicum filium procreasset etc.* (Предисловіе безъ пагинаціи).

⁴⁾ *Cujus (Petrarchae) non parvo tempore auditor fuit, illique devinctissimus factus est. Inter quos tam ardens amor oriebatur, ut alter alterius imaginem, auro inclusam, digito perpetuo ferrent.*

⁵⁾ *Nunquam adduci potuit, ut alicujus doni, aut muneris respectu alicui vel epistolam, vel carmen scripsisset.*

⁶⁾ Вопросъ рѣшенъ отрицательно по слѣдующему соображенію: *Quamquam creditu mihi difficile fiet, tam potentissime regis filiam, ex litteris scriptis et cantionibus, in amorem atque pudicitiae periculum venisse.*

его итальянскихъ произведеній, хотя ставятъ на первый планъ латинскія. Общая оцѣнка автора основывается на обѣихъ категоріяхъ его сочиненій. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ Форести въ своей всемірно-исторической хроникѣ: перечисливъ латинскія произведенія Боккаччіо, онъ съ похвалой упоминаетъ и его итальянскія новеллы ¹⁾. Только Кортесе въ своемъ діалогѣ остается при оцѣнкѣ его сочиненій на точкѣ зрѣнія латинскаго стиля, что привело его къ крайне неблагоприятному отзыву о Боккаччіо. Мы видѣли, что за сочиненіями Петрарки онъ призналъ важное значеніе, несмотря на несовершенство ихъ языка; но этотъ недостатокъ совершенно погубилъ, по его мнѣнію, талантъ Боккаччіо ²⁾. Въ XVI столѣтіи точка зрѣнія біографовъ слегка мѣняется. Правда, Джовіо въ *Elogia* относится очень рѣзко къ латинскимъ сочиненіямъ Боккаччіо, который, по его мнѣнію, „почти даромъ потратилъ на нихъ трудъ“ (*pene frustra desudaris*), и превозноситъ Декамеронъ ³⁾. Но другіе біографы продолжаютъ съ похвалой говорить о его гуманистической дѣятельности, хотя и у нихъ итальянскія произведенія замѣтно выступаютъ на первый планъ. Такъ, самый обстоятельный изъ нихъ, *Betussi* подробно говоритъ о занятіяхъ Боккаччіо греческимъ языкомъ, хотя безо всякой критики приписываетъ ему вслѣдъ за Форести грубоподложныя латинскія сочиненія и съ особенной подробностью останавливается на его отношеніяхъ къ Фіамметтѣ ⁴⁾. Но всѣ немногочисленныя біографіи Боккаччіо XVI столѣтія, незначительныя по

---

¹⁾ Форести приписываетъ Боккаччіо цѣлый рядъ латинскихъ сочиненій, которыя никоимъ образомъ не могли быть имъ написаны: *De victoriis Sigismundi imperatoris contra turcos; De heresibus bohemorum; De captione Constantinopolis et aliis circa maleriam turcorum*. Объ итальянскихъ произведеніяхъ онъ говоритъ: *Vernacula autem lingua multi ejus extant libri, josis et vanitatibus pleni, sed sententiarum succo ac melliflua suavitate verborum sonantium repleti* (*Supplem. Chron. fol. 160*).

²⁾ *Hujus etiam praeclarissime ingenii cursum fatale illud malum appressit. De homin. doct. y Galletti, p. 224.*

³⁾ *Obsolescunt enim et aegre quidem vitae retinent libri de Genealogia Deorum, varietateque Fortunae et de fontibus accurate potius, quam feliciter elaborati, quando jam illae decem dierum fabulae, Milesiarum imitatione in gratiam oblectandi oei, admirabili jucunditate compositae, in omnium nationum linguas adoptentur et sine ulla suspicione interitus, applaudente populo cunctorum operum gratiam antecedant. Paulus Jovius l. c. p. 23.*

⁴⁾ *Betussi, Vita di M. Giovanni Boccaccio.* (Въ предисловіи къ итальянскому переводу Генеалогіи боговъ. Venetia, MDCVI. Біографія безъ пагинаціи).

объему, не представляют интереса и по содержанию вследствие крайней неточности кратких свѣдѣній ¹⁾).

Въ XVII столѣтїи Боккаччіо не имѣлъ ни одного біографа ²⁾, и фактическія свѣдѣнія о его жизни и о его произведеніяхъ начинаютъ собирать только въ XVIII вѣкѣ. Первая попытка въ такомъ родѣ принадлежитъ Негри; но собранныя имъ біо- и библиографическія свѣдѣнія лишены всякой критики и заключаютъ въ себѣ все ошибки предшествующихъ авторовъ ³⁾. Къ сороковымъ годамъ XVIII столѣтія относится книга *Манни*, самое крупное и самое важное произведеніе, изъ посвященныхъ Боккаччіо до начала нынѣшняго вѣка. „*Историческая иллюстрація Боккаччіо*“ Манни распадается на три неравныя части: первую составляетъ краткая біографія Боккаччіо, вторую — комментарий къ Декамерону, имѣющій главной цѣлью опредѣлить его источники, и третью — исторія его текста. Двѣ послѣднія части, которыя составляютъ главное содержаніе книги ⁴⁾, стоятъ внѣ нашей задачи; тѣмъ не менѣе книга

¹⁾ Въ XVI вѣкѣ, кромѣ Бетусси, было два біографа: *Ridolfi, Vita del Boccaccio* (Въ изданїи Декамерона Liono 1552) и *Sansovino, Vita del Boccaccio* (Въ изданїи Декамерона, Venezia, 1546). Оба сочиненія имѣ известны по отзывамъ Baldelli, который называетъ первое vita brevissima и говоритъ объ авторѣ второго, что онъ raccolse poche notizie. (Vita di G. B. p. XLI и XLII). О Sansovino см. также Манни I. с. p. 4. Манни въ текстѣ критически разсматриваетъ своихъ предшественниковъ. Körting относится съ большимъ презрѣніемъ ко всемъ біографамъ Боккаччіо до Манни и знакомъ съ ними, повидному, довольно поверхностно: но крайней мѣрѣ, Манетти онъ относитъ къ XIV столѣтію (I. с. p. 57). Corazzini называетъ еще слѣдующія неизданныя біографїи Боккаччіо: въ Флорент. Bibl. Nazion. 1) *Marmi, Notizie sulla vita e gli scritti del Boccaccio. Cod. 26. Clas. 25.* 2) *Nascita e morte del Boccaccio. Cod. 105. Cl. VII* и 3) *Cod. Riccardianus № 1162—Anonimo, Vita del Boccaccio* (I. с. p. CVII, CX, CXI).

²⁾ Изъ общихъ сочиненій XVII вѣка нѣкоторые интересъ представляютъ *Voschii Elogia* и *Poppe-Blount*. Бокки останавливается исключительно на Декамеронѣ и упоминаетъ только о Корбаччіо. *Elogium* представляетъ собою эстетическій разборъ Декамерона, при чемъ приведенъ характерный отзывъ объ этомъ произведенїи Аргиропулоса: *Graeciam ipsam nullum habere auctorem, qui tam copiosus esset, tam eloquens etc.* У Galletti, p. 40 и 41. *Censura Poppe-Blount'a* собраніе отзывовъ о Боккаччіо раннихъ писателей. *Elogium* Боккаччіо есть также въ упомянутыхъ *Elogia Papirii Massonis*.

³⁾ Negri, *Scrittori fiorentini*, p. 269 и слѣд.

⁴⁾ Это видно уже изъ заглавія. *Illustrazione istorica del Boccaccio* — второстепенное названіе, которое отсутствуетъ на заглавномъ листѣ: *Istoria del Decamerone di Giovanni Boccaccio scritta da Domenico Maria Manni Firenze MDCCXXXVII*. Біографія является только введеніемъ, которое занимаетъ изъ 672 страницъ 130.

представляетъ значительный интересъ для исторіографіи Возрожденія своею первой главой.

Прежде всего характеренъ уже тотъ фактъ, что первый научный біографъ Боккаччіо интересуется преимущественно Декамерономъ и только мимоходомъ говоритъ о его другихъ произведеніяхъ, такъ что новеллистъ совершенно затмеваетъ гуманиста. Далѣе интересна самая біографія. Исторіи личности Боккаччіо мы въ ней, конечно, не находимъ; это только собраніе свѣдѣній о его жизни, почерпнутыхъ изъ его сочиненій. Но эти свѣдѣнія собраны полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо раньше, *впервые* критически провѣрены и касаются не только жизни, но и сочиненій Боккаччіо. Работа Манни является такимъ образомъ первымъ научнымъ конспектомъ біографіи Боккаччіо.

Манни былъ единственнымъ біографомъ автора Декамерона въ XVIII вѣкѣ¹⁾; но въ цѣломъ рядѣ появившихся тогда общихъ сочиненій сообщено было много новыхъ біо- и библиографическихъ свѣдѣній о Петраркѣ. Такъ, Дзено въ „Фоссовыхъ Диссертаціяхъ“ сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія къ книгѣ Манни²⁾. Но особенно цѣнный для того времени матеріалъ извлекъ изъ рукописей Мегусъ въ своей замѣчательной біографіи Траверсари. Такъ, онъ впервые издалъ нѣкоторыя письма Боккаччіо и извлеченія изъ инструкцій, которыя были вручены ему при дипломатическихъ миссіяхъ³⁾; напечаталъ посвященныя ему эпитафіи⁴⁾, по неизданнымъ тогда документамъ прослѣдилъ его отношеніе къ Петраркѣ⁵⁾ и впервые выяснилъ его заслуги въ распространеніи по Италіи изученія греческаго языка⁶⁾.

Всѣ свѣдѣнія о Боккаччіо, имѣвшіяся до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, собралъ въ своемъ знаменитомъ словарѣ Маццукелли и сопоставилъ ихъ въ очень сжатомъ и весьма содержательномъ біографическомъ очеркѣ⁷⁾. Кромѣ критически разсмотрѣнныхъ внѣшнихъ фактовъ, Маццукелли впервые далъ подробную критическую библиографію произведеній Боккаччіо, отдѣливъ подлинныя отъ апокрифическихъ, и сопоставилъ различныя мнѣнія объ историческомъ

---

1) *Zanneti* предпослалъ *Novelle italiane*. Venezia. 1759 *Compendio della Vita del Boccaccio*, не представляющій интереса.

2) *Zeno* I. c. p. I p. 6 и слѣд.

3) *Mehus*, *Vita A. Traversarii* I p. CCIII, CCLXVII, CCLXXXII.

4) *Ibid.* p. CCLXV, CCCXXX.

5) *Ibid.* p. XXXI, CCLVI.

6) *Ibid.* p. CCLXVIII и слѣд.

7) *Mazzuchelli*, *Gli scrittori d'Italia* II, 2 p. 1315 и слѣд.

значеніи автора Декамерона. Этотъ послѣдній отдѣлъ представляетъ особенный интересъ въ исторіографическомъ отношеніи, такъ какъ Маццукелли приводитъ мнѣнія, выраженные не только въ спеціальной литературѣ по Возрожденію, но и въ различныхъ сочиненіяхъ, касающихся Боккаччіо болѣе или менѣе случайно. Изъ очерка Маццукелли видно, что ко второй половинѣ XVIII вѣка вопросъ о гуманистическомъ значеніи Боккаччіо еще не поставленъ и его роль въ движеніи сводится къ заботамъ о греческомъ языкѣ. Его латинскія сочиненія не имѣютъ особаго авторитета; въ лучшемъ случаѣ ихъ упоминаютъ на-ряду съ итальянской поэзіей, а чаще отрицаютъ за ними всякое значеніе преимущественно вслѣдствіе недостатковъ ихъ языка. Большинство писателей и самъ Маццукелли выше всего ставятъ Декамеронъ, который оцѣнивается исключительно съ литературной точки зрѣнія и преимущественно со стороны языка, при чемъ отдѣльные голоса предпочитаютъ итальянской прозѣ Боккаччіо его итальянскую же поэзію. Наконецъ, существуютъ противники Декамерона, которые обвиняютъ его автора не только въ дурныхъ нравахъ, но и въ безбожіи ¹⁾. Если присоединить сюда опущенныя Маццукелли мнѣнія нѣкоторыхъ протестантскихъ писателей, которые видѣли въ Боккаччіо предшественника Лютера, такъ какъ въ Декамеронѣ осмѣивается, по ихъ мнѣнію, не только папская власть, но и почитаніе святыхъ и даже таинства ²⁾, то этимъ будутъ исчерпаны всѣ воззрѣнія этой эпохи на Боккаччіо.

Историки литературы конца прошлаго столѣтія въ общемъ раздѣляютъ точку зрѣнія Маццукелли и не вдаются въ подробную оцѣнку историческаго значенія Боккаччіо. Ягеманнъ ограничивается его біографическимъ очеркомъ по Манни и Маццукелли ³⁾; эти же авторы лежатъ въ основаніи изложенія Тирабоски, который дѣлаетъ впрочемъ критическія замѣчанія по второстепеннымъ вопросамъ біографіи Боккаччіо: о мѣстѣ его рожденія, о характерѣ его любви къ Фіамметтѣ и т. п. ⁴⁾. Очеркъ Бутервека представляетъ интересъ только въ томъ отношеніи, что авторъ настаиваетъ на необходимости для біографіи Боккаччіо предварительно установить хроно-

---

¹⁾ Ibid. p. 1325—1329.

²⁾ Эти писатели приведены у *Baldelli, Vita di G. Boccaccio*, p. 321 и слѣд. Доказательству этого мнѣнія посвящена диссертация *Hayer'a (Programmata III de I. Boccatio, veritatis evangelicae teste 1765)*.

³⁾ Jagemann, l. c. p. 397 и слѣд.

⁴⁾ Tiraboschi, l. c. V. p. 738.

логію его сочиненій ¹⁾). Эта задача была отчасти выполнена въ началѣ нынѣшняго столѣтія *Бальделли*.

„*Жизнь Боккаччіо*“ Бальделли представляет собою первую попытку научной біографіи автора Декамерона. Бальделли не останавливается исключительно на внѣшнихъ фактахъ, но рассматриваетъ сочиненія въ связи съ біографіей, пытается опредѣлить вліянія, дѣйствовавшія на Боккаччіо, и выяснитъ его историческія заслуги. Книга заканчивается нѣсколькими этюдами, въ которыхъ подробнѣе рассматриваются нѣкоторые спорные вопросы біографіи. Выше мы отмѣтили отношеніе Бальделли къ отдѣльнымъ произведеніямъ Боккаччіо; въ самой біографіи нѣкоторые пункты заслуживаютъ особаго вниманія, если не по рѣшенію вопроса, то, по крайней мѣрѣ, по его постановкѣ. Такъ, Бальделли старательно отыскиваетъ тѣ вліянія, которыя, усиливши склонность Боккаччіо къ поэзіи, заставили его окончательно отказаться отъ профессіи купца и юриста и сдѣлаться литераторомъ и ученымъ. Онъ отмѣчаетъ научно-литературные интересы Роберта Неаполитанскаго, перечисляетъ ученыхъ при его дворѣ, приводитъ старое преданіе о впечатлѣніи на Боккаччіо могилы Виргилія, упоминаетъ, что знаменитый экзаменъ Петрарки былъ ему извѣстенъ отъ очевидцевъ, можетъ быть, даже не посредственно, доказываетъ, что любовь къ Маріи д'Аквино окончательно направила его къ модной тогда литературной дѣятельности ²⁾). Правда, что эти вліянія только отмѣчены, а не доказаны, что ихъ характеръ неопредѣленъ ³⁾; что предположенія автора не всегда обоснованы ⁴⁾; тѣмъ не менѣе вопросъ поставленъ совершенно правильно и даже намѣчено его вѣрное рѣшеніе. Гораздо менѣе удалось Бальделли выяснитъ сущность такъ называемаго „обращенія“ Боккаччіо послѣ визита Чани, такъ какъ относящіяся сюда главы заключаютъ въ себѣ извѣстное письмо къ Майнардо о Декамеронѣ, лирическое отступленіе по этому поводу и предположеніе, что именно въ это время Боккаччіо сдѣлался клирикомъ ⁵⁾).

Такой же характеръ намека имѣетъ оцѣнка Бальделли истори-

¹⁾ Bouterweck, l. c. p. 175, 178.

²⁾ *Baldelli, Vita di Giovanni Boccacci. Firenze, 1806* p. 9 и слѣд.

³⁾ Такъ, личности и характеръ стремленій придворныхъ ученыхъ Роберта — Barilli, Barbato, Dionigi (di Borgo san Sepolcro), Paolo Perugino и Andalone del Nero — почти совершенно неопредѣлены. *Ibid.* 11—12.

⁴⁾ Таково, напр., его предположеніе, что P. Perugino и Andalone были учителями Боккаччіо въ греческомъ языкѣ. *Ibid.* p. 14. Ср. p. 138—139.

⁵⁾ *Ibid.* p. 159 и слѣд.

ческаго значенія Боккаччіо: онъ отмѣчаетъ его борьбу противъ представителей старой науки и заслуги въ дѣлѣ возрожденія наукъ и искусствъ ¹⁾, но не выясняетъ, что новаго внесли его сочиненія въ современную ему среду. Отсутствие не только исторіи, но даже характеристики міросозерцанія Боккаччіо и составляетъ самый крупный пробѣлъ книги Бальделли. Онъ останавливается только на его политическихъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ; но въ первомъ случаѣ идетъ рѣчь только о Флоренціи ²⁾, во второмъ Бальделли въ особомъ приложеніи доказываетъ, что Боккаччіо не былъ ни авторомъ *De tribus impostoribus*, ни предшественникомъ Лютера, какъ это утверждали нѣкоторые писатели, но что онъ всегда оставался католикомъ искреннимъ, хотя въ молодости нѣсколько легкомысленнымъ ³⁾.

Бальделли присоединилъ къ своей книгѣ 6 приложеній, составляющихъ почти половину всего сочиненія. Два изъ нихъ—о фамиліи Боккаччіо и о Фіамметтѣ—имѣютъ значеніе только для фактической біографіи ⁴⁾; одно посвящено бібліографіи Декамерона ⁵⁾; три остальныхъ представляютъ интересъ для исторіографіи Возрожденія. Въ одномъ Бальделли собралъ факты для исторіи греческаго языка и литературы въ средневѣковой Италіи съ цѣлью выяснитъ заслуги въ этомъ отношеніи Боккаччіо ⁶⁾. Несмотря на краткость этого очерка, собранныя тамъ свѣдѣнія не были лишены интереса для того времени. Другое приложеніе заключаетъ въ себѣ упомянутую защиту Боккаччіо ⁷⁾, въ которой собраны мнѣнія, ходившія о немъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, что имѣетъ значеніе для исторіи его біографіи. Но наибольшую важность имѣетъ послѣднее приложеніе, въ которомъ Бальделли впервые устанавливаетъ хронологію важнѣйшихъ фактовъ и сочиненій Боккаччіо ⁸⁾, что

¹⁾ Ibid. p. 69 и 215. Сущность отношеній Петрарки къ Боккаччіо Бальделли характеризуетъ вѣрно, но слишкомъ общо: *la contratta amicizia di que' due celebri Fiorentini divenne un avvenimento de' più avventurosi al propagamento della rinasciente letteratura. Fu il Petrarca la guida del Certaldese; fu questi il valevole sostenitore de' suoi alti concepimenti.* Ibid. p. 99.

²⁾ Ibid. p. 99—101 и 120.

³⁾ Ibid. p. 319 и слѣд. ср. p. 163.

⁴⁾ Ibid. p. 271 и слѣд.: 351 и слѣд.

⁵⁾ Ibid. p. 281 и слѣд.

⁶⁾ Ibid. p. 217 и слѣд.

⁷⁾ Ibid. p. 319 и слѣд. Кромѣ упомянутыхъ обвиненій, Бальделли здѣсь опровергаетъ еще обвиненіе въ плагиатѣ, выставленное противъ Боккаччіо нѣкоторыми французскими писателями.

⁸⁾ Ibid. p. 369 и слѣд.

должно было въ значительной мѣрѣ облегчить работу позднѣйшимъ изслѣдователямъ.

Первая половина XIX столѣтія весьма небогата изслѣдованіями по біографіи Боккаччіо. Отдѣльныхъ, крупныхъ біографій за это время почти совсѣмъ не появлялось ¹⁾; только въ предисловіяхъ къ изданіямъ и переводамъ Декамерона и въ разныхъ біографическихъ сборникахъ и словаряхъ встрѣчаются краткіе біографическіе очерки, по большей части не имѣющіе значенія. Такъ, очеркъ *Fanfani*, предпосланный изданію Декамерона 1857 года, составленъ по Бальделли ²⁾. Въ біографическихъ сборникахъ, гдѣ Боккаччіо фигурируетъ вмѣстѣ съ Петраркой ³⁾, пѣвцу Лауры отводится обыкновенно болѣе видное мѣсто, чѣмъ автору Декамерона ⁴⁾. Такъ, въ Энциклопедіи Эрша и Грубера Влас далъ одинъ изъ лучшихъ и обстоятельнѣйшихъ біографическихъ очерковъ Петрарки, тогда какъ коротенькая біографія Боккаччіо, написанная для этого изданія Бутервекомъ, совершенно незначительна ⁵⁾.

Единственное исключеніе составляетъ очеркъ *Vitte*, предпосланный имъ нѣмецкому переводу Декамерона. Съ фактической стороны—это безусловно лучшая біографія послѣ Бальделли и до Ландау. Витте тщательно собираетъ всѣ біографическія свѣдѣнія о Боккаччіо ⁶⁾, сопоставляетъ ихъ и подвергаетъ критической про-

¹⁾ Corazzini называетъ двѣ біографіи Боккаччіо за эту эпоху: *Dubois, Remarks on the life and writings of Boccaccio. London 1804*, и *Lomonaco, Vita di G. B.* (въ *Opere* Т. VII. Lugano 1836). Болѣе интереса представляетъ цитированная статья Шлегеля, какъ самый ранній разборъ сочиненій Боккаччіо; но помѣщенный въ ней коротенькій біографическій очеркъ не представляетъ интереса.

²⁾ *Fanfani, Breve notizia delle vita e della opere di Giovanni Boccacci, con un ragionamento sopra il testo Manelli.* (Въ II Decameron Firenze 1857. V. I).

³⁾ См. выше р. 323, пр. 5.

⁴⁾ Исключеніе составляетъ *Bayle*, который въ своемъ словарѣ игнорируетъ Петрарку и отводитъ мѣсто Боккаччіо (*Dictionnaire historique et critique. Nouvelle édition. Paris 1820. T. III, p. 486* и слѣд.).

⁵⁾ *Bouterweck, Boccaccio* (Въ *Allgem. Encyclop. XI. Theil, p. 115—118*); нѣсколько монографическихъ изслѣдованій, появившихся въ эту эпоху, отличается узко біографическимъ характеромъ. Сюда относятся: *Rosselini, La casa di G. B.* (*Antolog. fiorent. 1825*); *Cateni, Osservazioni sopra la tomba di G. B. Colle 1826* (См. также статью Cateni въ *Nouvo Giornale del Letterati. t. XI № 23, Pisa 1825*). Противъ Cateni *De Povedà, Del sepolcro di Mess. G. B. Colle 1827*.

⁶⁾ Витте изслѣдуетъ даже такіе вопросы, какъ и кого любилъ Боккаччіо раньше Фіамметты и какимъ путемъ добился онъ взаимности отъ этой по-

вѣркѣ. Но очеркъ носитъ чисто внѣшній характеръ: авторъ не даетъ характеристики міросозерцанія Боккаччіо и касается вопроса о его историческомъ значеніи съ чисто литературной точки зрѣнія. „Два различныя духовныя направленія борются за господство въ Средніе вѣка, въ особенности въ ихъ позднѣйшій періодъ“, говоритъ онъ. Одно изъ нихъ отстаиваетъ „собственное благо новаго германо-романскаго міра, католическую вѣру и примыкающія къ ней сказанія о святыхъ и герояхъ, а также рыцарство и рыцарскую поэзію (Minne)“, другое стремилось „къ формальному мастерству древности, къ разчитанной побѣдѣ идеи надъ формой, къ упорной силѣ воли античнаго міра“. Германскіе народы примкнули къ первому направленію, тогда какъ у романскихъ уже въ XII столѣтіи явилось стремленіе „къ оживленію достоянія, пріобрѣтеннаго Римомъ и Греціей“. Но въ началѣ эта послѣдняя тенденція наивно смѣшивала древность съ современностью, заставляя, напримѣръ, Катилину передъ возстаніемъ прослушать мессу и причаститься. „Понадобились столѣтія долгихъ усилій“, говоритъ Витте, „чтобы научить новые народы отказаться отъ своей собственной природы въ классической объективности; но и самыя трудныя попытки остались довольно несовершенными“, какъ это и видно изъ трагедій времени Людовика XIV ¹⁾. Едва-ли можно доказать, что и въ чисто литературной сферѣ ставилась такая невыполнимая задача, какъ отреченіе „отъ своей собственной природы“; но Витте идетъ далѣе. „Только Данте было подъ силу“, говоритъ онъ, „признать античное образованіе однимъ изъ элементовъ, изъ взаимнаго проникновенія которыхъ вышло наше духовное достояніе... его преемники истощали свои силы въ стремленіи быть по языку и настроенію римлянами или греками“, что въ лучшемъ случаѣ носило „забавную окраску“, а то было и просто смѣшно, какъ, напр., письма Петрарки къ древнимъ.

Петрарка и Боккаччіо принадлежатъ къ этой категоріи послѣдователей Данте. „Цѣль, къ которой они оба сознательно стремились, была у нихъ одна и та же“, говоритъ Витте; но первому въ гораздо большей степени удается отдѣлаться отъ средневѣкового образа мыслей и онъ совершеннѣе рѣшаетъ поставленную задачу“. Между тѣмъ у Боккаччіо „здоровая (frisch) жизнь народа со всѣмъ

стѣдней (*Witte. Giovanni Boccaccio* въ первомъ томѣ нѣмецкаго перевода Декамерона. III Auflage, Leipzig 1859, I, p. XXI, XXII (1-е изданіе появилось въ 1828 г.).

¹⁾ Ibid. p. XLIX—L.

его міросозерцаніємъ слишкомъ могущественно течетъ по жиламъ“ и мѣшаетъ сравняться въ этомъ отношеніи съ Петраркой. Поэтому его произведенія распадаются на двѣ части: латинскіе ученые трактаты въ духѣ Петрарки, написанные въ старости, и итальянскіе романы и новеллы, „за которые онъ и теперь еще называется первымъ мастеромъ итальянской прозы“ ¹⁾. Въ этомъ разсужденіи съ полною ясностью обнаруживается необходимость правильного пониманія Ренессанса для вѣрной оцѣнки историческаго значенія первыхъ гуманистовъ. Витте не понадобилось бы разсѣкать Боккаччіо, если бы онъ глубже понялъ общій смыслъ его стремленій, что помогло бы ему лучше выяснить его родство съ Петраркой и существенное отличіе ихъ обоихъ отъ Данте.

Болѣе интереса представляютъ главы, посвященныя Боккаччіо въ важнѣйшихъ обзорахъ исторіи литературы, относящихся къ первой половинѣ XIX столѣтія. Хотя помѣщенные здѣсь біографическіе очерки, составленные обыкновенно по Бальделли, не имѣютъ значенія; но въ дѣятельности Боккаччіо и въ его сочиненіяхъ начинаютъ постепенно обращать все больше и больше вниманія на его гуманистическое значеніе. Такъ, Женгенэ еще не видитъ сходства Боккаччіо съ Петраркой и ихъ существеннаго отличія отъ Данте. По его словамъ, всѣ они, „чтобы подняться на Парнасъ, пошли по столь различнымъ дорогамъ, что достигли вершины, не встрѣчаясь и не сталкиваясь другъ съ другомъ“ ²⁾. Онъ обходитъ молчаніемъ гуманистическія вліянія на Боккаччіо въ Неаполѣ и чисто внѣшнимъ образомъ излагаетъ его заботы объ изученіи античнаго міра ³⁾; но изъ изложенія внѣшнихъ фактовъ Женгенэ приходитъ уже къ весьма важному выводу. „Привыкли говорить, замѣчаетъ онъ, и теперь еще повторяютъ по рутинѣ, что разсѣяніе ученыхъ грековъ при разрушеніи ихъ имперіи было источникомъ возрожденія литературы (*des lettres*) въ Европѣ. Но Данте, Петрарка и въ особенности Боккаччіо опровергаютъ это банальное мнѣніе“ ⁴⁾. Сисмонди дѣлаетъ шагъ впередъ и подчеркиваетъ гуманистическій элементъ въ дѣятельности и сочиненіяхъ Боккаччіо. „Если извѣстность связана только съ итальянскою поэзіей Петрарки и съ новеллами Боккаччіо, говоритъ онъ, то наша признательность къ этимъ двумъ великимъ людямъ должна быть основана на совершенно иныхъ

¹⁾ Ibid. p. L—LII.

²⁾ *Ginguené, Histoire littéraire d'Italie. T. III. Paris 1824, p. 1.*

³⁾ Ibid. p. 5—6; 13—19.

⁴⁾ Ibid. p. 18—19.

мотивахъ: они чувствовали болѣе живо, чѣмъ кто-нибудь, тотъ энтузіазмъ къ прекрасной старинѣ, безъ котораго не удалось бы ее познать; они посвятили долгую и трудолюбивую жизнь разыскиванію и изученію манускриптовъ“ ¹⁾. Сисмонди понимаетъ еще гуманизмъ очень узко, сводить его къ простому увлеченію древностью и черезчуръ его преувеличиваетъ. Говоря о смѣшеніи античнаго съ христіанскимъ въ Фіамметтѣ, онъ сравниваетъ въ этомъ отношеніи Боккаччіо съ авторами средневѣковыхъ романовъ и фавль. „Тѣ невѣжественные люди, говоритъ онъ, не могли понять другого существованія, кромѣ того, которое они знали, и налагали христіанскую окраску на все то, что они знали изъ древней мифологіи“. Боккаччіо и его единомышленники „приписывали языческимъ богамъ жизнь, могущество, дѣятельность. Привыкши удивляться только древнимъ классикамъ, они вводятъ привычные образы и вымыслы даже въ такія произведенія, которыя они цѣликомъ почерпали изъ своего собственнаго сердца“ ²⁾. Такое же смѣшеніе въ Филокопо наводитъ Сисмонди на мысль, что Боккаччіо „старается слить двѣ религіи и показать, что подъ различными именами скрывается одинъ и тотъ же культъ“ ³⁾. Мы видѣли, что авторъ Декамерона никогда не увлекался древностью до такой степени и что если онъ заимствовалъ идеи и образы изъ античной литературы, то только потому, что они вполне соответствовали чувствамъ „его собственнаго сердца“. Но Сисмонди съ несомнѣнной тонкостью подмѣтилъ на-ряду съ этимъ отличіемъ Боккаччіо отъ его предшественниковъ и еще одно, весьма характерное для наступающей эпохи. „Французскіе рыцарскіе романы, говоритъ онъ, имѣли связь съ тѣмъ жанромъ, творцомъ котораго былъ Боккаччіо; но онъ вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ чудеснымъ событіямъ и такимъ образомъ занять воображеніе читателя, извлекаетъ всѣ свои ресурсы изъ человѣческаго сердца и изъ страсти“ ⁴⁾. Такимъ образомъ вопросъ о гуманистическомъ значеніи Боккаччіо поставленъ, хотя еще безъ достаточной твердости и опредѣленности. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Рутъ въ своей „исторіи итальянской поэзіи“. Онъ находитъ „особенный интересъ наблюдать, какъ въ сочиненіяхъ Боккаччіо античный элементъ часто приходитъ въ конфликтъ съ схоластической

---

¹⁾ *Sismondi. De la littérature du Midi de l'Europe. T. II, p. 17.*

²⁾ *Ibid. p. 12.*

³⁾ *Ibid. p. 13.*

⁴⁾ *Ibid. p. 10.*

атмосферой его времени“¹⁾. Ругъ преувеличиваетъ даже, хотя по особымъ мотивамъ, гуманистическое значеніе Боккаччіо. Подъ вліяніемъ крайней автипатіи къ Петраркѣ онъ старается поставить его во всѣхъ отношеніяхъ ниже автора Декамерона. „Обыкновенно Боккаччіо ставятъ ниже Петрарки, говоритъ онъ; намъ кажется это грубой несправедливостью, которая происходитъ отъ полного непониманія заслугъ обоихъ поэтовъ“²⁾. Доказывая далѣе, что Боккаччіо несравненно выше перваго гуманиста, какъ человѣкъ, какъ поэтъ и какъ общественный дѣятель³⁾, онъ находитъ въ его латинскихъ сочиненіяхъ одушевленіе „къ дѣлу человѣчества“ и „солидную ученость“, „тогда какъ Петрарка въ своихъ разукрашенныхъ философствованіяхъ о счастіи уединенія и объ утѣшеніи въ несчастныхъ случаяхъ думаетъ болѣе о себѣ и о своемъ тщеславіи“⁴⁾.

Гуманистическое значеніе Боккаччіо, отмѣченное въ обзорахъ по исторіи литературы, было подчеркнуто ранними историками Ренессанса Эргардомъ и Шарпантье, хотя страницы, посвященныя ими автору Декамерона, сами по себѣ и не представляютъ интереса. Эргардъ, оставляя въ сторонѣ итальянскія произведенія Боккаччіо, отмѣчаетъ его успѣхи въ греческомъ языкѣ сравнительно съ Петраркой⁵⁾. Шарпантье слишкомъ узко понимаетъ гуманизмъ, какъ возрожденіе интереса къ древности; но эта сторона въ дѣятельности Боккаччіо выставлена имъ на первый планъ и даже значительно преувеличена. Онъ не только тщательно отмѣчаетъ заслуги Боккаччіо въ дѣлѣ разысканія старыхъ рукописей и распространенія изученія греческаго языка⁶⁾, не только ищетъ въ его итальянскихъ произведеніяхъ исключительно слѣдовъ античнаго вліянія, но даже приписываетъ этому вліянію такіе романы, которые были созданы совсѣмъ другимъ настроеніемъ⁷⁾. Такая точка зрѣнія на Боккаччіо подготовила отношеніе къ нему Фогта, который впервые попытался подробнѣе выяснить, въ чемъ заключается гуманистическое значеніе автора Дека-

---

¹⁾ *Ruth, Geschichte der italienischen Poesie. I. Leipzig 1844* p. 572.

²⁾ *Ibid.* p. 591.

³⁾ *Ibid.* p. 591—592. Ср. p. 575, 583.

⁴⁾ *Ibid.* 591. Ср. p. 577—78.

⁵⁾ *Erhard*, I. c. I, p. 217—220.

⁶⁾ *Charpentier*, I. c. p. 146 и слѣд.

⁷⁾ *Ibid.* p. 151 и слѣд. Очеркъ, посвященный Боккаччіо Dandolo (I secoli di Dante e Colombo, p. 115 и слѣд.), совершенно незначителенъ.

мерона. Фогтъ въ своемъ общемъ сочиненіи ¹⁾ отвелъ гораздо менѣ мѣста Боккаччіо, чѣмъ Петраркѣ, что объясняется отчасти ролью, которую играли оба гуманиста въ движеніи, отчасти состояніемъ источниковъ для біографіи Боккаччіо. Въ 1859 году полное собраніе его писемъ еще не появилось, а изъ предшествующей литературы Фогтъ не воспользовался вторымъ изданіемъ сборника Чампи, гдѣ были помѣщены новые матеріалы. Поэтому въ его книгѣ нѣтъ очерка внѣшнихъ событій жизни Боккаччіо ²⁾ и его возрѣнія изображены гораздо болѣе сжато и гораздо менѣ полно, чѣмъ это было сдѣлано по отношенію къ Петраркѣ. Тѣмъ не менѣ первая и въ цѣломъ и общемъ вѣрная характеристика Боккаччіо составляетъ заслугу Фогта. Фогтъ первый воспользовался вѣрнымъ приемомъ для оцѣнки заслугъ Боккаччіо, сравнивши его произведенія съ сочиненіями Петрарки, первый показалъ, какъ сильно было вліяніе перваго гуманиста и насколько уступаетъ Боккаччіо, какъ ученый, своему руководителю, и подмѣтилъ ихъ разницу въ нѣкоторыхъ личныхъ свойствахъ, каеъ, напр. въ отношеніи къ славѣ ³⁾. Но онъ сильно преувеличилъ вѣрныя наблюденія, что выразилось въ не совсѣмъ правильномъ освѣщеніи личности Боккаччіо и въ не совсѣмъ справедливой оцѣнкѣ его ученой дѣятельности.

Прежде всего, Фогтъ совершенно игнорируетъ настроеніе Боккаччіо, выразившееся въ его итальянской беллетристикѣ, и не достаточно рѣзко отмѣчаетъ его страстную любовь къ поэзіи, о которой онъ говоритъ чуть не въ каждомъ своемъ произведеніи. Вслѣдствіе этого остается неяснымъ, что собственно сдѣлало Боккаччіо гуманистомъ? Фогтъ приписываетъ это въ первомъ изданіи своей книги Петраркѣ, во второмъ также и Данте ⁴⁾. Но соединить оба вліянія возможно

---

¹⁾ Voigt, *Die Wiederbelebung etc. Berlin 1859*. Второе изданіе въ 2 томахъ. Berlin. 1880.

²⁾ Этотъ пробѣлъ былъ пополненъ во второмъ изданіи I, p. 183—186.

³⁾ Voigt, p. 112—113.

⁴⁾ Er hatte noch das siebente Jahr nicht erreicht, da versuchte er sich schon in kleinen Dichtungen, natürlich in tuscischer Sprache. Но отецъ, сначала желавшій сдѣлать сына купцомъ, ihn auf eine Brodwissenschaft, das kanonische Recht verwies. *In dieser Zeit, angefeuert durch Petrarca's vielgerühmten Namen, begann Giovanni die alten Autoren zu lesen, ohne Anleitung, doch mit desto grösserer Begier* (p. 103, 104). Во второмъ изданіи нашъ курсивъ замѣненъ такъ: Dasz es zünachst die tuscische Poesie, dasz es vor allem Dante's Göttliche Komödie war, die den Genius des jungen Giovanni angeregt, ist Kein Zweifel. Er ist auch dieser Begeisterung seiner Jugend nie untreu geworden... Sicher hat er auch den Namen Petrarca's

только при томъ предположеніи, что поэтъ Боккаччіо былъ гуманистомъ больше по настроенію, чѣмъ по воззрѣніямъ. Естественно поэтому, что онъ подчинился вліянію Петрарки, хотя это подчиненіе вовсе не было такъ слѣпо, какъ доказываетъ Фогтъ. „Всѣ точки зрѣнія и идеи Боккаччіо, говоритъ онъ,—всегда собственность Петрарки. Но онъ схватываетъ только отдѣльныя нити ткани, чтобы ихъ праять далѣе, огромное же ихъ большинство совершенно отъ него ускользаетъ, и объ ихъ значеніи въ цѣломъ онъ не имѣетъ никакого представленія (Annung). Часто намъ кажется непонятнымъ, какъ могъ столь близкій другъ и столь преданный почитатель Петрарки не научиться у него большому“¹⁾. Фогтъ буквально перепечаталъ эту тираду во второмъ изданіи своей книги²⁾, хотя ему и были уже извѣстны письма Боккаччіо, въ которыхъ онъ поправляетъ ошибки своего руководителя и жестоко порицаетъ его политику³⁾. Вообще Фогтъ почти не касается отношенія Боккаччіо къ Флоренціи и его политическихъ стремленій, которыми онъ наиболѣе отличался отъ Петрарки⁴⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Петрарка оказывалъ сильное вліяніе на ученую и литературную дѣятельность Боккаччіо, тѣмъ не менѣе ее никоимъ образомъ нельзя свести къ одному только подражанію, какъ это дѣлаетъ Фогтъ. По его мнѣнію, Боккаччіо нападалъ на средневѣковыхъ философовъ, „какъ вѣрный оруженосецъ своего господина и рыцаря“⁵⁾; поэтому же полемизировалъ онъ съ юристами и медиками и, пригласивъ врача, онъ „извиняется, какъ послушный ученикъ мастера“⁶⁾. „Гдѣ, напротивъ, Петрарка является дѣйстви-

---

zuerst als den des Laura-Sängers kennen gelernt. Aber tiefer traf ihn der Ruhm, den Petrarca als Dichter der Eklogen und der Africa, als der neue Virgilius erwarb. I, p. 165.

¹⁾ Voigt, p. 107.

²⁾ I p. 174.

³⁾ Coraz., p. 34 и 47.

⁴⁾ Въ первомъ изданіи онъ совершенно невѣрно замѣчаетъ: что die Cabalen der Stadtparteien ihm nur keine Sorge machen (p. 113). Наоборотъ, и въ перепискѣ (см. напр. Coraz., p. 72, 80, 270), и въ другихъ сочиненіяхъ, особенно въ Comento, онъ часто и съ горечью говоритъ о партіяхъ. Во второмъ изданіи Фогтъ передѣлалъ эту фразу и сдѣлалъ вѣсколько фактическихъ дополненій о политической дѣятельности Боккаччіо, но очень коротко (p. 181—183), такъ что эта сторона его біографіи осталась безъ освѣщенія.

⁵⁾ Voigt, p. 103.

⁶⁾ Только въ новомъ изданіи, I, p. 175—176.

тельно просвѣщеннымъ и великимъ, тамъ ученикъ его не могъ за нимъ слѣдовать ¹⁾, какъ это замѣтно въ отношеніи къ астрологіи. Дѣло, было, очевидно, не въ томъ, что Боккаччіо *не въ силахъ* былъ слѣдовать за учителемъ, но просто не находилъ нужнымъ и потому *не хотѣлъ* дѣлать это. Боккаччіо выбиралъ изъ идей Петрарки то, что считалъ для себя подходящимъ, боролся противъ тѣхъ средневѣковыхъ ученыхъ, которые нападали на дорогую ему поэзію, и раздѣлялъ мнѣнія другихъ, если они соотвѣтствовали его воззрѣніямъ. Особенно преувеличиваетъ Фогтъ вліяніе Петрарки на отношеніе Боккаччіо къ поэзіи. По его мнѣнію, Боккаччіо вступилъ за нее въ такую борьбу, „которая казалась недостойною его учителю“ ²⁾. Не вѣрно, во-первыхъ, то, что Петрарка презиралъ противниковъ поэзіи. Кромѣ переписки, онъ велъ съ ними ожесточенную борьбу въ инвективѣ противъ медика. Кромѣ того, ея защита для Боккаччіо была болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ для Петрарки: въ поэзіи заключалось главное стремленіе и главная цѣна его жизни, за поэзію онъ боролся съ самой ранней юности, и если онъ не нуждался въ образцѣ для противодѣйствія отцу, то, конечно, не изъ подражанія Петраркѣ защищалъ онъ ее и въ зрѣломъ возрастѣ, хотя и заимствовали у него почти всю свою аргументацію.

Особенно неточно изображаетъ Фогтъ различіе между гуманистами во взглядахъ на поэзію. „Въ опредѣленіи Боккаччіо поэзіи,—говоритъ онъ, вполне замѣтно, какъ онъ воспринималъ нѣкоторыя случайныя выраженія Петрарки, не достигши общей, хотя и смутной въ силу субъективныхъ отношеній мысли своего учителя. Этотъ видѣлъ поэта прежде всего въ самомъ себѣ: философа, религіознаго мыслителя, таинственно-величественнаго человѣка, пророка — всѣхъ ихъ вмѣстѣ вводилъ онъ въ понятіе поэта. Могущество слова и болѣе глубокій аллегорическій смыслъ представлялъ онъ при этомъ только, какъ атрибуты поэзіи. Именно на этихъ обоихъ признакахъ Боккаччіо какъ бы помѣшался. Прежде всего практическая риторика кажется ему весьма похожей на поэзію. По его мнѣнію, работа поэта не иное что, какъ изобрѣтеніе новаго, неслыханнаго матеріала; она заключается въ правильномъ его расположеніи, въ украшеніи необыкновенными словами и сентенціями, въ обрисовкѣ положенія, въ похвалѣ, одушевленіи, побужденіи и обузданіи людей“ ³⁾. Не подлежитъ

---

¹⁾ Ibid. p. 176.

²⁾ Voigt, p. 110.

³⁾ Voigt, p. 111.

сомнѣнію, что Боккаччіо понималъ поэзію уже Петрарки, но отъ этого онъ былъ только ближе къ истинѣ, чѣмъ его учитель. Къ сожалѣнію, онъ дѣйствительно „воспринялъ“, только „не случайныя выраженія“, а основной взглядъ Петрарки, что сущность поэзіи въ аллегоріи и поученіи; но въ своихъ эклогахъ онъ гораздо понятнѣе своего учителя, которому онъ подражалъ въ данномъ случаѣ. Эту подражательность въ поэтическомъ творествѣ Фогтъ крайне преувеличиваетъ въ новомъ изданіи своей книги. „Такое подражаніе, говоритъ онъ, было для него очевидно выше внушеній собственной музы... Если онъ считалъ Лауру Петрарки только за аллегорическій образъ поэта, который обозначалъ стремленіе къ лаврамъ, то и его Фіамметта не болѣе того, хотя также и ее можно привести въ связь съ неаполитанской красавицей“¹⁾. Въ XIX вѣкѣ никто, кромѣ Фогта, не считалъ Лауру аллегоріей, а возлюбленная автора Декамерона всегда стояла внѣ всякихъ подозрѣній въ этомъ отношеніи.

Считая литературную дѣятельность Боккаччіо результатомъ слѣпого, механическаго подражанія не всегда понятному образцу, Фогтъ несправедливо относится и къ его личнымъ способностямъ. „Геніальность Петрарки, говоритъ онъ, не можетъ быть столь ясно освѣщена никакимъ доказательствомъ, какъ обрывомъ (Abfall), который мы замѣчаемъ при переходѣ отъ него къ Боккаччіо. Для Петрарки древность была школою человѣка; онъ сознаетъ себя проникнутымъ ея духомъ; онъ господствуетъ надъ тѣмъ, чтó читаетъ, и чтó ему подходитъ, дѣлается его личною собственностью“²⁾. Боккаччіо хватается за эту науку только съ матеріальнымъ (stofflich) интересомъ; его заслуга — прилежаніе, онъ остается рабомъ мелочей (Kleinigkeitskrämer). Онъ сильно работалъ въ ширину, тогда какъ стремленіе Петрарки всегда направлялось вглубь... Онъ былъ предшественникъ и типъ филологическаго мелкаго ремесла (Kleinmeisterei); работа котораго, чтобы быть плодотворной, должна быть сначала оплодотворена разумомъ... Боккаччіо безъ выбора нагромождаетъ другъ на друга самыя различныя авторитеты различныхъ періодовъ... не имѣетъ смѣлости для энергическаго мнѣнія; все написанное кажется ему еще достойнымъ почтенія“ и т. д.³⁾. Существенная разница

1) . . . so ist seine Fiammetta wohl auch nicht mehr, mag immerhin auch sie an eine neapolitanische Schönheit anknüpfen. Voigt, I, p. 179.

2) Интересно сравнить это мѣсто съ тѣмъ, что говорится о Петраркѣ выше. Вообще Петрарка становится Фогту гораздо симпатичнѣе, когда онъ, покончивъ съ его характеристикой, говоритъ о другихъ гуманистахъ.

3) Voigt, p. 105—106; 107, 108.

между Петраркой и Боккаччио заключается въ томъ, что послѣдній не обладалъ философскими и этическими интересами своего учителя и, какъ поэтъ и писатель, превосходилъ его объективностью. Боккаччио остается рассказчикомъ въ своихъ латинскихъ сочиненіяхъ, какъ Петрарка лирикомъ и въ философскихъ трактатахъ. Поэтому его сочиненія нужно сравнивать не съ трактатами Петрарки, а съ *De rebus memorandis* и съ *De viris illustribus*, и тогда разница не будетъ столь рѣзкой. Обвиненіе его въ слѣпомъ преклоненіи передъ авторитетами такъ же мало справедливо, какъ и въ рабской подражательности. Фогтъ не доказываетъ своихъ положеній разборомъ сочиненій Боккаччио, о которыхъ только упоминаетъ или ограничивается только безапелляціоннымъ приговоромъ. Выше мы привели много примѣровъ, изъ которыхъ видно, что Боккаччио не только не былъ чуждъ критицизма, но что его критика принимала иногда рѣзкія формы и простиралась на самого учителя. Правда, въ общемъ критицизмъ Боккаччио менѣе задоренъ, чѣмъ у Петрарки; но это объясняется отчасти повѣствовательною формою его сочиненій, отчасти отсутствіемъ раздражительности и рѣзкой вражды къ предшествующей эпохѣ. Петрарка и Боккаччио люди разныхъ типовъ, хотя нельзя отрицать, что умъ перваго гуманиста-мыслителя былъ болѣе широкъ и болѣе глубокъ, чѣмъ его послѣдователя-поэта.

Итакъ до половины XIX столѣтія мы находимъ только у Фогта первую попытку подробнаго выясненія личности Боккаччио и его историческаго значенія. Къ сожалѣнію, эта часть его книги значительно ниже характеристики Петрарки ¹⁾ и далеко не имѣетъ того значенія въ исторіографіи Ренессанса, какъ эта послѣдняя. Главная причина односторонности Фогта въ оцѣнкѣ Боккаччио заключается въ совершенномъ игнорированіи Декамерона и вообще его итальянской прозы, что обусловливается его взглядомъ на Ренессансъ, какъ на возрожденіе классической древности. Въ характеристикѣ Петрарки недостатки такой узкой точки зрѣнія не выступаютъ наружу съ особенной рѣзкостью вслѣдствіе того, что итальянскія произведенія перваго гуманиста имѣютъ второстепенное значеніе для выясненія его всемірно-исторической роли. Между тѣмъ одни латинскія сочиненія

---

¹⁾ Въ новомъ изданіи своей книги въ 1880 г. Фогтъ воспользовался появившимися за этотъ промежутокъ работами Fraccassetti, Landau, Corazzini, Hortis и значительно дополнилъ изложеніе (кромѣ цитированныхъ выше вставокъ, см. pp. 166—169, 169—170, 170—172, 173, но общій тонъ отношенія къ Боккаччио не только не смягченъ, но даже усилень. См. p. 170, 175—176, 179—180).

Боккаччіо не выясняютъ достаточно ни его личности, ни его историческаго значенія. Это чувствовали и ранніе біографы-гуманисты, которые въ огромномъ большинствѣ случаевъ основываютъ свою оцѣнку Боккаччіо на обѣихъ категоріяхъ его произведеній. Уклоненіе отъ такого приѣма неизбежно должно повлечь за собою одностороннюю и крайне несправедливую къ автору Декамерона его характеристику, какъ показываетъ примѣръ Кортезе. Поэтому вниманіе къ итальянской прозѣ Боккаччіо составляетъ характерную черту почти всѣхъ его біографовъ до Фогта. Тѣмъ не менѣе самая односторонность Фогта принесла существенную пользу: если его попытка выяснитъ значеніе Боккаччіо на основаніи только его латинскихъ произведеній и не можетъ быть признана удачной, то она, по крайней мѣрѣ, поставила на видъ необходимость изслѣдованія ученыхъ трудовъ автора Декамерона для его всесторонней оцѣнки.

V.

Отношеніе къ Боккаччіо Джудичи и Де-Санктиса.—Вліяніе пятисотлѣтняго юбилея Боккаччіо на его біографическую литературу.—Кораццини и Ландау.—Оцѣнка гуманистической дѣятельности Боккаччіо въ общихъ сочиненіяхъ Сэймондса, Геттнера и Жебара.—Кёртингъ.

Со времени выхода въ свѣтъ книги Фогта до второй половины семидесятыхъ годовъ не появилось ни одного сочиненія, специально посвященнаго Боккаччіо ¹⁾. Только общіе обзоры исторіи литературы, вышедшіе за это время, касаются его біографіи и иногда ставятъ вопросъ о его историческомъ значеніи. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія книги Джудичи и Де-Санктиса ²⁾. Джудичи

¹⁾ Исключеніе составляютъ два незначительныхъ предисловія къ Декамерону: *Dazzi, Notizia, di G. B.* (Въ *Novelle commentate ad uso delle scuole. Firenze 1868*) и *Berri, Vita del Boccaccio* (Decam. Firenze 1874).

²⁾ Страницы, посвященныя Боккаччіо Cantù (I. с. р. 84—90) и Пинто (I. с. р. 309—317) не имѣютъ значенія. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось воспользоваться книгою *Bartoli (I primi due secoli della letteratura italiana. Milano 1877*, которая представляетъ интересъ, несмотря на суровый приговоръ Кёртингъ'a (Dass wir A. Bartoli's wüstes Buch nicht näher citiren und im Folgenden nicht berücksichtigen, говорятъ онъ, wird gewiss Jeder begreiflich finden, der diese unwissenschaftliche Compilation kennt (I. с. р. 58).

стоятъ на чисто литературной точкѣ зрѣнія; его главную цѣль составляетъ всестороннее объясненіе художественныхъ произведеній Боккаччіо. Но при ихъ критическомъ разборѣ онъ отмѣчаетъ черты, имѣющія историческую важность. Джудичи настаиваетъ, что произведенія Боккаччіо—результатъ сліянія античныхъ традицій съ живою современностію. Какіе элементы заимствованы изъ древности и чѣмъ вызвано самое заимствование? отвѣта на эти вопросы мы не находимъ въ книгѣ Джудичи. Авторъ съ нѣкоторымъ противорѣчіемъ говоритъ даже о цѣляхъ заимствования. То ему представляется, что Боккаччіо имѣлъ въ виду „пробудить истинный духъ античной литературы“, презирая вмѣстѣ съ Петраркой все современное, и вынужденъ былъ на уступки дѣйствительности только потому, что не могъ „измѣнить человѣческую семью въ коллегію археологовъ, вырвать ее изъ современности и отогнать къ отдаленнѣйшимъ временамъ“¹⁾. То ему кажется, что „Петрарка и не менѣе его Боккаччіо старались собрать вмѣстѣ элементы, которыми пользовалась античная поэзія, съ цѣлью оживить и обогатить (*impinguare*) новую“²⁾. Во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ тотъ важный фактъ, что въ итальянской поэзіи Боккаччіо обнаруживается сліяніе элементовъ культуры двухъ историческихъ эпохъ. Иначе понимаетъ значеніе Боккаччіо Де-Санктисъ. Характеризуя настроеніе среды, изъ которой вышелъ авторъ Декамерона, Де-Санктисъ совершенно вѣрно сводитъ причины происшедшихъ тогда переменъ къ вліянію развившейся культуры на распатавшійся средневѣковой католицизмъ. Въ концѣ Среднихъ вѣковъ рѣзко бросалось въ глаза полное противорѣчіе между требованіями аскетическаго идеала и дѣйствительностью и „чѣмъ выше былъ образецъ, тѣмъ замѣтнѣе и скандальнѣе было это противорѣчіе“. Но упадокъ нравовъ не былъ „смѣлымъ отрицаніемъ христіанскихъ доктринъ“; распущенные клирики и свѣтскіе люди, при полномъ равнодушіи въ моральной сферѣ, считали себя хорошими христіанами и ревностно боролись противъ еретиковъ. „При такомъ настроеніи умовъ, говоритъ Де-Санктисъ, культура должна была имѣть разрушительное вліяніе. Легендарная, фантастическая, чудесная сторона этого міра должна была казаться такъ же мало серьезной, какъ и проповѣди монаховъ, противорѣчившія жизни. Исчезаетъ та дѣтская чистота вѣры даже въ наиболѣе абсурдныхъ вещахъ, которая такъ привлекаетъ насъ у предшествующихъ писа-

¹⁾ *Emiliani-Giudici*, I. с. p. 305—306.

²⁾ *Ibid.* p. 314—315.

телей. Образованные классы начинают отдѣляться отъ плебеевъ и забавляться надъ ихъ легковѣрностью. Быть вѣрующимъ прежде составляло славу (*un titolo di gloria*) для наиболѣе сильныхъ умовъ; быть невѣрующимъ сдѣлалось теперь признакомъ просвѣщеннаго ума¹⁾. Эта характеристика вполне приложима только не къ XIV вѣку, а ко второй половинѣ XV и къ первой XVI столѣтій. Въ занимающую насъ эпоху открытаго и даже просто сознательнаго невѣрія незамѣтно; пока смѣются не надъ католицизмомъ, а надъ его злоупотребленіями; новые идеалы, освящающіе новыя потребности, вырастаютъ рядомъ со старыми, и ихъ непримиримое противорѣчіе пока еще не признано. Но основная мысль Де-Санктиса, что гуманистическое движеніе было вызвано общимъ подъемомъ культуры, остается совершенно вѣрной.

Весьма мѣтко указываетъ Де-Санктисъ и другой результатъ предшествующаго культурнаго развитія. „Съ другой стороны, — говоритъ онъ, — подъемъ культуры (*la maggiore cultura*), *породивъ болѣе живое чувство природы и чловѣка*, долженъ былъ ускорить разрушеніе міра столь абстрактнаго и столь чуждаго (*estrinsecò*) жизни. Непризнанная реальность должна была получить возмездіе; слишкомъ сдвленная природа должна была въ свою очередь оказать реакцію. Такимъ образомъ изъ столкновенія съ преувеличеннымъ спиритуализмомъ появился, какъ неизбѣжная реакція, натурализмъ и реализмъ въ практической жизни“²⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что анти-аскетическая реакція многое объясняетъ въ гуманистической литературѣ и въ частности въ произведеніяхъ Боккаччіо. Но Де-Санктисъ преувеличиваетъ ея вліяніе: изъ нея выводитъ онъ неспособность гуманистовъ къ религіозной реформѣ, ею объясняетъ ихъ религіозное равнодушіе. „Живое чувство природы и чловѣка“ вовсе не устраняло религіозности и даже нѣкотораго мистицизма, какъ это видно изъ примѣра Петрарки; философско-моральные интересы составляютъ характерную черту гуманиста; даже попытки реформировать католицизмъ въ духѣ новыхъ потребностей встрѣчаются иногда въ гуманистической литературѣ. Гуманисты были лишены такого религіознаго одушевленія, какое необходимо для религіознаго переворота; но причина этого заключалась не въ анти-аскетической реакціи, которая имѣла мѣсто и въ Германіи. Самый религіозный индифферентизмъ произошелъ не тѣмъ путемъ, какъ думаетъ Де-

¹⁾ De Sanctis, storia della litteratura I, p. 292—293.

²⁾ Ibid. p. 293.

Санктисъ. По его словамъ, средневѣковой католицизмъ вдругъ, „безъ духовной борьбы“ пересталъ интересоваться гуманистовъ, сохранивши даже формальное господство надъ разумомъ ¹⁾). Единственная „болѣе серьезная борьба была начата гиббеллинами“, но битва при Беневентѣ доставила окончательное торжество гвельфамъ, и тогда начали „открывать и комментировать рукописи, и въ дѣлахъ вѣры представляли говорить папѣ, а жили по-своему ²⁾“. Въ дѣйствительности же литературная борьба шла непрерывно и отразилась въ произведеніяхъ почти всѣхъ крупныхъ гуманистовъ, начиная съ Петрарки и Боккаччіо. Ея результатами были отчасти полное религіозное равнодушіе, отчасти сознательное невѣріе и даже паганизмъ, но всѣ эти явленія относятся къ концу XV столѣтія. Битва при Беневентѣ не играла тутъ никакой роли.

Съ этой точки зрѣнія характеризуетъ Де-Санктисъ и Боккаччіо. Признавая, что въ эту эпоху существовало еще старое міросозерцаніе, онъ утверждаетъ, что Боккаччіо совершенно отъ него свободенъ. „Онъ ставитъ на одну линію міръ духовный и свѣтскій, Библию и мѣологію, теологію и поэзію“, говоритъ Де-Санктисъ. Богословіе для него поэзія о Богѣ, поэтический вымыселъ... Въ теоріи онъ допускаетъ религію и съ уваженіемъ говоритъ о теологіи, которая сообщаетъ „о божественномъ существѣ и о другихъ отдѣльныхъ интеллигенціяхъ“; но на практикѣ этотъ міръ духа совершенно чуждъ его разуму и его сердцу. Мистицизмъ, платонизмъ, схоластика, весь дантовскій міръ не имѣютъ для него никакого смысла. „Этотъ міръ остается для него чуждымъ не только какъ культура, но еще болѣе, какъ чувство, и ему недоставало не только религіознаго чувства, но даже извѣстной нравственной возвышенности, которая тогда его замѣняла“ ³⁾). Де-Санктисъ не приводитъ фактическихъ основаній для такой характеристики, но онъ имѣетъ въ виду Декамеронъ. По этому сочиненію характеризуетъ онъ не только Боккаччіо, но его среду. Выше мы видѣли, насколько веселыя новеллы даютъ право дѣлать подобные выводы; но, кромѣ того, съ самымъ пріемомъ Де-Санктиса никоимъ образомъ нельзя согласиться. Боккаччіо далеко не весь сказанъ въ произведеніяхъ своей юности; для его характеристики также необходимы и его латинскіе трактаты, гдѣ выразилось иное настроеніе, которое дополняетъ и опредѣляетъ его умственную

¹⁾ Quel mondo si trovò fuori della coscienza, senza lotta intellettuale anzi rimanendo ozioso padrone dell' intelletto. Ibid.

²⁾ Ibid. p. 294.

³⁾ Ibid. p. 300.

и нравственную физиономию въ особенности съ религіозной стороны. Достаточно одной „Генеалогіи“, чтобы видѣть, что въ міросозерцаніи Боккаччіо средневѣковые элементы занимаютъ такое же мѣсто, какъ и въ его поэзіи. Признавая Боккаччіо человѣкомъ въ совершенно новомъ духѣ, вполне свободнымъ отъ всякихъ слѣдовъ предшествующей эпохи, Де-Санктисъ утверждаетъ, что новое міросозерцаніе дало ему полное успокоеніе. Друзья называли его иногда *Giovanni della Tranquillità*, и въ этомъ названіи былъ глубокій смыслъ ¹⁾. Дѣйствительно, Декамеронъ производитъ такое впечатлѣніе; но эпизодъ съ Чани показываетъ, что спокойствіе, которымъ дышатъ новеллы, не результатъ цѣльнаго и прочнаго міросозерцанія, а проявленіе беззаботной молодости и малаго интереса къ теоретическимъ вопросамъ.

Во вторую половину семидесятыхъ годовъ, по поводу пятидесятилѣтія смерти Боккаччіо, его біографическая литература значительно оживляется: появляется рядъ обстоятельныхъ монографическихъ работъ ²⁾ и нѣсколько общихъ біографическихъ очерковъ и изслѣдованій ³⁾. Такъ, Фейерлейнъ, на-ряду съ Петраркой, посвятилъ очеркъ и Боккаччіо; но его характеристика автора Декамерона не представляетъ интереса съ исторической точки зрѣнія. Фейерлейнъ сравниваетъ поэзію Петрарки и Боккаччіо, излагаетъ его итальянскія произведенія, даетъ ихъ литературный разборъ и показываетъ противорѣчіе его теоретическихъ воззрѣній на поэзію съ собственной практикой ⁴⁾. Болѣе крупныя работы о Боккаччіо появились послѣ изданія его переписки Кораццини.

Въ 1877 году Франческо Кораццини впервые издалъ полное собраніе дошедшихъ до насъ писемъ Боккаччіо, предпослалъ имъ довольно обширное введеніе и приложилъ нѣсколько документовъ ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. p. 321.

²⁾ Сюда относятся, во-первыхъ, разсмотрѣнныя выше работы Hortis'a, еще одно его сочиненіе: 1) *Giov. Boccacci, ambasciatore in Avignone etc., Trieste 1875*, гдѣ подробно разсмотрѣны всѣ документы, касающіеся его дипломатическихъ миссій. Кроме того, *Carducci, Ai parentali di G. B. in Certaldo. Firenze 1875* (discorso pel centenario) и *Casetti, Il Boccaccio a Napoli* (Въ Nuova Antol. 1875).

³⁾ По поводу юбилея *Camini* написалъ discorso (*Boccaccio nel suo tempo, Firenze 1876*), представляющее собой реторическое elogium.

⁴⁾ *Feuerlein, Petrarka und Boccaccio* (Въ *Histor. Zeitschr.* Band. 38, p. 231 и слѣд.).

⁵⁾ *Biblioteca di Carteggi, Diarii, Memorie etc. Giovanni Boccaccio. Le lettere edite e inedite tradotte e commentate con nuovi documenti da Francesco Corazzini. Firenze 1877. CXXI+501.*

Съ внѣшней стороны изданіе не вполне безукоризненно ¹⁾: Кораццини не всегда даетъ хронологію писемъ, называетъ неизданными уже напечатанныя письма, забываетъ отмѣтить дѣйствительно впервые печатаемыя ²⁾, относить къ апокрифическимъ одни сомнительныя письма и оставляетъ ихъ безъ перевода, тогда какъ другія печатаетъ съ несомнѣнно подлинными и переводить ³⁾, наконецъ, называетъ въ алфавитномъ указателѣ письма, которыхъ нѣтъ ни въ оглавленіи, ни въ текстѣ ⁴⁾. Такъ же небрежно составлены и нѣкоторыя приложенія: указатель литературы о Боккаччіо составленъ неполно, случайно и безъ всякаго порядка ⁵⁾; въ индексъ напечатанныхъ писемъ почему-то внесены только нѣкоторыя изданія сочиненій, у которыхъ есть эпистолярныя введенія ⁶⁾. Но несмотря на эти недостатки, трудъ Кораццини имѣетъ важное значеніе, во-первыхъ, потому что это самое полное изданіе переписки, въ которую включено нѣсколько новыхъ писемъ ⁷⁾, и во-вторыхъ по другимъ напечатаннымъ имъ документамъ ⁸⁾. Наконецъ, не лишено интереса и біографическое введеніе.

---

¹⁾ Diese Ausgabe, говоритъ Кёртинъ, ist nun allerdings weit davon entfernt, den Anforderungen der Wissenschaft zu genügen, und namentlich in textkritischer Beziehung ist sie geradezu werthlos zu nennen, indem der Herausgeber in der Herstellung des Textes nicht nur völlig principlos verfahren ist, sondern sich auch zahlreiche Lesefehler hat zu Schulden kommen lassen (p. 7). Въ томъ же смыслѣ высказываются и другіе изслѣдователи. Тѣмъ не менѣе текстъ Кораццини не на столько искаженъ, чтобы затруднять біографическія изслѣдованія: спорныя пункты происходятъ не отъ дурного чтенія текста, а отъ недостаточности эпистолярныхъ источниковъ.

²⁾ См. напр., p. 349. Письмо къ Монтефорти.

³⁾ Такъ, письмо къ Дзаноби (*Quam prius* p. 447) оставлено безъ перевода, а заподозрѣнное впрочемъ только Кораццини (p. LXXVIII) письмо къ Петраркѣ (*Opinaris* p. 307)—переведено.

⁴⁾ Письмо 10 *Ne' giorni passati a Madonna Andrea Acciajoli* (p. 498).

⁵⁾ *Appendice II*, p. CVII—CXI.

⁶⁾ *Appendice III*, p. CXVIII—CXXI.

⁷⁾ Впервые напечатаны Кораццини: къ Петраркѣ (*Ut huic epistolae* p. 47. Фракас. напечаталъ только его переводъ) къ Монтефалоне (*Rebar equidem*, p. 257), къ Niccolò d'Orso (*Mecum eram*, p. 317) къ Matteo de Ambrosio (*Aepistolam tuam*, p. 327) и къ Монтефорте (*Epistolam tuam*, p. 349).

⁸⁾ Въ приложеніи къ введенію Кораццини напечаталъ слѣдующіе документы: I. *Della casa del Boccaccio in Firenze* (p. XCIX—C. Документъ не имѣетъ большого значенія). II. *I Scritani della Compagnia di Orsanmichele si consigliano coll Boccaccio e altri notevoli cittadini* (p. CI—CII—бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на положеніе Боккаччіо въ родномъ городѣ).

Корацини не ставитъ своей задачей написать „біографію Боккаччіо или критическое изслѣдованіе его сочиненій“; онъ имѣетъ въ виду „только установить (rettificare) нѣкоторые факты его жизни, привести въ ясность его дружественныя отношенія, посольства, содержаніе его писемъ, его мысль и душу (la mente e l'animo), которые нѣсколько разъ были искажены (traintesi) и затемнены, если не съ предвзятой мыслью и дурными намѣреніями, то навѣрное старыми предразсудками и обсужденіемъ по нормѣ идей и мнѣній другихъ временъ“¹⁾. Нельзя сказать, чтобы эта ректификація удалась вполне автору. Его біографическія замѣтки всегда очень коротки и отличаются слишкомъ вѣшнымъ характеромъ, чтобы имѣть важное значеніе. Весьма часто онѣ не представляютъ ничего новаго и просто пересказываютъ источники, какъ, напр., въ весьма важномъ вопросѣ объ отношеніи Боккаччіо къ Петраркѣ²⁾. Болѣе интереса представляютъ тѣ параграфы, гдѣ Корацини старается установить хронологическія даты нѣкоторыхъ событій изъ жизни Боккаччіо и его нѣкоторыхъ сочиненій³⁾, хотя его усилія доказать, что авторъ Декамерона родился не въ Парижѣ, а въ Италіи, и не былъ незаконнорожденнымъ, нельзя признать удачными по результатамъ и важными по значенію самаго вопроса⁴⁾. Не лишены нѣкотораго значенія тѣ отдѣлы, гдѣ авторъ даетъ перечень миссій Боккаччіо,

---

III. Donazione fatta da G. B. a suo fratello Jacopo d'una casa di Firenze (р. СII—CV—имѣетъ значеніе для біографіи Боккаччіо). IV. Нѣсколько довѣрительныхъ грамотъ и инструкцій Боккаччіо, которыми отправляла его Флоренція въ дипломатическія миссіи (р. 395—411 и 489—492). Эти документы имѣютъ очень важное значеніе, освѣщая политическую дѣятельность Боккаччіо.

¹⁾ Introduzione, р. VII.

²⁾ Ibid. отдѣлъ IV, р. XXIII—XLVIII. Такимъ же характеромъ отличаются отдѣлы II De, suoi primi anni (р. XVI—XVIII), V—Relazione coll' Acciaiuoli e col Nelli (р. XLIX—LII) и VII—Come a lui si debba il risorgimento delle Lettere greche (р. LIX—LXIII).

³⁾ III Del suo innamoramento e delle sue prime opere, р. XVIII—XXIII и въ особенности VIII—Gommenta pubblicamente la Divina Commedia, р. LXIV—LXV, гдѣ онъ доказываетъ цитатами изъ сонетъ, что, кромѣ слабости здоровья, Боккаччіо побудили отказаться отъ катедры упреки и порицанія враждебныхъ ему критиковъ. Вліяніе этихъ упрековъ на отказъ отъ катедры остается гипотезой; но самый фактъ ихъ существованія весьма характеренъ и впервые подмѣченъ Корацини. Вопросъ объ автографахъ XV, р. LXXXV—LXXXVII оставленъ безъ опредѣленнаго рѣшенія.

⁴⁾ I. р. 8—13.

а также его портретовъ ¹⁾). Коротенькій анализъ писемъ ровно ничего не прибавляетъ къ полемикѣ объ ихъ подлинности, которая была вызвана появленіемъ книги Чампи ²⁾). Самую интересную часть введенія составляетъ попытка Кораццини выяснитъ духовную фізіологію Боккаччіо и указать его мѣсто въ исторіи движенія ³⁾).

Желая выставить въ надлежащемъ свѣтѣ личность Боккаччіо, искаженную „старыми предрасудками“, Кораццини по временамъ затемняетъ ее совсѣмъ новыми, особенно свойственными гражданину объединенной Италіи. Онъ защищаетъ Боккаччіо противъ „всѣхъ монаховъ прежнихъ, настоящихъ и будущихъ“ отъ обвиненія въ безбожіи и въ общемъ вѣрно обрисовываетъ его религіозныя воззрѣнія ⁴⁾). Но, опираясь на два случайныхъ выраженія Боккаччіо, Кораццини представляетъ его сознательнымъ противникомъ вмѣшательства церкви въ политическія дѣла и духовенства въ семейныя ⁵⁾). Едва-ли можно допустить однако, чтобы такой покорный гражданинъ гвельфской республики XIV столѣтія, какъ Боккаччіо, былъ сторонникомъ такого рѣзкаго разграниченія между церковью и государствомъ. Боккаччіо высоко ставилъ духовный авторитетъ папы, какъ это признаетъ и Кораццини, и его нападки ограничивались только чисто моральными требованіями. Между тѣмъ Кораццини читаетъ по этому поводу нотацію вмѣстѣ съ Боккаччіо и современнымъ католикамъ. „Почитая папство,—говоритъ онъ,—они сдѣлали и дѣлаютъ возможное различіе между духовнымъ и свѣтскимъ, какъ

---

¹⁾ VI. Ambascerie, p. LII—LIX и XVI Dei ritratti di M. G. B. LXXXVII—XCVIII.

²⁾ Отдѣлы X—XIV, p. LXXVI—LXXXV.

³⁾ IX. Ritratto di Messer Giovanni, p. LXVI—LXXVI.

⁴⁾ Ibid. p. LXVII—LXVIII.

⁵⁾ Contrario all' intromittenza della Chiesa nelle cose civili e del clero nelle famiglie p. LXVIII. Выраженія Боккаччіо не оправдываютъ, однако, по крайней мѣрѣ, второй половины этого положенія. Одно изъ нихъ взято изъ посвященія Cavalcanti книги De Casibus virorum, гдѣ говорится: Vidi ex sacerdotalibus infulis galeas, ex pastoralibus baculis lanceas, ex sacris vestibibus loricas, quietem et libertatem innocentium conflare, ambire martialia castra, incendiis, violentiis, et christiano sanguine fuso laetari, sata-gentesque adversus veritatis verbum dicentis: „regnum meum non est de hoc mundo“ orbis imperium occupare (I Coraz. p. 364). Здѣсь идетъ рѣчь только о злоупотребленіяхъ свѣтской власти духовенства, и не видно, чтобы авторъ отрицалъ ее въ корнѣ. Другое мѣсто изъ письма къ Pizzinghe. Inspice, quo Romanum conruerit Imperium, quid sit spectare ipsam Romam, dudum regum dominam, tristi Pharisaeorum sub jugo torpentem (Ibid. p. 197). То же самое можно сказать и объ этой нотаціи.

бы не зная, что оно—институтъ по существу политическій и религиозный только по внѣшности и снаружи. Предъявлять требованіе, чтобы папы менѣе занимались свѣтскими дѣлами—это значить требовать, чтобы они сами себя разрушали“¹⁾. Боккаччіо еще простиительно было заблуждаться, потому что „тогда Силлабусъ, Энциклика и Соборъ еще не уничтожили всякихъ экивоковъ и не показали ясно, что доктрина римской курии нельзя примирить съ цивилизаціей, свободой, наукой, моралью и родиной“²⁾. Среди этихъ разсужденій Кораццини позабылъ, что онъ написалъ свое введеніе, потому что другіе „обсуждали Боккаччіо по нормѣ идей и мнѣній иныхъ временъ“.

Подобный же предрасудокъ проявляется еще рѣзче въ объясненіи морали Боккаччіо. Кораццини совершенно вѣрно подмѣтилъ въ немъ цѣлый рядъ противорѣчій. Онъ стыдился только Декамерона, а не Фіамметты и не Согбассіо; онъ отказался составить панегирикъ Аччайуоли и осыпалъ похвалами королеву Іоанну, писалъ сатиры на духовенство и завѣщалъ свои книги монаху, не хотѣлъ жениться и имѣлъ женщину и сыновей отъ нея; ради независимости не бралъ должностей и потомъ жаловался на бѣдность. Всѣ эти противорѣчія, мнимыя и дѣйствительныя, находятъ себѣ объясненіе отчасти въ условіяхъ времени, отчасти въ личномъ характерѣ Боккаччіо и во внѣшнихъ обстоятельствахъ его жизни. Иное объясненіе даетъ Кораццини. „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Боккаччіо, какъ и огромное большинство образованныхъ людей, страдалъ отъ вліянія церковной силы, проникающей въ семью и гражданское общество или, выражаясь точнѣе, отъ ея дѣйствія, направленаго на разрушеніе семьи и общества къ исключительной выгодѣ теократіи. Для нея единственное абсолютное и нерушимое (*imprescrittibile*) право—право церкви, и единственная и истинная мораль—мораль выгодная и удобная для римской курии. Это губительное вліяніе искажало индивидуальный характеръ и препятствовало внутренней свободѣ гражданского развитія тѣхъ націй, которыя перенесли и переносятъ болѣе или менѣе мирно печальное и постыдное (*vituperevole*) иго. Отсюда я объясняю противорѣчія нашего автора“³⁾. Если въ отношеніи къ семьѣ и къ монашеству и повинны нѣсколько прямо или косвенно церковныя тра-

¹⁾ Introd. p. LXVIII.

²⁾ Ibid. p. LXVIII—LXIX.

³⁾ Ibid. p. LXIX—LXX.

диции, то найти связь между влиянием папства и другими противорѣчiями Боккаччио не представляется ни малѣйшей возможности ¹⁾).

Корацини пытается и точно такъ же безъ особеннаго успѣха выяснить политическіе идеалы Боккаччио. Его утвержденіе, что Боккаччио превосходилъ патріотизмомъ Петрарку, совершенно произвольно ²⁾ и противорѣчитъ съ космополитическимъ письмомъ къ Пино де'Росси, которое онъ самъ же цитируетъ и которое служитъ первымъ проявленіемъ позднѣйшаго гуманистическаго настроенія ³⁾. Нельзя согласиться также и съ тѣмъ мнѣніемъ, что въ Боккаччио жила „великая идея нашей Италіи, великой родины“, и что она была только „задушена муниципальнымъ патріотизмомъ“ ⁴⁾. Правда, Корацини видитъ въ Боккаччио стремленіе только къ національному единству, а не къ политическому ⁵⁾, но эта идея не была новой въ это время и отлично ладилась съ формальнымъ „муниципальнымъ

---

¹⁾ Для отношенія Корацини къ біографамъ Боккаччио, если они имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ церкви, характерна также слѣдующая тирада. „Il Tiraboschi, con tutta gesuitica gravità, ci conta: „E certo però che molte fra le opere del Boccaccio, ed il suo Decamerone singolarmente lo mostrano uomo di non troppo onesti costumi“. E Monsignore Fontanini lo accusa di rilassato e di mal costume, e lo sgrammaticato Betussi di molta libidine. Costesti Monsignori, prelati e abbatì non dicono nulla degli amorgeggiamenti del Petrarca, delle sue donne, dei suoi figli; perchè l'aretino non scrisse novelle contro il mal costume dei cherici, e velò di un sottil velo d'ipocrisia i suoi non meno illegitime amori. Ma dinanzi alla storia canonici e laici sono tutti equali e le azioni loro giudicate ad una stregua“ (p. LXXII—LXXIII).

²⁾ Come patriota, fu più grande del Petrarca, non minore delle' Allighieri (p. LXXII). Также нѣсколько произвольной кажется сравнительная оцѣнка ихъ поэтическаго генія. Como poeta, nell' invenzione supero il primo, non fu inferiore al secondo. Il Decamerone sta di fronte alla Divina Commedia e molto al disopra del Canzoniere, quanto le pitture della Sistina alle dolci immagini di Frate Angelico (Ibid.). Едва-ли можно сравнивать такимъ образомъ Декамерона съ лирическимъ произведеніемъ и сопоставлять съ новеллами величественную поэму Данте, одно изъ величайшихъ произведеній всемирной литературы.

³⁾ Корацини и за этотъ космополитизмъ готовъ обвинять только церковь. Né è da pensare, говоритъ онъ, che il cosmopolitismo cattolico estinguesse in lui (p. XXIV). И у Боккаччио, и у позднѣйшихъ гуманистовъ космополитизмъ не стоитъ въ связи съ церковью ни по психической основѣ, ни по нравственному оправданію.

⁴⁾ Introd. p. LXXIII и LXXIV.

⁵⁾ Ibid. Корацини утверждаетъ, что, кромѣ Данте, всѣ современники Боккаччио имѣли l'idea di unità etnica, ma non politica, che vedessero un'Italia geografica, ma non una nazione, non uno Stato italiano. Ibid. p. LXXIV. По отношенію къ Петраркѣ это совершенно невѣрно.

патріотизмом“, который составлялъ существенное отличіе Боккаччіо отъ его руководителя.

Одновременно съ полнымъ собраніемъ переписки Боккаччіо вышла его біографія, написанная *Маркомъ Ландау* ¹⁾. Книга Ландау представляетъ собою не только изложеніе фактовъ изъ жизни Боккаччіо, но и разборъ его произведеній въ связи съ біографіей. Авторъ тщательно собралъ немногочисленные біографическія данныя, съ критической осторожностью ихъ сопоставилъ и весьма живо изложилъ заключающійся въ нихъ матеріалъ. Въ результатъ получился интересно и художественно написанный біографическій очеркъ безъ педантискаго критицизма, но и безъ особенно глубокаго изображенія внутренней жизни Боккаччіо. Съ литературно-критической точки зрѣнія, на которой стоитъ Ландау, его книга вполне удовлетворительно объясняетъ Боккаччіо, какъ итальянскаго поэта и беллетриста. Но какъ гуманистъ, Боккаччіо остается невыясненнымъ, и книга Ландау съ исторической точки зрѣнія оставляетъ желать весьма многого. Прежде всего, мы почти не находимъ въ ней исторіи внутренней жизни Боккаччіо и даже обстоятельной характеристики его міросозерцанія въ связи съ эпохой. Даже наталкиваясь на проявленіе теченія, характернаго для эпохи, Ландау старается объяснить его чисто индивидуальными и случайными причинами. Такъ, на примѣръ, по его мнѣнію, Боккаччіо не сдѣлался юристомъ только вслѣдствіе ошибки его отца. „Неаполь, иронически замѣчаетъ онъ, столица могущественнаго королевства, съ традиціями велико-греческой культуры, съ дыханіемъ восточнаго воздуха, вѣющаго изъ Сициліи, съ его богатствомъ, веселыми дамами при дворѣ и въ дворцахъ знати, — былъ какъ разъ подходящимъ пунктомъ, чтобы внушить молодому поэту вкусъ къ юридическимъ занятіямъ. Поэтому старый Боккаччіо *долженъ былъ приписать только самому себѣ*, если его сынъ, вмѣсто прилежнаго изученія декреталій, ухаживалъ за хорошенькими женщинами и писалъ романы и лирическія стихотворенія“ ²⁾. Причина лежала, очевидно, глубже: Боккаччіо подъ старость бросилъ поэзію, но обратился не къ праву, а къ древностямъ. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Ландау на молодости Боккаччіо и на отношеніи къ Фіамметтѣ. Онъ посвящаетъ цѣлую главу описанію тогдашняго Неаполя ³⁾, въ другой обстоятельно рассказываетъ исторію любви Бок-

¹⁾ *Marcus Landau, Giovanni Boccaccio, sein Leben und Werke. Stuttgart 1877, VI + 262.*

²⁾ *Ibid.* p. 6.

³⁾ II. Neapolitanische Staats- und Hofgeschichten, p. 8—22.

каччіо ¹⁾, при чемъ съ большой ученостью устанавливаетъ день, когда онъ влюбился ²⁾). Но и эта исторія изложена чисто внѣшнимъ образомъ, хотя, какъ мы видѣли, произведенія Боккаччіо даютъ матеріалъ и для изображенія его внутренняго состоянія. Такъ же мало выясняетъ Ландау значеніе дружбы Боккаччіо и Петрарки. По его мнѣнію, дружба замѣнила любовь, „та дружба, о которой Корнель говоритъ, что она даръ боговъ—дружба великаго человѣка“ ³⁾, и рассказываетъ исторію внѣшнихъ отношеній обоихъ гуманистовъ. Въ біографіи мы не находимъ ни выясненія причинъ этой связи, ни сравнительной характеристики обоихъ друзей, хотя Ландау первый указалъ на различіе ихъ политическихъ стремленій ⁴⁾, и это составляетъ его несомнѣнную заслугу.

Больше вниманія обращаетъ Ландау на политическую дѣятельность Боккаччіо, которой онъ посвящаетъ особенную главу ⁵⁾. „Если мы будемъ внимательно разсматривать тенденціи итальянскихъ патриотовъ XIV вѣка“, говоритъ онъ, „то замѣтимъ два различныхъ направленія. Оба они имѣютъ окончательной цѣлью единство и свободу Италіи, но различаются другъ отъ друга тѣмъ, что одно желаетъ достигнуть свободы чрезъ единство, другое — единства чрезъ свободу“ ⁶⁾. Ко второму направленію принадлежалъ, по его мнѣнію, между прочими и Боккаччіо ⁷⁾. Къ сожалѣнію, это остроумное различіе брошено мимоходомъ и голословно; по отношенію къ Боккаччіо оно и не можетъ быть доказано. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ гвельфъ и искренній сторонникъ республиканскихъ учрежденій для Флоренціи. По всей видимости, и вообще республиканская форма была ему симпатичнѣе монархической, хотя онъ относился съ большимъ сочувствіемъ къ Роберту Неаполитанскому; но нигдѣ въ сочиненіяхъ Боккаччіо мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда какой-либо программы для достиженія „единства чрезъ свободу“. Самое отношеніе его къ Флоренціи не вполне выяснено до сихъ поръ его біографами. Боккаччіо то принимаетъ на себя разныя дипломатическія миссіи, то удаляется отъ дѣлъ, рѣзко осуждая политику родного города и даже рекомендуя Пино де'Росси принципъ ubi

¹⁾ III. Liebes- und Studien in Neapel, p. 22—42.

²⁾ Ibid. p. 31—32.

³⁾ Ibid. p. 110.

⁴⁾ Ibid. p. 115 и слѣд.

⁵⁾ IX. Politische Thätigkeit.

⁶⁾ Ibid. p. 117.

⁷⁾ Ibid. p. 118 и 173.

bene, ibi patria, то снова возвращается къ политическимъ дѣламъ. Ландау рассказываетъ всѣ эти перипетіи, перечисляетъ всѣ миссіи ¹⁾, но не выясняетъ причинъ мѣняющагося отношенія къ Флоренціи. Правда, прямыхъ указаній на это нѣтъ; но перемѣны, происходившія за это время въ республикѣ, могутъ служить косвеннымъ источникомъ для выясненія политическихъ стремленій Боккаччіо.

Также мимоходомъ касается Ландау гуманистическаго значенія Боккаччіо. Въ весьма характерной для всей книги тирадѣ онъ объявляетъ „праздными вопросами, какъ далеко простиралось знаніе греческаго языка у Боккаччіо и много ли уже ранѣе его было въ Италіи людей, понимавшихъ по-гречески. Весьма возможно, что было много теологовъ, которые учились по-гречески, чтобы быть въ состояніи спорить о filioque съ византійскими монахами; возможно, что многіе венеціанскіе и генуэзскіе купцы научились по-гречески, чтобы лучше можно было торговаться съ византійскими негоціантами; но, что для насъ имѣетъ рѣшительное значеніе, — чтобы быть въ состояніи читать Гомера и Платона, для этого не учился по-гречески ни одинъ итальянецъ до Петрарки и Боккаччіо. Оба друга подготовили почву, на которой черезъ столѣтіе (?) роскошно поднялся великолѣпный посѣвъ гуманизма, при чемъ, конечно, выросло много и сорной травы. Но именно вслѣдствіе того, что лица признанной католической ортодоксальности снова ввели въ жизнь древнюю литературу, она нашла радушный пріемъ даже при папскомъ дворѣ и, при содѣйствіи и поддержкѣ князей и кардиналовъ, быстро окрѣпла въ обновленной силѣ. И противъ такого піонера Ренессанса съ педантической серьезностью выставляютъ упрекъ, что онъ дурно понималъ одно мѣсто у Тацита или далъ неправильную этимологию одного греческаго слова!“ ²⁾. Отдѣлавшись такимъ общимъ замѣчаніемъ, Ландау и не ставитъ вопроса о томъ, что заставило Боккаччіо обратиться къ древности и что онъ вынесъ изъ знакомства съ нею. Его переходъ отъ итальянской поэзіи къ латинской прозѣ остался не мотивированнымъ. Предпоследнюю главу своей книги Ландау озаглавилъ „Vossaccio's Bekehrung“, но самъ же признаетъ, что пресловутая миссія Чани оказала на него только мимолетное дѣйствіе и что собственно никакого переворота не было ³⁾. Точно такъ же не выяснилъ Ландау связи между итальянскими и латинскими про-

---

¹⁾ Самыя миссіи не имѣютъ особаго интереса для біографіи Боккаччіо, такъ какъ его реляціи флорентійскому правительству утрачены.

²⁾ Giov. Voss., p. 200.

³⁾ Ibid. p. 208.

изведеніями Боккаччіо и не указалъ ихъ внутренняго сходства по настроенію.

Значительная часть книги Ландау завята разборомъ произведеній Боккаччіо ¹⁾ съ литературно-критической точки зрѣнія. Ландау даетъ обыкновенно коротенькое изложеніе содержанія каждаго сочиненія, указываетъ его изданія, переводы и обработки, рассматриваетъ отношеніе Боккаччіо къ источникамъ и дѣлаетъ критическую оцѣнку произведеній. Панегирический тонъ, столь обычный у біографовъ выдающихся личностей, совершенно чуждъ Ландау. Его отзывы, почти всегда очень мѣткіе, часто весьма остроумные, а иногда очень злые ²⁾, грѣшатъ скорѣе излишней строгостью, чѣмъ снисходительностью. Культурно-историческая и даже автобіографическая оцѣнка произведеній Боккаччіо встрѣчается сравнительно рѣдко ³⁾, литературная точка зрѣнія преобладаетъ даже при разборѣ его латинской прозы. Вслѣдствіе этого книга Ландау не уничтожила потребности культурно-историческаго изслѣдованія жизни и сочиненій одного изъ первыхъ гуманистовъ. Какъ литературная біографія, написанная въ высшей степени талантливо и блестяще, она можетъ служить весьма важнымъ пособіемъ при изученіи ранняго гуманизма. Съ этой точки зрѣнія еще большій интересъ представляетъ ея неоконченный до сихъ поръ итальянскій переводъ, сдѣланный *Камилло Антона-Траверси* ⁴⁾.

Дополненія, сдѣланныя къ переводу авторомъ, незначительны; но большую цѣну имѣютъ обширныя примѣчанія переводчика. Траверси держится въ своемъ комментарий такого плана. Во-первыхъ, онъ цѣ-

¹⁾ Изъ 14 главъ книги (считая Anhang) 7 цѣликомъ посвящены книгамъ Боккаччіо и 3 наполовину заняты разборомъ его произведеній.

²⁾ См., напр., разборъ *Filosofo* (p. 51—54), *Ameto* (p. 58—64), *Teseide* (p. 75—76; 77—78), *Filostrato* (p. 83—95).

³⁾ Мы разсмотрѣли эти мѣста при разборѣ сочиненій Боккаччіо. См. кромѣ того разборъ *Corbaccio* (p. 175—179), гдѣ Ландау слѣдитъ за измѣненіемъ отношенія Боккаччіо къ женщинамъ.

⁴⁾ *Giovanni Boccaccio, sua vita e sue opere del dottor Marco Landau. Traduzione di Camillo Antona-Traversi approvata e ampliata dall'autore, aggiuntovi prefazione e osservazioni critiche del traduttore, l'intera biografia delle opere e delle lettere del Boccaccio, non che altri documenti e una larga esposizione dei più recenti lavori Boccaceschi. In Napoli 1881, XV + 476. Dispensa seconda. In Napoli 1882, 477 + 970.* Появившіяся до сихъ поръ два тома почти въ 1000 страницъ формата большой четвертки заключаютъ въ себѣ только переводъ и примѣчанія къ первымъ 10 главамъ. Остальной переводъ и общаея переводчикомъ приложенія, кромѣ предисловія, еще не появились.

ликомъ выписываетъ мѣста изъ Боккаччіо и современниковъ, на которыя ссылается Ландау, такъ что его примѣчанія представляютъ собою цѣлую хрестоматію. Во-вторыхъ, все факты изъ біографіи Боккаччіо, возбуждающіе какое-нибудь сомнѣніе ¹⁾, рассмотрѣны съ величайшимъ вниманіемъ. Траверси сводитъ все мѣста изъ произведеній Боккаччіо, имѣющія какую-нибудь цѣну для даннаго вопроса ²⁾, разбираетъ взгляды не только Ландау, но и всей наличной литературы. Особенную цѣну при этомъ имѣютъ обширныя хронологическія изслѣдованія относительно біографическихъ фактовъ и произведеній Боккаччіо ³⁾. Точно такъ же онъ поступаетъ и по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя играли роль въ жизни Боккаччіо ⁴⁾. Въ-третьихъ, наконецъ, онъ сопоставляетъ критическіе отзывы Ландау о сочиненіяхъ Боккаччіо съ мнѣніями другихъ писателей, при чемъ цитируетъ иногда и неизданныя произведенія—лекціи неаполитанскихъ профессоровъ ⁵⁾. Вслѣдствіе этого книга Траверси представляетъ собою цѣлую энциклопедію свѣдѣній о Боккаччіо, расположенныхъ въ порядкѣ біографіи Ландау, и этимъ исчерпывается ея значеніе. Самостоятельнаго цѣльнаго взгляда на личность Боккаччіо и на его мѣсто въ гуманистическомъ движеніи мы не находимъ въ примѣчаніяхъ Траверси. Въ качествѣ переводчика онъ стоитъ на той же самой литературно-исторической точкѣ зрѣнія, какъ и Ландау, что уменьшаетъ цѣну его книги для изученія исторіи Ренессанса. Его разногласія съ оригиналомъ, весьма впрочемъ многочисленныя, касаются или біографическихъ мелочей ⁶⁾, или эстетической оцѣнки сочиненій Боккаччіо, въ которой онъ раздѣляетъ болѣе снисходительные приговоры университетскаго курса Дзумбини ⁷⁾. Наконецъ, переводъ и примѣчанія прерываются на послѣднихъ главахъ книги Ландау, въ которыхъ разсматривается латинская проза

---

¹⁾ Траверси не останавливается въ такихъ случаяхъ ни передъ какими мелочами. Примѣч. 23, напр., начинается такъ (р. 83) *Sembra a noi aliquanto strano che si possa dubitare della biondezza de'capelli di Maria etc.* и далѣе слѣдуетъ ученое доказательство, что Фіамметта была блондинка.

²⁾ См., напр., мѣста объ отношеніи Боккаччіо къ отцу и роднѣ, р. 420—424.

³⁾ См., напр., р. 429—30; р. 881—928 и *passim*.

⁴⁾ Такъ, напр., онъ сводитъ различныя мнѣнія о Робертѣ Неаполитанскомъ, р. 39—42.

⁵⁾ Особенно часто Zumbini см. р. 208, 223 и 255 и *passim*, а также Erasmo Percoro, р. 216.

⁶⁾ Напр., о характерѣ путешествія Боккаччіо въ Равенну, р. 711 и *passim*.

⁷⁾ См. р. 163 и слѣд.; р. 171 и слѣд., и *passim*.

Боккаччио и которые имѣютъ по своему содержанію особенно важное значеніе для исторіографіи Ренессанса.

Въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ, послѣ выхода въ свѣтъ книги Ландау, появилось нѣсколько новыхъ монографій о Боккаччио. Выше мы разсмотрѣли тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ въ виду преимущественно его произведенія и ихъ изученіемъ готовятъ его научную біографію. Непосредственно біографіи Боккаччио посвящена за это время только одна сравнительно крупная работа *Ренье*, который разсматриваетъ главнымъ образомъ отношеніе автора Декамерона къ Фіамметтѣ ¹⁾. Общую оцѣнку дѣятельности Боккаччио мы находимъ только въ появившихся въ это время сочиненіяхъ по исторіи Ренессанса, Сэймондса, Геттнера и Жебара ²⁾. Сэймондсъ идетъ по слѣдамъ Фогта въ отношеніи къ гуманистической дѣятельности автора Декамерона, поскольку она выразилась въ его латинскихъ произведеніяхъ. По его мнѣнію, Боккаччио въ полномъ смыслѣ слова креатура Петрарки. „Возбуждаемый его блестящей репутаціей, — говоритъ Сэймондсъ, — Боккаччио еще молодымъ человѣкомъ началъ читать классическихъ авторовъ“ ³⁾. Это бездоказательное фактически положеніе невѣроятно и по другимъ причинамъ: чувствуя себя поэтомъ по преимуществу, Боккаччио естественно инте-

¹⁾ *Renier, La vita nuova e la Fiammetta. Torino e Roma 1879.* Разборъ его положеній у Körting'a (l. c. p. 523 и 560) и статья *Traversi, Francesco Petrarca, estimatore ed amatore di G. Boccaccio.* (Preludio 1880). Траверси же принадлежатъ: 1) *Sulla partia di G. Boccaccio* (Fanfulla della Domenica anno II. № 23). 2) *Della partia, della famiglia e della povertà di G. B.* (Въ Riv. Europ. 1881). 3) *Della partia di G. B.* (Giorn. Napol. di filos. e lett. 1881). 4) *Il Boccaccio in Napoli presente al esame del Petrarca.* (Въ Preludio 1881). Всѣ эти статьи представляютъ собою защиту примѣчаній автора къ его переводу книги Landau (см. Jahresb. der Geschichtswiss. 1885 IV p. 263).

²⁾ Рѣчь *Hortis'a (Discorso per l'inaugurazione del monumento a G. B. in Certaldo. Firenze 1879)* по самому поводу произнесенія не можетъ претендовать на всестороннюю историческую оцѣнку значенія Боккаччио. Замѣтка *Gnoli* по поводу большой книги Hortis'a и статьи Дзумбиня о Филоколо (*Il Boccaccio umanista. Nuov. Antol. 1880. Febr. 780* и слѣд.) слишкомъ общи и коротки, чтобы имѣть значеніе въ біографической литературѣ о Боккаччио.

³⁾ *Symonds. Renaissance in Italy: the revival of learning. London 1877 p. 87.* Фактически невѣрно другое положеніе автора, что in obedience to Petrarch's advice, Boccaccio in middle life applied himself to learning Greek (ibid. p. 90), потому что слѣды кое-какого знакомства Боккаччио съ греческимъ языкомъ видны уже въ его раннихъ произведеніяхъ.

ресовался своими античными предшественниками. Не подлежит сомнѣнію, что Петрарка оказывалъ на него сильное вліяніе; но и оно само возможно было и фактически проявлялось только тамъ, гдѣ стремленія обоихъ гуманистовъ совпадали. Поэтому нельзя согласиться также и съ дальнѣйшимъ утвержденіемъ Сэймондса, „что для ученика достаточно было употреблять свой талантъ на пропаганду возрѣвнѣй учителя, и такимъ образомъ вліяніе Петрарки было сообщено Флоренціи, гдѣ Боккаччіо постоянно пребывалъ“¹⁾. Выше мы видѣли, что Боккаччіо вовсе не былъ такимъ слѣпымъ приверженцемъ пѣвца Лауры, какъ думаетъ Фогтъ и за нимъ Сэймондсъ; что же касается до распространенія во Флоренціи его вліянія, то оно могло идти и дѣйствительно шло не только черезъ Боккаччіо.

Ученые труды автора Декамерона Сэймондсъ ставитъ чрезвычайно низко. „Совершенно чуждый оригинальности гуманистическаго идеала Петрарки, — говоритъ онъ, — Боккаччіо оставался въ лучшемъ случаѣ трудолюбивымъ собирателемъ фактовъ и анекдотовъ“. Кромѣ „неутомимой старательности“, весьма неудачной по результатамъ, Сэймондсъ не видитъ ничего въ латинской прозѣ Боккаччіо: исключеніе составляетъ только защита поэзіи, „весьма важная часть программы Петрарки“²⁾. Гораздо справедливѣе относится онъ къ его итальянскимъ произведеніямъ, хотя здѣсь, какъ мы выше видѣли, онъ впадаетъ въ противоположную крайность, приписывая Боккаччіо сознательныя цѣли даже тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было. По словамъ Сэймондса, „Боккаччіо занимаетъ выдающееся мѣсто въ исторіи Возрожденія, благодаря новому духу, который онъ ввелъ въ народную литературу. Онъ впервые свободно старается оправдать наслажденія плотской жизни, и его темпераментъ, не подавленный аскетизмомъ, нашелъ соотвѣтствующій (congenial) элементъ въ любовныхъ легендахъ древности“³⁾. Сэймондсъ шире развилъ это положеніе въ своей „Итальянской литературѣ“, вышедшей нѣсколько позже. Здѣсь историческое значеніе итальянскихъ произведеній Боккаччіо формулировано весьма полно, хотя слишкомъ обще. „Изучая Боккаччіо, — говоритъ онъ, — мы изучаемъ духъ двухъ ближайшихъ столѣтій въ его незрѣлости... Онъ освободилъ натуральные инстинкты отъ аскетическаго запрещенія и отъ мистицизма

---

¹⁾ Ibid. p. 90.

²⁾ Ibid. p. 94.

³⁾ Ibid. p. 97.

трансцендентальной школы. Онъ изложилъ слабыя стороны рыцарскаго романа и лицемѣріе монашества съ насмѣшкою, болѣе губительною, чѣмъ сатира или инвектива. Онъ возстановилъ значеніе реализма въ искусствѣ и литературѣ, изображая міръ такимъ, какъ онъ его находилъ,—чувственнымъ, пошлымъ (base), комическимъ, корыстолюбивымъ, патетическимъ, нѣжнымъ, жестокимъ—со всѣми его жестокостями и противорѣчіями. Онъ замѣнилъ абстракціи аллегоріи конкретнымъ фактомъ... Онъ училъ своихъ земляковъ, что жизнь ученаго равнодушія предпочтительнѣе борьбы партій и шума битвъ“¹⁾. Только послѣднее положеніе, какъ мы видѣли, подлежитъ значительному ограниченію; но секуляризація натуральныхъ склонностей человѣка и жизни—несомнѣнный фактъ въ настроеніи и произведеніяхъ Боккаччіо, и Сэймондсъ совершенно вѣрно подчеркиваетъ, что это не индивидуальная особенность автора Декамерона, а „знакъ въ литературѣ, что итальянское общество вступило въ новый фазисъ и что старый порядокъ уже миновалъ“²⁾. Къ этой характеристикѣ Боккаччіо Сэймондсъ прибавляетъ еще двѣ тоже совершенно вѣрныя черты: преклоненіе передъ „интеллектуальной силой“, что сказалось въ его культѣ Данте и Петрарки, и поклоненіе красотѣ „не интеллектуальнаго и идеальнаго порядка, а чувственной и реальной, красотѣ, которая вдохновляла артистовъ и поэтовъ послѣдующихъ столѣтій“. „Отъ этого служенія красотѣ,—говоритъ Сэймондсъ,—онъ получалъ наибольшій импульсъ въ своей дѣятельности, какъ художникъ. Если у него былъ недостатокъ въ нравственномъ величіи, если ему недоставало философской глубины и религіозной серьезности, то его преданность (devotion) искусству была серьезна, интенсивна, глубока и исключительна (absorbing)“³⁾. Эта характеристика подтверждается итальян-

¹⁾ *Symonds, Renaissance in Italy: Italian literature. London 1881, p. 99.*

²⁾ *Ibid. p. 100.* Только въ двухъ пунктахъ едва-ли можно согласиться съ Сэймондсомъ. 1) признавая сознательныя цѣли въ новеллахъ, осмѣивающихъ нѣкоторыя явленія религіозной жизни (p. 112), онъ по поводу цитированной выше тирады замѣчаетъ: *B. did not act consciously and with fixed purpose to these ends* (p. 99), хотя этому противорѣчить предисловіе къ *Giorn. IV* въ Декамеронѣ. 2) Считая настроеніе Боккаччіо не индивидуальной особенностью, а общимъ явленіемъ въ тогдашнемъ итальянскомъ обществѣ, онъ подчеркиваетъ, что въ авторѣ Декамерона „соединилась кровь флорентійскаго купца и парижской гризетки“ (p. 100) и думаетъ, что условія его происхожденія *deserve to be noted, since they bear upon temper of his mind and on the quality of his production* (*Ibid. p. 98*).

³⁾ *Ibid. p. 102, 103.*

скими произведеніями Боккаччіо, хотя и не исчерпываетъ ихъ историческаго значенія.

Немногія страницы, которыя отводитъ Боккаччіо Геттнеръ, заняты главнымъ образомъ литературнымъ разборомъ его итальянскихъ произведеній. Тѣмъ не менѣе Геттнеръ не только не отрицаетъ гуманистическаго значенія автора Декамерона, но и горячо возражаетъ противъ его характеристики, сдѣланной Фогтомъ. „Великая и неотъемлемая заслуга Боккаччіо,—говоритъ онъ,—и его рѣшительный перевѣсъ надъ Петраркой заключается въ томъ, что въ то время какъ Петрарка вполнѣ исключительно ограничивался римской древностью, Боккаччіо не щадилъ никакихъ трудовъ и никакихъ издержекъ, чтобы проникнуть къ грекамъ“¹⁾. Это, конечно, заслуга, но она ограничивается довольно безуспѣшными заботами о внѣшнемъ распространеніи греческаго языка. Что касается до самостоятельнаго знакомства съ греческой литературой, то съ одной стороны и Петрарка дѣлалъ попытки въ этомъ направленіи, а съ другой—лучшее знакомство съ ней Боккаччіо не дало ему никакого перевѣса надъ первымъ гуманистомъ ни въ научномъ, ни въ философскомъ отношеніи. Но Геттнеръ совершенно правъ въ общей характеристикѣ отношеній между обоими гуманистами. „Боккаччіо,—говоритъ онъ,—совершенно иначе сложившаяся натура, чѣмъ Петрарка; но въ ходѣ ихъ образованія поразительное сходство. И Боккаччіо—поэтъ приподнятаго чувства личности; и онъ въ болѣе позднемъ возрастѣ становится человѣкомъ строгой науки, который *самостоятельно* развиваетъ, дополняетъ въ весьма существенныхъ пунктахъ и расширяетъ стремленія своего великаго друга Петрарки“²⁾. Такъ же вѣрно и мѣтко характеризуетъ Геттнеръ отношеніе Боккаччіо къ древнему міру. По его словамъ, „пріемъ, посредствомъ котораго Боккаччіо старается оправдать и прославить бурную страсть Фіамметты постоянными образцами и сравненіями съ древними преданіями о богахъ и герояхъ, показываетъ, что для глубочайшихъ настроеній своей души, для своего глубоко-законнаго, хотя еще необузданнаго стремленія къ всестороннему и полному развитію человѣческой природы онъ находилъ отвѣтъ и образецъ только въ свободномъ и подвижномъ человѣчествѣ древне-греческаго міра“³⁾. Геттнеру удалось точно формулировать двѣ существенныхъ стороны

---

¹⁾ *Hettner*, *Italienische Studien*, p. 48—49.

²⁾ *Ibid.* p. 41.

³⁾ *Ibid.* p. 48.

въ біографіи Боккаччіо; но въ его очеркѣ мы не находимъ никакихъ доказательствъ въ защиту его положеній.

Жебаръ не касается вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ Петрарки и Боккаччіо, но сравниваетъ ихъ роль въ исторіи движенія. „Боккаччіо занимаетъ, по его словамъ, менѣе высокое мѣсто, чѣмъ Петрарка. Если онъ зналъ греческій языкъ немного лучше, зато онъ менѣе былъ проникнутъ латинскимъ гениемъ, и его вліяніе было менѣе глубоко“. Кромѣ того, „его умъ вовсе не обладалъ возвышенностью ума Петрарки“¹⁾. Съ этими словами не трудно согласиться, если имѣть въ виду философско-научную сторону Ренессанса; но общее настроеніе гуманистической массы нашло въ Боккаччіо болѣе рельефное выраженіе, чѣмъ въ Петраркѣ. Самъ Жебаръ не аргументируетъ своего положенія: его коротенькій очеркъ заключаетъ въ себѣ только чисто индивидуальную характеристику Боккаччіо²⁾ да литературный разборъ нѣкоторыхъ его произведеній.

Самымъ обстоятельнымъ біографомъ Боккаччіо остается до сихъ поръ *Густавъ Кёртингъ*³⁾, авторъ разсмотрѣнной нами книги о Петраркѣ. Обширное изслѣдованіе Кёртинга представляетъ собою завершеніе предшествующей біографической литературы о Боккаччіо: авторъ тщательно собралъ все до сихъ поръ извѣстные біографическіе факты, подвергъ критическому анализу сомнительные источники и недостаточно обоснованныя положенія позднѣйшей литературы, пытался выяснить міровоззрѣніе Боккаччіо и вліяніе на него среды, изложилъ содержаніе и далъ критическій разборъ его сочиненій. Словомъ, со стороны обстоятельности и общаго направленія книга Кёртинга вполне могла бы удовлетворить ученыхъ требованіямъ относительно внѣшнихъ предѣловъ изслѣдованія, если бы авторъ послѣдовательно держался своего метода и не злоупотреблялъ имъ въ иныхъ случаяхъ. Такъ, онъ описываетъ путь по желѣзной дорогѣ изъ Флоренціи на родину Боккаччіо, видъ городка Чертальдо, осно-

---

¹⁾ *Gebhart*. Les origines de la Renaissance, p. 334.

²⁾ Littérateur, dilettante, curieux de critique et portant dans la critique autant d'imagination que d'inexpérience, esprit fort éveillé et libéral que le moyen âge occupe et que l'antiquité séduit, homme aimable et ami du plaisir... c'est un homme de conversation que le mouvement, la gaieté et licence d'une société polie mettent en belle humeur. Ibid. p. 336.

³⁾ *Boccaccio's Leben und Werke von Dr. Gustav Körting, Leipzig 1880. XII—742 (Geschichte der Litteratur Italiens im Zeitalter der Renaissance. II Band.)*.

ваннаго въ нынѣшнемъ столѣтіи ¹⁾ и т. п. По поводу пребыванія Боккаччіо въ Неаполѣ, онъ подробно описываетъ городъ, тогдашнія политическія событія, даетъ обстоятельную біографію Аччайуоли ²⁾ и все это въ гораздо большемъ объемѣ, чѣмъ нужно для пониманія эклога Боккаччіо и нѣкоторыхъ фактовъ изъ его біографіи. Но мы не находимъ такого очерка тогдашней Флоренціи, чтò было бы гораздо важнѣе въ виду различнаго отношенія Боккаччіо къ правительству роднаго города. Вслѣдствіе этого пробѣла политическая дѣятельность Боккаччіо и его отношеніе къ флорентійскимъ партіямъ такъ же мало выяснены въ книгѣ Кёртинга, какъ и у Ландау.

Еще рѣзче бросается въ глаза ненужный критицизмъ Кёртинга. По характеру источниковъ, біографія Боккаччіо требуетъ критической реконструкціи, а ихъ многочисленные пробѣлы наталкиваютъ на гипотезы. Но весьма часто подобныя попытки Кёртинга должны быть признаны неудачными. Мы видѣли уже, что его аргументы противъ подлинности Zibaldone и нѣкоторыхъ писемъ отличаются крайней шаткостью ³⁾. Весьма характерны такъ же его гипотезы о мѣстѣ рожденія Боккаччіо и объ отношеніи его къ Фіамметтѣ. По общепринятому мнѣнію, Боккаччіо родился въ Парижѣ, гдѣ его отецъ имѣлъ незаконную связь, и ребенкомъ былъ привезенъ въ Италію. Это мнѣніе основано на показаніяхъ самого Боккаччіо, но одинъ изъ раннихъ его біографовъ, Виллани, говоритъ, что мѣстомъ рожденія Боккаччіо былъ флорентійскій городъ Чертальдо ⁴⁾. Кёртингъ не согласенъ ни съ однимъ изъ этихъ показаній и считаетъ вопросъ очень важнымъ, потому, что въ случаѣ французскаго происхожденія Боккаччіо его біографу пришлось бы изслѣдовать вліяніе на его произведенія полугалльской крови ⁵⁾. Между аргументами противъ показаній самого Боккаччіо видное мѣсто занимаетъ, во-первыхъ, то соображеніе, что рассказъ о незаконномъ происхожденіи проти-

---

¹⁾ Boccaccio's Leben, p. 63 и слѣд.

²⁾ Ibid. p. 108—135.

³⁾ Критическая уридричявость Кёртинга къ сочиненіямъ Боккаччіо не помѣшала ему утверждать вопреки дѣйствительности, что біографія Петрарки написана Боккаччіо на итальянскомъ языкѣ. Ibid. p. 457.

⁴⁾ Natus est in Certaldi oppido, quod octavo ac decimo milliaro distat ab urbe Florentia.

⁵⁾ Würde dann doch halbfranzösisches Blut in Boccaccio's Adern geflossen sein und wäre doch dann zu untersuchen, ob und in welchen Beziehungen er dadurch in seiner litterarischen Production beeinflusst worden ist. Boccaccio's Leben, p. 68.

ворѣчить сыновнему долгу ¹⁾, и, во-вторыхъ, что Боккаччіо не могъ знать исторіи своей матери ²⁾. Наконецъ, это мнѣніе кажется Кёртингу невѣроятнымъ и по существу: во-первыхъ, такъ не поступаютъ отцы съ незаконнорожденными дѣтьми, какъ отецъ Боккаччіо ³⁾; во-вторыхъ, онъ не могъ взять съ собою за Альпы потерявшаго мать ребенка и, въ-третьихъ, наконецъ, мы не слышимъ жалобъ Боккаччіо на дурное обращеніе мачихи, какъ того слѣдовало ожидать ⁴⁾. Что касается до Виллани, то его показаніе Кёртингъ просто отрицаетъ, какъ ошибку, происшедшую отъ того, что въ Чертальдо жили предки Боккаччіо, фамилія Келлини ⁵⁾. Признавши недостаточно убѣдительными показанія самого Боккаччіо и его древнѣйшаго біографа, Кёртингъ поддерживаеъ одну старую гипотезу: Боккаччіо родился на Pozzo Toscanelli во Флоренціи, потому что онъ всегда называетъ этотъ городъ своимъ отечествомъ и потому еще, что это утверждается въ одномъ сонетѣ, который приписывается нѣкому Анкетини, хотя, можетъ быть, онъ принадлежитъ и другому поэту. „Мы думаемъ, говоритъ Кёртингъ, что на основаніи приведенныхъ вѣскихъ фактовъ безусловно слѣдуетъ признать Флоренцію мѣстомъ рожденія Боккаччіо“ ⁶⁾.

Совершенно такимъ же характеромъ отличается критическое изслѣдованіе о томъ, пользовался ли Боккаччіо взаимностью Фіамметты и доходила ли эта взаимность до грѣха ⁷⁾. Самъ Боккаччіо рассказываетъ объ этомъ различно: въ сонетахъ онъ жалуется на свои неудачи, а въ романахъ подъ прозрачной аллегоріей изображаетъ успѣхъ и побѣду. Кёртингъ болѣе довѣряетъ стихотвореніямъ, хотя они написаны были въ подражаніе Петраркѣ и предназначены для Маріи д'Аквино и ея кружка, и рѣшаетъ вопросъ отрицательно. Этотъ выводъ, сомнительный по существу, ничего не даетъ для біографіи Боккаччіо. Если побочная дочь короля Роберта и была

---

¹⁾ Zunächst wäre es im höchsten Grade pietätslos, um nicht zu sagen frivol von Boccaccio gewesen, den frevelhaften Leichtsinn seines Vaters und die Leichtgläubigkeit seiner Mutter den Augen blozulegen. Ibid. p. 69.

²⁾ Ibid. p. 70.

³⁾ Dass junge Männer nachdem sie ein Mädchen verführt und mit ihr ein Kind gezeugt haben, sich des Kindes annehmen und dasselbe als das ihre aufziehen, ist erfahrungsgemäss eine leider nur selten vorkommende Thatsache. Ibid. p. 73.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid. p. 79.

⁶⁾ Ibid. p. 80.

⁷⁾ Ibid. p. 257—62.

діаметрально противоположна своей законнорожденной племянницѣ— королевѣ Іоаннѣ, то автора Декамерона никто уже не заподозритъ въ платонизмѣ, все равно, пользовался ли онъ взаимностью Фіамметты или въ этомъ случаѣ его любовь была неудачна. Но, несмотря на отдѣльные случаи неудачнаго примѣненія правильнаго метода, критицизмъ Кёртинга одна изъ лучшихъ сторонъ его книги. Мы видѣли уже, что по отношенію къ источникамъ онъ приводитъ къ важнымъ и вѣрнымъ выводамъ. То же самое можно сказать относительно біографическихъ фактовъ. Такъ, Кёртингъ мастерски доказываетъ ошибочность утвержденія, „что Боккаччіо подъ старость сдѣлался священникомъ и даже пошелъ въ монахи“¹⁾, и устанавливаетъ нѣсколько хронологическихъ датъ, весьма важныхъ для его біографіи²⁾.

Далѣе, Кёртингъ ясно понимаетъ, что задача научной біографіи не ограничивается внѣшними фактами, но требуетъ исторіи внутренней жизни, которая въ значительной степени опредѣляется окружающей средой. Но выполнить эту задачу ему далеко не всегда удается. Такъ, жизнь Боккаччіо въ отцовской семьѣ и ея вліяніе на его настроеніе изложены превосходно³⁾, но для этого очень много автобіографическаго матеріала и иногда весьма краснорѣчиваго, какъ, напр., одно мѣсто въ Генеалогіи⁴⁾. Кёртингъ не останавливается однако на одномъ описаніи и выводитъ изъ условій семейной жизни Боккаччіо „слабость и непостоянство въ его дѣйствіяхъ“ и „недостатокъ довѣрія къ себѣ“⁵⁾, хотя подъ вліяніемъ успѣшной борьбы съ отцомъ могли развиться какъ разъ противоположныя свойства. Но если въ данномъ случаѣ оцѣнка вліянія среды страдаетъ произвольностью, то въ другихъ мѣстахъ, какъ, на примѣръ, при обширномъ описаніи неаполитанской жизни, она совершенно отсутствуетъ, такъ что самое изображеніе современнаго общества является чисто внѣшнею и ненужной приставкой. Кромѣ того, самый приѣмъ—ставить біографическіе факты въ связь съ общественной жизнью—проведенъ далеко непослѣдовательно: отмѣченное уже нами отсутствіе изображенія флорентійской среды чувствуется весьма живо въ соответствующихъ мѣстахъ біографіи. Точно также же поступаетъ Кёртингъ и по отношенію къ тѣмъ лицамъ, съ которыми былъ болѣе или менѣе близокъ Боккаччіо: даетъ обстоятельную біографію Аччай-

¹⁾ Ibid. p. 271—274.

²⁾ См. напр., p. 107, 163 и passim.

³⁾ Ibid. p. 85 и слѣд.

⁴⁾ Lib. XV c. 10.

⁵⁾ Boccaccio's Leben, p. 99.

уоли по книгѣ Танфани и ничего не говоритъ объ Орделлаффи и Полента.

Внутренней исторіи міросозерданія и настроенія Боккаччіо мы не находимъ въ книгѣ Кёртинга и не совсѣмъ по винѣ автора. Въ сочиненіяхъ Боккаччіо различныхъ эпохъ отражается нѣкоторая перемѣна настроенія, которая обуславливалась болѣе возрастомъ, чѣмъ вліяніемъ вѣшнихъ условій жизни или измѣнившихся взглядовъ. Его внутренняя жизнь не была такъ богата, какъ жизнь Петрарки, и основные вопросы философіи и морали не особенно его тревожили. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ имѣетъ эпизодъ съ монахомъ Чани, который по порученію умершаго святого Пьетро Петрони испугалъ Боккаччіо адскими муками за его итальянскую поэзію. Кёртингъ изображаетъ вліяніе этого эпизода довольно неопредѣленно. „1361 годъ, говоритъ онъ, образуетъ важный поворотный пунктъ въ жизни Боккаччіо и можетъ быть названъ хотя и не въ самомъ безусловномъ смыслѣ (*nicht im unbedingtesten Sinne*), годомъ его „обращенія“. Обращеніе во всякомъ случаѣ въ немъ произошло, хотя и не такое, которое измѣнило бы все существо и поставило бы на совершенно новые пути: Средніе вѣка не побѣдили и не подавили въ немъ Ренессанса, но объ культурныя формы пошли, такъ сказать, на компромиссъ другъ съ другомъ, такъ что здѣсь, какъ бы въ видѣ предзнаменованія внутри индивидуума произошло то, что позже случилось со всѣми народами ¹⁾“. Мы ожидали бы, что это положеніе будетъ подтверждено указаніями на слѣды переворота въ сочиненіяхъ Боккаччіо; но Кёртингъ указываетъ только проявленіе наступающей старости, да и то преувеличиваетъ ея вліяніе. „Вмѣстѣ съ своимъ „обращеніемъ“ онъ сдѣлался совершеннымъ старикомъ. Наслажденіе жизнью, веселая способность къ удовольствіямъ, пріятное легкомысліе, которому онъ служилъ въ ранніе годы — все это съ этихъ поръ было у него отнято. Его мысль и стремленія обратились, если не исключительно, то преимущественно, къ серьезнымъ религиознымъ предметамъ и прежде всего къ заботѣ о спасеніи души. Его поэтическая сила была сломлена и если что отъ нея осталось, то онъ не рѣшался приложить къ созданію болѣе крупныхъ произведеній: для него довольно было сочинить пѣсенку или написать невинную новеллетту. Онъ обладалъ еще склонностью и способностью только къ учено-научной работѣ, при которой онъ не могъ бояться попасть на путь нравственныхъ заблужденій. Ей посвятилъ онъ свои

---

¹⁾ Ibid. p. 270—271.

часы досуга и чрезъ нее оставался въ постоянной связи съ свѣтской жизнью и стремленіями. Но это былъ трудъ гораздо болѣе пассивнаго собиранія и накапливанія филологическаго и историческаго матеріала, чѣмъ самостоятельнаго, производительнаго творчества: поэтъ вполне сдѣлался ученымъ, который остерегался снять узду съ своей фантазіи ¹⁾. Понятно и естественно, что настроеніе Боккаччіо, которому было уже подь 50 лѣтъ, съ годами измѣнилось; для этого не нужно было никакого переворота. Точно также не Чани былъ виною того, что его поэтическое творчество ослабѣло. Боккаччіо самъ сознавалъ это и, конфузясь за Декамеронъ, горько жалуется въ Генеалогіи, что не подходящее воспитаніе и противныя занятія помѣшали ему сдѣлаться настоящимъ поэтомъ ²⁾. „Обращеніе“ не уничтожило въ немъ любви къ поэзіи, которую онъ усердно защищаетъ въ латинскихъ сочиненіяхъ. Что касается до исключительно религиозныхъ интересовъ и до заботъ о спасеніи души, то они вовсе не окрашиваютъ его ученыхъ работъ. Если Боккаччіо завѣщаль свои книги монаху и просилъ его молиться о спасеніи души, если онъ подь старость собиралъ реликвіи, то это точно также не свидѣтельствуешь о переворотѣ: Боккаччіо и въ новеллахъ оставался католикомъ и вообще не былъ никогда свободенъ отъ суевѣрія ³⁾.

Кёртингъ касается также одного изъ интереснѣйшихъ вопросовъ въ біографіи Боккаччіо, объ отношеніи его къ Петраркѣ, но рѣшаетъ его нѣсколько противорѣчиво. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Петрарка не имѣлъ обширнаго (in einem weitgehenden Maasse) вліянія „на дальнѣйшее развитіе и литературную дѣятельность“ Боккаччіо. „Когда они встрѣтились, то оба были уже зрѣлыми людьми, и каждый своимъ способомъ нашелъ уже твердые пути для своихъ стремленій и дѣятельности ⁴⁾“. Но изъ дальнѣйшаго слѣдуетъ, что эти слова, несмотря на ихъ абсолютный характеръ, относятся только къ поэтической дѣятельности. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ нѣсколько далѣе Кёртингъ, Петрарка направилъ Боккаччіо къ болѣе интенсивному занятію филологическо-исторической наукой и къ самостоятельной литературной дѣятельности въ этой области, такъ что

---

¹⁾ Ibid. p. 278. Въ другомъ мѣстѣ Кёртингъ прямо говоритъ, что то же самое случилось бы и безъ проповѣди Ciani, p. 368, а на слѣдующей страницѣ называетъ его Convertit'омъ.

²⁾ Genealog. Lib. XV. C. 10.

³⁾ Мѣста изъ сочиненій Боккаччіо, указывающія на его суевѣріе, сведены у самого Кёртинга. Voc. Leb. p. 370—371.

⁴⁾ Ibid. p. 187.

можно сказать, что благодаря Петраркѣ онъ оказалъ столь большое и столь важное содѣйствіе установленію гуманизма ¹⁾“. Несмотря на это противорѣчіе, Кёртингъ въ общемъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ Фогтъ. Онъ безусловно правъ въ первомъ случаѣ: Петрарка и Боккаччіо — продуктъ аналогичнаго настроенія; но первый, какъ лирикъ и философъ, сильнѣе второго и оказываетъ на него вліяніе потому, что лучше выражаетъ сходное настроеніе. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Боккаччіо рабски слѣдовалъ за тѣмъ, кого любилъ называть своимъ учителемъ. Онъ остается рассказчикомъ и въ своихъ историческихъ произведеніяхъ не обнаруживаетъ такой вражды къ средневѣковымъ ученымъ, какъ Петрарка, и является его весьма рѣзкимъ политическимъ противникомъ. Но онъ подчиняется ему въ сонетахъ и повторяетъ его взгляды на медицину, на поэзію и т. п. въ латинскихъ произведеніяхъ. Гораздо болѣе интереса представляетъ вторая часть книги Кёртинга, гдѣ онъ разсматриваетъ сочиненія Боккаччіо. Введеніе къ ней составляетъ 7-я глава: „Объемъ знаній Боккаччіо“, самая интересная и оригинальная во всемъ сочиненіи. Кёртингъ весьма мѣтко характеризуетъ Боккаччіо, какъ ученаго, сравнительно съ Петраркой, указываетъ на полное отсутствіе въ немъ философскихъ и глубокихъ научныхъ интересовъ и обильно собранными цитатами даетъ полное представленіе о дѣйствительномъ объемѣ знаній Боккаччіо въ греческомъ языкѣ и древней литературѣ, въ исторіи, географіи, естественныхъ наукахъ. Иногда Кёртингу удается сдѣлать вѣрный выводъ изъ наблюденій надъ всей совокупностью сочиненій Боккаччіо, какъ напр. изображеніе его религіозныхъ воззрѣній ²⁾. Но такіе выводы далеко не всегда доказательны. Такъ, Кёртингъ утверждаетъ, что Боккаччіо не имѣлъ „настоящей любви и еще менѣе одушевленія“ къ древнему міру, что въ настоящее время онъ былъ бы „не классическимъ“, а „романскимъ филологомъ“. „Въ глубинѣ своей души—это можно сказать навѣрное,—говоритъ Кёртингъ,—Боккаччіо несомнѣнно имѣлъ гораздо болѣе симпатіи къ средневѣковой романтикѣ, чѣмъ къ древней классичности ³⁾“. Если здѣсь идетъ рѣчь объ узко-ученомъ интересѣ, то гипотеза, кромѣ ненужности, виситъ еще на воздухѣ: во всѣхъ латинскихъ сочиненіяхъ Боккаччіо Средніе вѣка занимаютъ второстепенное мѣсто. Если же Кёртингъ имѣетъ въ виду міросозерцаніе и настроеніе Боккаччіо, то вопросъ получаетъ большую важность и требуетъ обстоя-

¹⁾ Ibid. p. 189.

²⁾ Ibid. p. 365 и слѣд.

³⁾ Ibid. p. 373.

тельного изслѣдованія. Не можетъ подлежать сомнѣнiю, что второй изъ двухъ первыхъ гуманистовъ былъ настроенъ болѣе примирительно къ своему непосредственному прошлому, чѣмъ первый. Но объемъ и характеръ его средневѣковыхъ симпатiй требуетъ изслѣдованія, тогда какъ вся аргументацiя Кёртинга сводится въ сущности къ тому, что въ перепискѣ Боккаччо нѣтъ такого восторженнаго описанiя монументальныхъ памятниковъ античнаго Рима, какъ у Петрарки ¹⁾. Не вполне удовлетворяютъ выводы Кёртинга и относительно политическихъ воззрѣнiй Боккаччо. Признавая его флорентiйскимъ патриотомъ и гвельфомъ ²⁾, онъ считаетъ его республиканизмъ и тиранноненавистничество простой риторикой, потому что онъ близко стоялъ къ неаполитанскому двору ³⁾. Но не слѣдуетъ забывать, что Робертъ не былъ тиранномъ и что теорiя съ практикой особенно рѣзко расходилась въ эпоху гуманизма. Не совсемъ основательно отрицаетъ Кёртингъ и демократизмъ Боккаччо на томъ основанiи, что онъ съ презрѣнiемъ говоритъ о толпѣ и считаетъ наилучшими правителями умственную аристократiю, интеллигенцию ⁴⁾. Дѣло въ томъ, что всѣ гуманисты, начиная съ Петрарки, были демократами только въ социальномъ отношенiи. Кёртингъ заканчиваетъ эту главу весьма мѣткимъ указанiемъ общаго значенiя Боккаччо въ гуманистическомъ движенiи. По его мнѣнiю, авторъ Декамерона содѣйствовалъ, во-первыхъ, образованiю интеллигенци, того общественнаго класса, на которомъ держалось движенiе; во-вторыхъ, онъ упрочилъ движенiе и другимъ путемъ, лишилъ его радикальнаго характера, сдѣлавши попытку примирить его съ средневѣковой культурой; въ-третьихъ, наконецъ, онъ сдѣлалъ первые шаги къ изученiю греческаго языка и въ ознакомленiи съ нимъ современнаго ему общества, чѣмъ видоизмѣнилъ нѣсколько самый характеръ движенiя ⁵⁾. Въ общемъ едва-ли можно возразить что-нибудь противъ такой формулировки заслугъ Боккаччо; только объясненiе Кёртинга первой изъ нихъ вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнiя. По его мнѣнiю, Боккаччо потому имѣлъ особенное влiянiе на общество, что, какъ самоучка и дилеттантъ, былъ болѣе по плечу толпѣ, нежели Петрарка. Намъ кажется, что здѣсь на XIV и XV вѣка перенесены вмѣстѣ съ новыми терминами и современ-

---

¹⁾ Ibid. p. 374.

²⁾ Ibid. p. 404 и 206.

³⁾ Ibid. p. 405 и 196--197.

⁴⁾ Ibid. p. 405.

⁵⁾ Ibid. p. 412 и слѣд.

ныя понятія. Боккаччіо былъ по стольку же самоучка и дилеттантъ, какъ и Петрарка и всѣ первые гуманисты. Гуманистической школы нельзя было получить въ схоластическихъ университетахъ, и о спеціализаціи не могло быть рѣчи тогда, когда понятіе „ученость“ обозначало усвоеніе содержанія античной литературы. Самый фактъ большаго вліянія Боккаччіо сравнительно съ Петраркой весьма сомнителенъ и во всякомъ случаѣ до сихъ поръ не доказанъ. Судя по общему характеру латинской прозы обоихъ гуманистовъ, можно думать, что они вліяли разными путями и, можетъ быть, на различныхъ людей одного общества. Петрарка, философъ и моралистъ, знакомилъ съ древней литературой, какъ съ источникомъ новыхъ воззрѣній и идеаловъ; рассказчикъ Боккаччіо заинтересовывалъ публику ея фактическимъ содержаніемъ.

Изложенію содержанія сочиненій Боккаччіо Кёртингъ предпосылаетъ главу вообще о его поэтической и писательской дѣятельности ¹⁾. Исходя изъ того положенія, что авторъ Декамерона поэтъ по преимуществу, Кёртингъ главнымъ образомъ излагаетъ 14 книгу Генеалогіи, гдѣ формулированъ взглядъ Боккаччіо на поэзію; поэтому глава, какъ изслѣдованіе, не представляетъ интереса, за исключеніемъ вопроса о морали. Кёртингъ не оспариваетъ безнравственности Боккаччіо; но для объясненія ея мелькомъ ссылается на моральный характеръ эпохи и на особенности расы ²⁾, и сосредоточиваетъ свои силы на адвокатской защитѣ знаменитаго кліента ³⁾. Ему какъ будто не хочется останавливаться на этомъ вопросѣ, хотя въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ мимоходомъ указываетъ вѣрный путь къ его разрѣшенію ⁴⁾, вслѣдствіе чего изъ 700 страницъ біографіи Боккаччіо его морали отведено въ разныхъ мѣстахъ не болѣе 5—6 страницъ и его личность съ этой стороны остается почти совсѣмъ не освященной. Въ изложеніи сочиненій Боккаччіо Кёртингъ обращаетъ главное вниманіе на итальянскую прозу, рассказываетъ ея содержаніе, даетъ литературную оцѣнку и иногда пытается извлечь изъ фабулы

¹⁾ VIII. Die dichterische und schriftstellerische Thätigkeit Boccaccio's.

²⁾ Ibid. p. 447—448. Ср. p. 242—243.

³⁾ Ibid. p. 448. Ср. p. 177—179.

⁴⁾ Die Renaissancecultur hat, da sie zum Sinnengenuss anregte, in *gewissem* Sinne (mindenstens im Vergleich zu der asketischen Tendenz des Mittelalters) die Emancipation des Fleisches predigte und durch die Hervorhebung der Individualität die Entfaltung des Egoismus begünstigte, auf die Sittlichkeit im Allgemeinen keinen günstigen Einfluss, sondern weit eher einen nachtheiligen ausgeübt, p. 242—43.

или изъ подробностей автобіографическія данныя. Взгляды автора, насколько они имѣютъ значеніе для нашей цѣли, были рассмотрѣны уже при анализѣ сочиненій Боккаччіо. Главная цѣна этой части книги заключается въ изложеніи содержанія романовъ, которое, по своей обстоятельности и толковости, хорошо знакомитъ неспеціалиста съ неудобочитаемыми теперь произведеніями автора Декамерона. Съ чисто литературной точки зрѣнія эта часть книги Кёртинга не представляетъ особаго интереса послѣ блестящей работы Ландау¹⁾. Особенно слаба глава, посвященная Декамерону, гдѣ, вмѣсто литературнаго анализа и выясненія всемірно-историческаго значенія книги, мы находимъ только сомнительное извиненіе ея содержанія²⁾ и ненужныя разсужденія въ родѣ того, что было бы, если бы Боккаччіо написалъ *antikisirende Novelle* по греческо-римскому образцу³⁾. Весьма существенный пробѣлъ книги Кёртинга составляетъ отсутствіе обстоятельнаго анализа ученыхъ сочиненій Боккаччіо на итальянскомъ и латинскомъ языкахъ. Относительно *Vita di Dante* онъ дѣлаетъ нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній, изъ которыхъ одно — что „эпоха ранняго Ренессанса не имѣла абсолютно никакого призванія къ исторіографіи вообще и къ біографіи въ особенности“ — стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ дѣйствительностью. Еще болѣе поверхностно рассмотрѣнъ *Comento*, такъ какъ Кёртингъ не только не выясняетъ его отношенія къ другимъ сочиненіямъ Боккаччіо, но и не излагаетъ даже содержанія. Что касается до латинскихъ сочиненій, то Кёртингъ просто отказывается отъ ихъ анализа на томъ основаніи, что онъ сдѣланъ Гортисомъ, и ограничивается нѣсколькими фразами, далеко не всегда, какъ мы видѣли, удачными.

---

1) Кёртингъ вездѣ старается опредѣлить отношеніе Боккаччіо къ источникамъ и иногда даже слишкомъ увлекается литературными изысканіями (см. напр. объ источникахъ Тезевды, р. 620—627). Но эстетическая оцѣнка далеко не всегда одинаково удовлетворительна. Такъ анализъ *Ninfale* и *Фіамметты* весьма хорошъ, чего никоимъ образомъ нельзя сказать относительно разбора *Ameto* и въ особенности *Filostrato* (см. р. 520—521 и 579—585).

2) *Ibid.* p. 658.

3) *Ibid.* p. 668—69.

VI.

Биографическая литература о Боккаччо за послѣднее десятилѣтіе.—Книги Гортиса и Крешини.—Монографія Макрї-Леоне и Графа.—Общія сочиненія этого періода: Штервъ и Гаснари, Гейгеръ и Кёртлингъ.—Общій характеръ біографической литературы о Боккаччо и ея пробѣлы.

Биографія Боккаччо, написанная Кёртингомъ, является послѣднимъ крупнымъ и самостоятельнымъ трудомъ о жизни автора Декамерона. За послѣднія десять лѣтъ появилось только нѣсколько монографическихъ работъ о его сочиненіяхъ и объ отдѣльныхъ сторонахъ его міросозерцанія¹⁾, а всестороннюю оцѣнку его дѣятельности мы встрѣчаемъ только въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи Возрожденія и итальянской литературы этого періода. Первое мѣсто между этими монографіями безспорно занимаютъ не разъ цитированныя работы Гортиса и Крешини. Гортисъ имѣетъ въ виду только латинскія произведенія Боккаччо, но извлекаетъ изъ нихъ массу данныхъ для характеристики его міросозерцанія; Крешини ставитъ своей за-

---

¹⁾ Исключеніе составляютъ нѣсколько журнальныхъ статей, сюда относится, во-первыхъ, *Cochin, Boccace d'après ses oeuvres et les temoignages contemporains*. (Въ *Revue des deux Mondes* 1888, 15 Juillet, p. 373 и слѣд. и потомъ перепечатана отдѣльно: *Boccace, Etudes italiennes. Paris 1890*). Но работа Кошэна представляетъ популярное изложеніе біографіи Боккаччо, чтобы „по крайней мѣрѣ разрушить ходячее (vulgaire) мнѣніе о немъ многихъ французовъ, которые ставятъ его среди веселыхъ (égrillards) писателей, недалеко отъ Кребыльона-сына и маркиза Де-Сада“ (p. 413). Собственные взгляды автора грѣшатъ крайней произвольностью, какъ, напр., слѣдующая тирада о философіи и морали Боккаччо. „Le philosophe est idéaliste et chrétien. Le moraliste est, comme Pétrarque, un disciple des derniers stoïciens. Ce qu'il enseigne, quand par hasard il enseigne à ses lecteurs sensibles et avarés, c'est le mépris de la douleur et le mépris des richesses. C'est, en somme, la force d'âme ou la vertu, et c'est-à-dire „se vaincre soi-même“. „Tous les hommes sont égaux, dit Boccace; la vertu seule les distingue“. La dixième et dernière journée du Décaméron est tout entière consacrée au développement de ces hauts principes“. Ibid. p. 389. Сюда же относятся: *Aleardi, Messer Boccaccio* (въ *Il Pungolo della Domenica* 1883. № 31) и *Boyer d'Agen, La vacation de Boccace*. (Въ *Revue internat.* 1885. Vol. VIII). Судя по отзывамъ, обѣ статьи совершенно незначительны (См. *Giorn. stor. d. lit. ital.* Vol. II, p. 451 и VI, p. 466). На русскомъ языкѣ есть весьма хорошій очеркъ, посвященный Боккаччо (*А. А-ва, Итальянская новелла и Декамеронъ* въ *Вѣстн. Евр.* 1880 №№ 2, 3 и 4); но онъ написанъ съ литературной точки зрѣнія.

дачей извлечь изъ итальянскихъ произведеній автора Декамерона весь заключающійся въ нихъ матеріалъ для его фактической біографіи ¹⁾). Кроме того, рядъ журнальныхъ статей, принадлежащихъ Траверси, съ исчерпывающей полнотой разрѣшаютъ вопросъ объ отношеніи Боккаччіо къ Маріи д'Аквіно ²⁾). Гораздо важнѣе для выясненія и оцѣнки историческаго значенія Боккаччіо вопросъ о его міросозерцаніи, и за послѣднее время можно отмѣтить рядъ работъ въ этомъ направленіи. Такъ, морали Боккаччіо посвящены двѣ журнальныя статьи, которыя, повидимому, мало выяснили эту сторону воззрѣній автора Декамерона ³⁾). Не рѣшаетъ вопроса и статья *Макри-Леоне* о политикѣ Боккаччіо. Авторъ отмѣчаетъ противорѣчивое отношеніе къ этому вопросу своихъ предшественниковъ—Ландау и Кёртинга—и отсутствіе „яснаго и опредѣленнаго рѣшенія“ у Гортиса ⁴⁾); но его собственное рѣшеніе точно также не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ. Макри-Леоне ставитъ своей задачей выяснить политическое міросозерцаніе Боккаччіо сравнительно съ Данте и Петраркой: въ политикѣ Данте „былъ человѣкъ универсальный“, Петрарка—„спеціально итальянецъ и римлянинъ“, а Боккаччіо „смѣло отвергаетъ то, что служитъ фундаментомъ для ихъ политическихъ идеаловъ и является чистымъ флорентійцемъ, *хотя его глаза горятъ самой живой любовью къ великой итальянской родинѣ...* Петрарка пролагаетъ путь демократическому элементу, но подъ вліяніемъ классическихъ республиканскихъ понятій;

---

¹⁾ Заслуживаетъ вниманія небольшая замѣтка *Gaspary, Il supposto incendio dei libri del Boccaccio a S. Spirito* (Giorn. stor. IX, p. 457); гдѣ авторъ доказываетъ, что бібліотека Боккаччіо или по крайней мѣрѣ часть ея уцѣлѣла отъ пожара.

²⁾ Сюда относятся: 1) *Le prime amanti di G. B.* (Fanfulla della Domenica 1882. № 19). 2) *Dell'amore di G. B. per madonna Fiammetta* (Preludio 1882. № 8). 3) *Della realtà e della vera natura dell'amore di Messer G. B. per madonna Fiammetta.* (Rivista Europea 1883). Кроме того, ему же принадлежитъ рядъ статей о родинѣ и родителяхъ Боккаччіо. См. выше нр. 52. Замѣтка анонимаго автора о мѣстѣ рожденія Боккаччіо—*Où est né Boccace* (L'intermédiaire des chercheurs et des curieux. Paris 1885. № 2) предполагаетъ, что его родиной былъ Неаполь.

³⁾ *Giardelli, La morale nelle opere di G. B.* (Convivio 1883) и *Gaister, Sulla moralità di G. B.* (Ateneo 1884. № 9). Я не имѣлъ подъ руками этихъ журналовъ; но Giorn. stor. называетъ первую статью articolo insignificante, а вторую—tiritera che ha il solo merito di esser breve (I, 361 и III, 313).

⁴⁾ *Macri-Leone, La politica di G. B.* въ Giorn. stor. dell. lett. ital. Vol. XV. 1890 p. 97.

съ Боккаччіо демократическій элементъ одерживаетъ побѣду, но какъ необходимое послѣдствіе исторической дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ Боккаччіо, у котораго болѣе чувства дѣйствительности, чѣмъ у Данте и Петрарки, можетъ быть названъ болѣе конкретнымъ выраженіемъ итальянской и спеціально флорентійской политики XIV вѣка¹⁾. Такая постановка вопроса страдаетъ нѣкоторою неясностью и неопредѣленностью, которая не устраняется и самымъ изложеніемъ. Авторъ отличаетъ вліяніе семьи и неаполитанскаго двора на образованіе гвельфскихъ симпатій Боккаччіо²⁾, который, однако, не былъ настоящимъ гвельфомъ, какъ это видно изъ письма къ Пино де' Росси³⁾. Гвельфизмъ Боккаччіо обнаруживается только его враждебнымъ отношеніемъ къ имперіи и нѣмцамъ, что не мѣшало ему выражаться съ крайней рѣзкостью о флорентійскихъ порядкахъ. Отмѣчая всѣ эти стороны въ воззрѣніяхъ Боккаччіо, Макри-Леоне не даетъ ясной картины его политическихъ стремленій и не приводитъ ихъ въ связь съ дѣйствительностью. Получается рядъ неопредѣленныхъ тенденцій, сопровождающихся непримиримыми противорѣчіями: Боккаччіо-гвельфъ, но это названіе въ изображеніи Макри-Леоне является — *pome vano senza soggetto*. Онъ республиканецъ и поклонникъ Роберта Неаполитанскаго, и это противорѣчіе остается не только необьясненнымъ, но и незамѣченнымъ⁴⁾. Авторъ сводитъ его проповѣдь тиранноубійства отчасти къ ранней традиціи, отчасти къ воспоминанію о герцогѣ Аѳинскомъ⁵⁾, и видитъ въ письмѣ къ Пино де' Росси проявленіе чисто индивидуальныхъ свойствъ Боккаччіо. По его мнѣнію, „письмо можетъ доказать намъ только одно: Боккаччіо, человѣку кроткому и чуждому всякой неумѣренности, было не по душѣ связываться (*affolarsi*) съ правительствомъ плебеевъ“⁶⁾. Политическіе идеалы автора Декамерона остаются въ

¹⁾ Ibid. p. 82—83.

²⁾ Ibid. p. 97 и слѣд.

³⁾ Tanto ciò è vero, che da alcuni è stato con verosimiglianza creduto essere stato il Boccaccio degli *ammoniti*, cioè de' non veri *guelfi* e non alieno dal sentire de' *ghibellini*. E ad accreditare questa accusa, se mai vi è stata, sarà stata sufficiente la lettera a Pino de' Rossi, dove non si poteva con maggior disprezzo parlare del governo di Firenze. Ibid. p. 85.

⁴⁾ Macri-Leone объясняетъ только не важныя въ политическомъ отношеніи противорѣчія Боккаччіо въ его сужденіяхъ объ Іоаннѣ Неаполитанской и Аччайуоли.

⁵⁾ Ibid. p. 83—84.

⁶⁾ Quell'affolarsi al governo di uomini „ghiottoni tavernieri e puttanieri e di simile lordura disonesti“ (p. 85), по собственному выраженію Боккаччіо.

концѣ концовъ такъ же мало выясненными, какъ и до появленія статьи Макрї-Леоне.

Болѣе существенную поправку къ предшествующимъ изслѣдованіямъ вноситъ статья *Графа—Боккаччіо и суевѣріе*. Авторъ ставитъ своей задачей опровергнуть мнѣніе Кёртинга, что „Боккаччіо по отношенію къ суевѣрію и вѣрѣ въ чудесное стоитъ почти вполне на низкомъ уровнѣ Среднихъ вѣковъ“, и успѣшно выполняетъ эту задачу. Графъ перечисляетъ основанія Кёртинга для обвиненія Боккаччіо въ суевѣрїи. Боккаччіо вѣрилъ въ сны, въ астрологию, въ способность умирающихъ пророчествовать, въ возможность вызывать тѣни умершихъ, вмѣсто которыхъ однако являются дьяволы; онъ вѣрилъ, что косые глаза—признакъ дурной души, что Эней дѣйствительно нисходилъ въ адъ и что *Виргилій* былъ дѣйствительно чародѣй. Но на-ряду съ этимъ авторъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, въ которыхъ обнаруживается діаметрально противоположное настроеніе Боккаччіо. Такъ, онъ отвергаетъ предразсудокъ, что внезапныя болѣзни и неожиданная смерть—дѣло дьявола, что растеніе *Dactylis* зарождается изъ человѣческой крови, не вѣрилъ въ алхимию, считалъ баснями массу преданій, къ которымъ современники относились съ полнымъ довѣріемъ ¹⁾. Такое сопоставленіе только отчасти подрываетъ мнѣніе Кёртинга: оно показываетъ, что Боккаччіо стоялъ въ этомъ отношеніи *не вполне* на средневѣковой почвѣ. Графъ пытается идти далѣе и не только объяснить, но даже извинить нѣкоторые предразсудки Боккаччіо, и эти извиненія далеко не всегда можно признать удачными. Такъ, его мнѣніе о косыхъ глазахъ авторъ извиняетъ тѣмъ, что „существуютъ криминалисты и психіатры, которые въ этомъ и во многихъ другихъ уродствахъ видятъ признакъ нравственнаго несовершенства и предрасположенія къ преступленію“ ²⁾, какъ будто между Ломброзо и Боккаччіо есть что-нибудь общее. Такимъ же методологическимъ промахомъ отличается объясненіе Графа вѣры Боккаччіо въ астрологию: онъ видитъ въ ней не средневѣковой остатокъ, а „суевѣріе, интимно (*intimamente*) связанное съ гуманизмомъ“ ³⁾, не принимая во вниманіе, что астрологіи Понтано и Кампанеллы предшествовалъ совершенно иной психологическій процессъ, чѣмъ вѣрованію Боккаччіо. Наконецъ, Графъ упрекаетъ Кёртинга, что онъ заимствуетъ свои аргу-

¹⁾ *Graf, Il Boccaccio e la superstizione*. Nuova Antol. Seconda Serie Vol. XLIX (1885) p. 419 и слѣд.

²⁾ *Ibid.* p. 420.

³⁾ *Ibid.* p. 421.

менты исключительно изъ позднѣйшихъ произведеній Боккаччіо, появившихся послѣ извѣстнаго посѣщенія Чани. Графъ не понимаетъ, почему „нѣкоторые уменьшаютъ важность“ этого визита. Конечно, въ молодости Боккаччіо пророчество Петрони не произвело бы впечатлѣнія; но авторъ Декамерона старѣль, и „посѣщеніе брата Джоакино должно было произвести двойное дѣйствіе на его душу: подогрѣть въ ней не особенно горячую вѣру и возбудить чувство чудеснаго, остававшееся въ ней до сихъ поръ неподвижнымъ (*so-pito*)... Если, напримѣръ, Боккаччіо вѣрилъ въ вѣрность сновъ, то эта вѣра должна была бы сдѣлаться болѣе твердою, чѣмъ когда-либо“¹⁾. Дальнѣйшія занятія должны были, по мнѣнію Графа, дѣйствовать въ томъ же направленіи. „Боккаччіо, говоритъ онъ, раскаявшись въ томъ, что тратилъ духовныя силы на сочиненія, которыя теперь казались ему заслуживающими порицанія, избѣгаетъ свободнаго упражненія своей мысли, предается компилятивнымъ и ученымъ работамъ, въ которыхъ его мысль, какъ бы обузданная сюжетомъ, воспринимаетъ чужія мнѣнія и теряетъ мало-по-малу привычку и вкусъ къ критикѣ“. Но если научные трактаты убивали критическую мысль Боккаччіо, то относящаяся къ этому времени тщательное изученіе Божественной Комедіи, „все дѣйствіе которой развивается въ области сверхъестественнаго, должно было все болѣе и болѣе склонять къ чудесному испуганный умъ комментатора, притуплять въ немъ чувство реальнаго“²⁾. Поэтому въ *Comento* всего болѣе проявленій суевѣрія, а настоящаго Боккаччіо слѣдуетъ искать въ *Декамеронѣ*, гдѣ обнаруживается совершенно иное направленіе.

Такое толкованіе знаменитаго „переворота“ подлежитъ однако нѣкоторымъ ограниченіямъ. Въ латинскихъ трактатахъ Боккаччіо замѣчается только иное *настроеніе*, чѣмъ въ его итальянскихъ произведеніяхъ, а *воззрѣнія* по существу остаются, какъ мы видѣли, неизмѣнными. Графъ думаетъ иначе; но съ его объясненіями Декамерона далеко не всегда можно согласиться. Онъ самъ приводитъ нѣсколько новеллъ, въ которыхъ обнаруживается несомнѣнное суевѣріе автора, при чемъ, какъ нарочно, именно о снахъ, онъ разсуждаетъ здѣсь совершенно такъ же, какъ въ латинскихъ трактатахъ³⁾. Но онъ придаетъ особое значеніе тѣмъ новелламъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о культѣ святыхъ и реликвіяхъ, и дѣлаетъ изъ нихъ

1) Ibid. p. 433.

2) Ibid. p. 424.

3) Ibid. p. 432, 433. Ср. p. 420.

черезчуръ смѣлые выводы. Выше мы видѣли, какъ глубоко идетъ отрицаніе Боккаччіо въ разсказахъ о Чаппеллетто, о братѣ Чиполла и т. п. Графъ толкуетъ ихъ иначе. По его мнѣнію, новелла о Чаппеллетто—отрицаніе культа святыхъ ¹⁾; разсказъ о Чиполла—отрицаніе реликвій. „Боккаччіо, состарившись, подчинился общему заблужденію и предался собиранію реликвій; въ молодости онъ несомнѣнно осмѣивалъ суевѣрное вѣрованіе, и его новелла (о Чиполла) доказываетъ это“ ²⁾, говоритъ Графъ и дѣлаетъ слѣдующій выводъ изъ всѣхъ новеллъ такого содержанія: „нѣтъ доказательствъ, что Боккаччіо отрицалъ основные догматы христіанской вѣры; но все показываетъ, что въ извѣстныхъ религіозныхъ обрядахъ, къ чуду и народнымъ вѣрованіямъ онъ относился рѣшительно скептически и съ насмѣшкою“ ³⁾. Чтобы прійти къ такому заключенію, Графъ пользуется тремя приемами, изъ которыхъ ни одинъ не обладаетъ признаками строгой доказательности. Во-первыхъ, онъ ставитъ на видъ, что Боккаччіо нигдѣ въ Декамеронѣ не говоритъ о чудѣ серьезно, а только съ насмѣшкою ⁴⁾, забывая, что для темы новеллы и не годилась благочестивая легенда. Во-вторыхъ, „братъ предметъ для смѣха и шутки изъ недѣльныхъ вѣрованій народа свойственно тому, кто не раздѣляетъ этихъ вѣрованій“ ⁵⁾. Но Боккаччіо нигдѣ не осмѣиваетъ самыхъ вѣрованій, а только злоупотребленіе ими, что далеко не одно и то же. Наконецъ, Графъ дѣлаетъ собственные выводы изъ фабулы новеллы, иногда не обращая даже вниманія на комментарий самого автора. Такъ, изъ разсказа о Чаппеллетто онъ выводитъ чисто протестантское отношеніе къ культу святыхъ, а объясненіе самого Боккаччіо считаетъ ироніей ⁶⁾, —натяжка, которая должна броситься въ глаза всякому знакомому съ Декамерономъ. Такая искусственность толкованія обнаруживается тѣмъ рѣзче, что въ другихъ случаяхъ Графъ относится къ фабулѣ новеллы совершенно иначе. Напримѣръ, волшебныя новеллы, говоритъ онъ, „настолько же доказываютъ, что Боккаччіо вѣрилъ въ магію, насколько по отношенію къ Гёте можетъ доказывать это Фаустъ“ ⁷⁾. Или видѣніе въ 8-й новеллѣ V дня, по отношенію къ которому

¹⁾ Ibid. p. 428.

²⁾ Ibid. p. 430.

³⁾ Ibid. p. 430 и 432.

⁴⁾ Ibid. p. 431.

⁵⁾ Ibid. p. 430—431.

⁶⁾ Ibid. p. 427, 428.

⁷⁾ Ibid. p. 436.

у Боккаччіо незамѣтно никакого скептицизма, Графъ толкуетъ только какъ „*maschina* въ романтическомъ разсказѣ“ ¹⁾).

Такая неровность отношенія къ литературному источнику подрываетъ утвержденіе Графа, что визитъ монаха кореннымъ образомъ измѣнилъ міросозерцаніе Боккаччіо, по крайней мѣрѣ, въ релігіозномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе его общій выводъ о суетвѣрїи автора Декамерона гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ мнѣнія Фогта и Кёртинга. „По отношенію къ суетвѣрїю, говоритъ онъ, Боккаччіо не только не отсталъ отъ среднихъ вѣковъ, но даже вышелъ изъ нихъ, насколько это возможно для человѣка того времени... Мнѣ кажется, нѣтъ основанія ставить его много ниже Петрарки, и я не считаю справедливымъ возводить одного на высочайшія вершины здраваго и просвѣщеннаго мышленія, чтобы оставить другого въ безднѣ суетвѣрїи. И Петрарка, и Боккаччіо только отчасти новые люди: оба они еще связаны съ прошлымъ, оба къ нему обращаются. Который изъ нихъ болѣе отъ него освободился и который болѣе отсталъ— сказать не легко“ ²⁾). Вопросъ поставленъ совершенно правильно; но для его рѣшенія необходимо, во-первыхъ, выдѣлить у обоихъ гуманистовъ элементы новаго времени отъ средневѣковыхъ остатковъ и, во-вторыхъ, выяснить причины появленія первыхъ и живучести послѣднихъ. Это и должно составить задачу будущихъ біографовъ родоначальниковъ гуманизма.

Новѣйшіе историки литературы и вообще эпохи Возрожденія мало даютъ для общей характеристики міросозерцанія Боккаччіо и для выясненія его роли въ гуманистическомъ движеніи. Историки литературы, естественно, обращаютъ преимущественное вниманіе на его итальянскія произведенія и касаются его фактической біографіи и возрѣній лишь настолько, насколько это нужно для объясненія его романовъ, поэмъ и Декамерона. Такъ, Адольфъ Штернъ предпосылаетъ разбору Декамерона сжатый біографическій очеркъ Боккаччіо, въ общемъ весьма удовлетворительный, хотя авторъ и выдаетъ за положительные факты недоказанныя предположенія. Онъ считаетъ нужнымъ, напр., отмѣтить, что „капли французской крови, которыя текли въ жилахъ Боккаччіо, несомнѣнно имѣли важное вліяніе на его развитіе“ ³⁾), хотя изъ изложенія не видно, въ чемъ оно выразилось. Кромѣ того, Штернъ утверждаетъ, что „Боккаччіо старался

¹⁾ Ibid. p. 437.

²⁾ Ibid. p. 437—38.

³⁾ *A. Stern, Geschichte der neuern Litteratur*, p. 94.

научиться элементам греческого языка у греческого монаха Павла из Перуджи, библиотекаря короля Роберта“ ¹⁾), хотя на это нѣтъ прямыхъ указаній въ его біографіи. Иногда такія утвержденія заходятъ за предѣлы фактической неточности и бросаютъ невѣрное освѣщеніе дѣятельности Боккаччіо. Такъ, Штернъ сильно преувеличиваетъ вліяніе на него Леонтія Пилата. По его словамъ, Боккаччіо, „хотя могъ написать „Жизнь Данте“ безъ бродячаго (abenteuern-den) гуманиста, но этотъ страстующій археологъ, очевидно, имѣлъ слишкомъ большое вліяніе на его изученіе генеалогіи боговъ и на книги „De claris mulieribus“ и „De casibus virorum illustrium“ ²⁾. Въ дѣйствительности, вліяніе Пилата, котораго никоимъ образомъ нельзя назвать гуманистомъ, исчерпывалось сообщеніемъ нѣкоторыхъ сравнительно весьма немногихъ фактическихъ данныхъ.

Штернъ не только не отрицаетъ, но даже нѣсколько преувеличиваетъ вліяніе на Боккаччіо изученія древности. Оно оказало, по его мнѣнію, „двойное дѣйствіе“ на автора Декамерона: „съ одной стороны, сдѣлало его чувствительнымъ къ впечатлѣніямъ, производимымъ природой и ко всей полнотѣ человѣческой жизни, а съ другой— обременило его фактами (mit Stoffen) и представленіями, которыхъ нельзя было прямо оживотворять“. Первое вліяніе нашло себѣ „самое чистое и самое ясное выраженіе въ Декамеронѣ“ ³⁾. Въ этой нѣсколько неясной и неопредѣленной формулѣ сказалась обычная неточность во взглядахъ на роль классической литературы въ гуманизмъ: не классическая литература создала интересъ гуманистовъ къ природѣ и жизни, и въ произведеніяхъ Боккаччіо еще менѣе, чѣмъ у Петрарки, возможно найти мечтательную реставрацію античнаго міра. Но гуманистическое значеніе Декамерона отмѣчено Штерномъ совершенно вѣрно: въ новеллахъ Боккаччіо онъ видитъ „полетъ новой жизни, уваженіе къ индивидуальности“, находитъ, что тамъ „цѣнятъ человѣка не по сословію и не по внѣшнимъ связямъ“, но „индивидуумъ пріобрѣтаетъ тамъ самостоятельное значеніе, становится самъ по себѣ достойнымъ вниманія“ ⁴⁾. Въ этихъ чертахъ выразилась дѣйствительно одна изъ существеннѣйшихъ сторонъ гуманистическаго движенія.

Новѣйшій историкъ итальянской литературы Гаспара отводитъ

¹⁾ Ibid. p. 95.

²⁾ Ibid. p. 99.

³⁾ Ibid. p. 102.

⁴⁾ Ibid. p. 103.

въ своей книгѣ значительную главу Боккаччіо ¹⁾, но большая ея часть занята изложеніемъ и разборомъ его итальянскихъ произведеній. Тѣмъ не менѣе среди литературнаго разбора встрѣчаются отдѣльныя замѣчанія, которыя имѣютъ иногда значительную цѣну и для гуманистической историографіи. Такъ у Гаспари лучше, чѣмъ гдѣ-либо, намѣчена, по письмамъ Боккаччіо, та ученость, которой онъ набирался въ Неаполѣ. Онъ увлекается античной мифологіей подъ вліяніемъ Паоло-да-Перуджіа, съ интересомъ изучаетъ астрологію подъ руководствомъ Андалоне дель Negro и скучаетъ на лекціяхъ каноническаго права. Его письма этого времени, написанныя плохой латынью, то наполнены ксати и нексати греческими словами, то заключаютъ въ себѣ выраженія и цѣлыя фразы изъ Данте, а въ одномъ изъ нихъ онъ проситъ пріятеля прислать ему Оиваиду Стаціа съ глоссами, такъ какъ безъ комментарій и безъ учителя онъ еще не въ состояніи понять этой поэмы ²⁾. Въ этихъ письмахъ да въ любви къ Фіамметтѣ почти всѣ основы будущей учено-литературной дѣятельности Боккаччіо, и Гаспари хорошо формулируетъ ея общій характеръ: „ученость у него имѣетъ болѣе средневѣковой обликъ, чѣмъ у Петрарки, и тѣмъ не менѣе его духъ носитъ болѣе слѣдовъ новаго времени (modernerer)“ ³⁾, чѣмъ у перваго гуманиста. Этотъ новый духъ отмѣченъ при разборѣ итальянскихъ произведеній, о которомъ мы упоминали выше; что касается до средневѣковыхъ остатковъ у Боккаччіо, то Гаспари очень удачно формулируетъ ихъ общій характеръ въ его религіи, морали и учености.

---

¹⁾ Проф. Кириичанковъ посвящаетъ Боккаччіо только двѣ неполныхъ страницы (Всеобщая литература. Выпускъ XVIII р. 245—247), которыя не даютъ вѣрнаго представленія объ авторѣ Декамерона. Между прочимъ онъ говоритъ: „Боккаччіо усвоивалъ букву древнихъ;—плохо понимая общій смыслъ, онъ не могъ освободиться отъ средневѣковыхъ предразсудковъ, и монахи могъ запугать его, заставить проклясть не только свои юношескія любовныя произведенія, но и позднѣйшія занятія наукой“ (р. 246). Какъ извѣстно, латинскіе трактаты Боккаччіо относятся ко времени послѣ визита Чани. Много обстоятельнѣе очеркъ г. Балдакова въ томъ же изданіи (Вып. XVI р. 843 и слѣд.), но онъ составленъ съ чисто-литературной точки зрѣнія. То же самое можно сказать о Marc-Monnier (*Historie de la littérature moderne* I). Онъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на Декамеронѣ и романахъ и разбираетъ ихъ преимущественно со стороны языка и вообще формы (р. 115 и слѣд.) и дѣлаетъ только пѣсколько незначительныхъ замѣчаній о политикѣ Боккаччіо и объ его отношеніи къ Петраркѣ (р. 87—92).

²⁾ *Gaspary, Geschichte der Italienischen Litteratur* II, p. 2.

³⁾ *Ibid.* p. 1.

„Боккаччіо, — говоритъ онъ, — вращается въ традиціонныхъ, средне-вѣковыхъ формахъ морали и религіи; святая католическая вѣра, Богъ, Христосъ — постоянно у него на устахъ; почти никогда не начинается онъ книги безъ обращенія къ божественной помощи и не заключаетъ сочиненія безъ благодарности, что она привела его корабликъ къ гавани; онъ называетъ безуміемъ языческія басни, которыми полны его произведенія; онъ подчиняетъ свои сочиненія приговору церкви. Но за этой внѣшней ортодоксальностью (Correctheit) скрывается свѣтскій, направленный на земное духъ. Онъ могъ говорить, какъ одинъ изъ прежнихъ христіанскихъ моралистовъ; но онъ чувствовалъ иначе. Онъ не ненавидѣлъ земное, а любилъ его, находилъ въ немъ наслажденіе, онъ не могъ желать ничего лучшаго, какъ богатства, любовь, слава, и отъ этого происходитъ, что старая религіозно-моральная мысль превращается въ его изложеніи въ нѣчто противоположное“ ¹⁾). Во всей литературѣ о Боккаччіо едва-ли можно найти лучшую характеристику этой стороны его міросозерцанія. Менѣе удачно характеризованы ученые трактаты Боккаччіо. „Онъ былъ, конечно, очень начитанъ, говоритъ Гаспари; но его ученость была безпорядочной, носила болѣе средневѣковой характеръ, чѣмъ ученость Петрарки; онъ легковѣренъ, склоненъ считать авторитетомъ всякую книгу... При занятіяхъ древностью онъ прежде всего ученый собиратель, тогда какъ у Петрарки главнымъ дѣломъ остается моральный интересъ, изысканіе античной мудрости“ ²⁾). Не слѣдуетъ забывать однако, что дидактическій элементъ очень силенъ въ *De claris mulieribus*, а сочиненіе „О несчастіяхъ знаменитыхъ мужей“ скорѣе этическій, чѣмъ историческій трактатъ. Факты являются тамъ только иллюстраціей моральныхъ сентенцій, такъ что Боккаччіо держится того же метода, который Петрарка считалъ своимъ собственнымъ и защищалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Точно такъ же съ нѣкоторымъ ограниченіемъ можно принять другое въ общемъ весьма мѣткое наблюденіе Гаспари о разницѣ въ отношеніи Боккаччіо къ древности сравнительно съ Петраркой. „У Петрарки, говоритъ онъ, классицизмъ ограничивается болѣе латинскими сочиненіями; съ Боккаччіо онъ пріобрѣтаетъ господство также и въ народной поэзіи; но у Боккаччіо онъ производитъ часто грубо-комическое (grotesk) впечатлѣніе, потому что античные элементы заимствованы безъ переработки въ душѣ автора и рѣзко и непосредственно поставлены рядомъ съ новыми; это

¹⁾ Ibid. p. 24.

²⁾ Ibid. p. 36.

такъ сказать непереваренный классицизмъ; Петрарка усваивалъ его съ большей мѣрой и тонкостью“¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить однако, что это различіе касается болѣе формы, чѣмъ содержанія; по существу элементы античнаго и христіанскаго міросозерцанія и у Петрарки остаются непримиренными и только внѣшнимъ образомъ они склеены болѣе гладко, чѣмъ у Боккаччіо. Впрочемъ, и здѣсь необходима оговорка. Мы видѣли, что литературные критики цѣнятъ Тезеиду Боккаччіо съ эстетической точки зрѣнія сравнительно высоко именно за то, что автору удалось хорошо справиться съ классическимъ матеріаломъ. Слѣдовательно, въ художественной сферѣ, гдѣ только и удалось итальянскимъ гуманистамъ гармонично слить античное съ современнымъ, первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ Боккаччіо, а не Петраркой.

Замѣчанія Гаспари исчерпываютъ все существенное, что сдѣлано для изученія Боккаччіо въ общей литературѣ за послѣднее десятилѣтіе, потому что новѣйшіе историки Возрожденія не даютъ ничего новаго. Такъ, Гейгеръ, посвящая цѣлую главу Боккаччіо, даетъ чисто внѣшнее изложеніе его біографіи и сочиненій. Какъ популярный разсказъ, очеркъ Гейгера не лишень цѣны; но авторъ слишкомъ уже обращаетъ вниманіе на фактическую сторону біографіи и сочиненій Боккаччіо и только изрѣдка дѣлаетъ замѣчанія о его историческомъ значеніи. Иногда эти замѣчанія не лишены мѣткости, напр., объ отношеніи автора Декамерона къ древности и къ политикѣ²⁾; иногда они прямо ошибочны, какъ напр. толкованіе разсказа о трехъ кольцахъ въ смыслѣ сознательной проповѣди вѣротерпимости³⁾; иногда объясненія Гейгера даютъ невѣрное освѣщеніе личности Боккаччіо, таково, напр., сравненіе его съ Данте и Петраркой въ началѣ книги. Авторъ находитъ сходство между тремя поэтами въ пяти пунктахъ: 1) „всѣ они называли Флоренцію своей родиной, всѣ любили этотъ городъ, но, добровольно или вынужденно, избѣгали его, всѣ ставили Италію выше мѣсторожденія и скорбѣли о разорванности любимой страны“. Но Данте былъ гиббелинъ по преимуществу; Петрарка относился къ Флоренціи болѣе, чѣмъ равнодушно, и еще вопросъ, Неаполь времени Роберта или родная Флоренція болѣе привлекали Боккаччіо. Во всякомъ случаѣ исторически гораздо важнѣе разница, нежели сходство между этими дѣятелями.

¹⁾ Ibid. p. 37—38.

²⁾ Geiger, Renaissance und Humanismus, p. 58—59 и 69.

³⁾ Ibid. p. 72.

2). „Всѣ они вышли изъ сферы средневѣковыхъ идей тѣмъ, что старались доставить значеніе праву свободной личности“ противъ нивелирующаго вліянія церкви. Дѣйствительно, эта черта, весьма характерна для Петрарки и Боккаччіо; но ставить на одну линію съ ними автора поэтической энциклопедіи средневѣковыхъ воззрѣній и вѣрованій нѣтъ никакого основанія. Съ другой стороны, Гейгеръ не отмѣчаетъ разницы въ направленіи индивидуалистическихъ тенденцій обоихъ гуманистовъ, хотя сравнительно подробно излагаетъ внѣшнюю сторону ихъ взаимныхъ отношеній ¹⁾. Третій пунктъ сходства поэтовъ составляетъ ихъ любовь, которая выражалась у Данте „возвышеннымъ одушевленіемъ“, у Петрарки „нѣжной сердечностью (Innigkeit)“, у Боккаччіо „пламенной страстью“, при чемъ Гейгеръ даже не касается вопроса о томъ, обусловливается ли эта разница въ проявленіи чувства индивидуальными особенностями поэтовъ, или на нее косвенно вліяли условія времени. Четвертый пунктъ сходства представляетъ собою дополненіе къ первому: „всѣ трое, говоритъ Гейгеръ, были поэтами, а также и общественными дѣятелями, принимали участіе и въ государственной службѣ, и въ дипломатическихъ миссіяхъ въ интересахъ князей и городовъ“, при чемъ постоянно имѣли въ виду избавленіе отъ бѣдствій всей Италіи. Сходство несомнѣнно существуетъ; но Гейгеръ не отмѣчаетъ и весьма характерное различіе между Петраркою, страстнымъ публицистомъ въ политикѣ, пытавшемся осуществлять свои политическіе идеалы и перомъ и службой, и сравнительно равнодушнымъ къ политикѣ Боккаччіо, который почти исключительно ex officio исполнялъ порученія родного города и по временамъ бывалъ настроенъ даже космополитически. Весьма важный вопросъ затрогиваетъ Гейгеръ въ послѣднемъ пунктѣ своего сравненія. Всѣ трое, по его мнѣнію, положительно относились къ своему времени, были вѣрующими христіанами и любили родной языкъ; но тѣмъ не менѣе „они признавали, что основа ихъ образованія лежитъ въ прошломъ“, считали возможнымъ увлекаться языческими авторами, „съ большой охотой пользовались латинскимъ языкомъ и только за это считали себя достойными настоящихъ лавровъ“. Два послѣднихъ воззрѣнія несомнѣнно характерны для Петрарки и Боккаччіо; иное дѣло ихъ отношеніе къ современной дѣйствительности: нѣтъ основанія утверждать, чтобы они „высоко цѣнили“ свое время, и едва-ли можно доказать, чтобы они сознавали, гдѣ лежитъ „основа ихъ образованія“. Во всякомъ случаѣ

---

¹⁾ Ibid. p. 59 и слѣд.

Гейгеръ неясно формулируетъ весьма важный вопросъ и даетъ ему неопредѣленное рѣшеніе ¹⁾).

Кёртингъ въ общемъ сочиненіи о Ренессансѣ еще разъ возвращается къ Боккаччіо, чтобы опредѣлить „его положеніе въ своей эпохѣ“ ²⁾, и отмѣчаетъ только два пункта, весьма существенныхъ для исторіи Возрожденія: отношеніе Петрарки къ Боккаччіо и заслуги этого послѣдняго въ гуманистическомъ движеніи. Современники ставили Петрарку выше Боккаччіо, но это обусловливалось, по мнѣнію Кёртинга, тѣмъ, что первый былъ общественный дѣятель, стоялъ въ связи съ важнѣйшими представителями тогдашнихъ политическихъ и общественныхъ сферъ и даже, какъ поэтъ и ученый составилъ себѣ „нѣчто въ родѣ двора (eine Art Hofstaat)“ изъ своихъ друзей и поклонниковъ; тогда какъ Боккаччіо всегда и во всемъ оставался частнымъ человѣкомъ и „былъ далекъ отъ мечтаній политическаго честолюбія и отъ пропаганды словомъ и перомъ политическихъ идеаловъ“. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что онъ „въ дѣйствительности былъ человѣкъ менѣе значительный и менѣе одаренный“ отъ природы. Ему только недоставало „твердости и рѣзкости характера“, „онъ не былъ человѣкъ инициативы“, „не умѣлъ съ рѣшительной энергіей добиться мѣста на высотѣ своего времени“ ³⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что указанныя Кёртингомъ свойства обоихъ гуманистовъ отразились на отношеніи къ нимъ современниковъ и потомства; но здѣсь дѣйствовали и другія, болѣе глубокія причины: Петрарка глубже чувствовалъ потребности новаго времени, болѣзненно переживалъ противорѣчія своей эпохи и замѣтно содѣйствовалъ новому движенію, чѣмъ авторъ Декамерона. Что касается до историческаго значенія Боккаччіо, то Кёртингъ сводитъ его къ работѣ итальянской прозы, къ усиленію гуманизма посредствомъ латинскихъ трактатовъ и къ тому еще, что онъ преклоненіемъ предъ Данте и истолкованіемъ его поэмы „поставилъ Ренессансъ въ связь съ величайшимъ поэтомъ средневѣковаго прошлаго“ ⁴⁾. Авторъ самой обширной біографіи Боккаччіо совершенно игнорируетъ его вліяніе на идеи и стремленія его современниковъ и ближайшаго потомства.

Въ цѣломъ и общемъ развитіе литературы о Боккаччіо плоть тѣмъ же путемъ, который мы отмѣтили въ литературѣ о Петраркѣ.

¹⁾ Ibid. p. 48—49.

²⁾ *Körting*, *Die Anfänge der Renaissancelitteratur*. Zweites Capitel: Boccaccio's Stellung innerhalb seiner Zeit.

³⁾ Ibid. p. 448 и 447.

⁴⁾ Ibid. p. 449.

Его гуманистическое значеніе понималось и ставилось на видъ писателями Возрожденія; затѣмъ эта точка зрѣнія забылась: лучшіе біографы Боккаччіо въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія—Манни, Бальделли, Витте—имѣютъ цѣну почти исключительно по полнотѣ собраннаго ими фактическаго матеріала и по его критической провѣркѣ. *Правильное выясненіе историческаго значенія Боккаччіо началось только послѣ первыхъ попытокъ установить научную точку зрѣнія на все движеніе* и впервые обнаруживается въ общихъ сочиненіяхъ по эпохѣ, при чемъ историки литературы, какъ Симонди и Женгенэ, отиѣтили гуманистическій духъ въ его итальянскихъ произведеніяхъ, историки Возрожденія—Эргардъ и Шарпантье подчеркнули его труды по изученію древности. Работа Фогта навсегда выдвинула на первый планъ гуманистическое значеніе Боккаччіо, но при его выясненіи Фогтъ допустилъ два крупныхъ пробѣла: слишкомъ преувеличилъ вліяніе Петрарки и совершенно упустилъ изъ вида итальянскія произведенія Боккаччіо и въ особенности Декамеронъ. Позднѣйшіе изслѣдователи исправили эти промахи, и новѣйшіе біографы Боккаччіо — Ландау и Кёртингъ — стараются выяснитъ его гуманистическое значеніе на основаніи всѣхъ его произведеній. Монографическія работы за послѣднее десятилѣтіе и въ особенности труды новѣйшихъ историковъ литературы ¹⁾ внесли существенныя поправки и дополненія къ этимъ біографіямъ, такъ что въ настоящее время міровоззрѣніе Боккаччіо въ общемъ выяснено и его произведенія хорошо изслѣдованы, благодаря въ особенности трудамъ Гортиса и Крешини. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Боккаччіо не нуждается въ дальнѣйшемъ изученіи и что его біографу предстоитъ легкая задача. Прежде всего необходимъ еще цѣлый рядъ монографическихъ изслѣдованій. Ученость Боккаччіо, его религія, мораль и политическія воззрѣнія только характеризованы въ общихъ сочиненіяхъ, но почти совершенно еще не подвергались систематическому изученію, которое придало бы спорнымъ характеристикамъ значеніе научнаго факта. Кромѣ того, *исторія міросозерцанія и настроенія Боккаччіо*

---

¹⁾ Вообще слѣдуетъ замѣтить, что исторія литературы по двумъ причинамъ имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе при выясненіи исторической роли Боккаччіо, чѣмъ для такого же изученія Петрарки. Во-первыхъ, ея главный объектъ, итальянскія произведенія, имѣютъ болѣе существенное значеніе для пониманія гуманистической дѣятельности Боккаччіо, чѣмъ для такой же оцѣнки Петрарки. Во-вторыхъ, латинскіе трактаты, которые она отодвигаетъ на второй планъ или совершенно игнорируетъ, важнѣе для характеристики новаго направленія у Петрарки, чѣмъ у Боккаччіо

еще едва началась и ее дальнѣйшее изученіе крайне затруднено отсутствіемъ переписки и автобіографическихъ сочиненій. Наконецъ, существенный вопросъ для біографіи всякаго дѣятели — характеръ и настроеніе среды, въ которой приходилось ему жить и дѣйствовать. Въ наличной литературѣ о Петраркѣ и Боккаччіо этотъ вопросъ затронутъ очень мало, и изъ слѣдующаго тома нашей книги будетъ видно, какія непреодолимыя трудности представляетъ онъ при современномъ состояніи источниковъ.

НЕСТОРЪ КОТЛЯРЕВСКИЙ, Мiровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ прошлаго вѣка. 2-е исправленное изданiе. Спб. 1910. Ц. 2 р.

АЛЕКСАНДРЪ ОНУ, Выборы 1789 года во Францiи и указы третьяго сословiя съ точки зрѣнiя ихъ соотвѣтствiя истинному настроенiю страны. Спб. 1908 г. Ц. 3 р. 50 к.

Проф. М. Н. ПЕТРОВЪ, Изъ всемирной исторiи. Очерки: Евангелiе въ исторiи. — Германикъ. — Сцены по Тапиту. — Мохаммедъ. Происхожденiе ислама. — Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ. Рыцарское служенiе женщинъ въ среднiе вѣка. — Жанна д'Аркъ. Историко-психологическiй опытъ. — Людовикъ XI. Общеисторическая характеристика. — Сааварола. Историческiй очеркъ. — Томасъ Мюнцеръ. Великая крестьянская война. — Эразмъ роттердамскiй. Начальная эпоха гуманизма. — Филиппъ II. Паденiе аррагонской конституцiи. — Петръ Великiй. Юбилейная рѣчь. Съ портретомъ автора, факсимиле и 12 рисунками. Изд. 4-е. Спб. 1904. Ц. 2 р. 25 к.

М. РОСТОВЦЕВЪ, Исторiя государственнаго откупа въ римской имперiи (отъ Августа до Дiоклетiана). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

ВЛ. ЧЕРЕВАНСКИЙ, Последнiй вздохъ Византiи. Историческая монографiя со многими автотипiями. Изд. «Литературнаго фонда». Спб. 1909 г. Ц. 3 р.

---

10 000-

ЦѢНА 90 КОП.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича.

Спб. Вас. остр., 5 лин., собств. д. № 28.

Полный каталогъ Склада высылается по полученіи 4 коп. марки, а спеціальный дѣтскій, со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу, и дополнительные каталоги высылаются каждый по полученіи 2 коп. марки.